

Мировой бестселлер

Меню лица

ЭМИ ХАРМОН

Annotation

В тринадцать лет Ферн влюбилась на всю оставшуюся жизнь. Его звали Эмброуз Янг, и он был самым красивым парнем в школе. «Он никогда не обратит на меня внимание» — так думала девочка с непослушными рыжими кудрями, брекетами и в очках с толстыми линзами. Но время шло, и все неумолимо менялось: их жизни, их мечты, их лица. Однажды Эмброуз проснулся монстром, а Ферн превратилась в настоящую красавицу... Это история о вечной любви. Это история о внутренней красоте, столь величественной, что внешняя красота никогда с ней не сравнится.

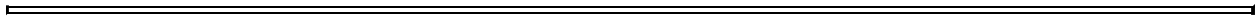

-
- [Эми Хармон](#)
    -
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

Эми Хармон

Меняя лица

*Семейству Рус: Девиду, Энджи, Аарону, Гарретту
и Кэмерон*

*Я лишь один из многих,
Но все же кое-что значу.
Я не могу сделать все на свете,
Но могу предпринять хоть что-то.
И именно потому, что я не могу осуществить все,
Я сделаю хотя бы то, что в моих силах.*

Эдвард Эверетт Хейл

ПРОЛОГ

— «Древние греки верили, что после смерти все души, и злые, и добрые, отправлялись в Подземный мир, в царство Аида, и оставались там навечно, — читал вслух Бейли, скользя глазами по строчкам. — Вход в подземный мир сторожил Цербер — огромный злой трехголовый пес со змеиным хвостом».

Бейли поежился от вспыхнувшей в голове картинки. Интересно, испугался ли Геракл, когда впервые увидел этого зверя и осознал, что должен уничтожить его голыми руками?

— «Это был последний, двенадцатый подвиг — самое трудное испытание. Геракл знал: ему предстоит спуститься в Подземный мир, встретиться с духами и чудовищами, одолеть демонов и всех мифических созданий, каких встретит на пути, но, возможно, он никогда больше не вернется в мир живых. Впрочем, смерть не страшила его. Геракл много раз смотрел ей в глаза, не в силах дожидаться того дня, когда закончится его бесконечное рабство. Он отправился в путь, тайно надеясь встретить в царстве Аида души тех, кого он любил, а потом лишился, за что сейчас и расплачивался».

1

СУПЕРЗВЕЗДА ИЛИ СУПЕРГЕРОЙ

Первый день в школе. Сентябрь, 2001

В школьном спортзале было так шумно, что Ферн приходилось склоняться к самому уху Бейли и кричать, чтобы быть услышанной. Бейли вполне смог бы протиснуться сквозь толпу на своей инвалидной коляске, но Ферн решила катить ее сама, чтобы ненароком не потеряться.

— Видишь Риту? — прокричала она, шаря глазами по сторонам.

Рита знала, что им нужно сесть где-то на нижней трибуне, чтобы Бейли мог примоститься рядом. Наконец Бейли ткнул куда-то пальцем, и Ферн посмотрела в указанном направлении: подруга неистово махала им руками, так что ее грудь колыхалась, а пышные светлые волосы разметались по плечам. Пробравшись к ней, Ферн оставила коляску и уселась на второй ряд, прямо за Ритой, Бейли же пристроился у края лавки.

Ферн терпеть не могла спортивные сборища. Невысокую и хрупкую, ее постоянно толкали и зажимали, где бы она ни сидела. Вопить и топтать ногами ей тоже было неинтересно. Она вздохнула, морально готовясь к гвалту, громкой музыке и яростной игре футбольных команд.

— Прошу всех встать на время исполнения национального гимна, — прогудел голос.

Микрофон протестующе зафонил, заставляя всех сморщиться и зажать уши. Зал притих.

— Сегодня нас ждет нечто особенное, мальчики и девочки, — усмехнулся в микрофон Коннор О'Тул, также известный как Бинс.

Бинс был из тех, кто всегда что-то затевает, и у него не было недостатка в людском внимании. Он был наполовину ирландцем, наполовину латиноамериканцем, так что его вздернутый нос, сияющие ореховые глаза и дьявольская ухмылка довольно плохо сочетались со смуглой кожей. А еще Бинс любил поговорить и явно наслаждался минутой славы у микрофона.

— Наш с вами общий друг, Эмброуз Янг, проиграл пари. Он обещал спеть гимн, если мы победим в первом матче. — После этих слов трибуны оживились. — Но мы победили не только в первом матче, а еще и во втором! — Зрители заревели. — Поэтому Эмброуз Янг, человек слова,

сейчас будет петь, — закончил Бинс, помахав микрофоном в сторону друга.

Бинс — коротышка. Несмотря на то что он учился в выпускном классе, он был одним из самых невысоких футбольных игроков, и больше годился для борьбы, чем для футбола. Эмброуз, тоже выпускник, возвышался над Бинсом, словно башня, каждый его бицепс в обхвате был размером с голову Бинса. Он походил на тех парней, которых обычно рисуют на обложках любовных романов. Даже имя у него было подходящее для героя дамского чтива. Ферн точно это знала: она прочла тысячи таких книг. Альфа-самцы, стальные мускулы, горящие взгляды, счастливые развязки. Но никто не мог сравниться с Эмброузом Янгом. Ни в романах, ни в реальной жизни.

Для Ферн Эмброуз Янг был воплощением красоты — греческий бог среди простых смертных, героев фильмов и сказок. В отличие от других ребят, он носил вьющиеся волосы до плеч и время от времени отбрасывал их назад, чтобы они не падали на карие глаза с густыми ресницами. Из-за почти квадратной челюсти его сложно было назвать красавцем. Однако рост метр девяносто и вес девяносто пять килограммов в восемнадцать лет впечатляли, не говоря уже о мышцах.

Ходили слухи, что мать Эмброуза, Лили Грэфтон, отправившись в Нью-Йорк на поиски славы, связалась там с итальянским манекенщиком, который снимался в рекламе нижнего белья. Однако они расстались, как только итальянец узнал, что Лили беременна. Покинутая и в положении, она вернулась в родной город, где очутилась в объятиях своего старого друга Эллиота Янга. Он с радостью женился на ней и спустя шесть месяцев принял ее новорожденного сына. Соседи пристально следили за тем, как рос малыш, и вскоре обнаружили: у низкорослого и светловолосого Эллиота Янга смуглый сынишка с темными глазами. С годами его фигура все больше напоминала фигуру топ-модели нижнего белья.

Четырнадцать лет спустя Лили бросила Эллиота и вернулась в Нью-Йорк, чтобы найти настоящего отца Эмброуза. Ни для кого это не стало неожиданностью. Удивительным было другое: четырнадцатилетний Эмброуз остался в Ханна-Лейк с Эллиотом. К тому времени он уже стал заметной фигурой в маленьком городке, и люди поговаривали, что именно поэтому не уехал. Эмброуз метал копье, как герой мифов, и с легкостью расчищал себе путь на футбольном поле. Еще в младших классах он вывел свою бейсбольную команду на районные соревнования, а к пятнадцати годам мог забрасывать слэм-данк.^[1] Но именно борьба сделала Эмброуза Янга настоящей знаменитостью в городке Ханна-Лейк штата Пенсильвания — в городке, где жители закрывали свои кафе и магазинчики ради местных

поединков и следили за рейтингом штата очень внимательно, будто от него зависел выигрыш в лотерею. В городке, где все были одержимы борьбой, как жители Техаса — футболом.

Когда Эмброуз взял микрофон, зрители замерли, ожидая, что Эмброуз обойдется с гимном жестоко. Все знали, что этот парень силен, привлекателен, знали о его успехах в спорте, но никто ни разу не слышал, как он поет. Тишина была пронизана ожиданием, кружившим голову. Эмброуз откинул волосы и засунул свободную руку в карман, словно ему некомфортно. Затем остановил взгляд на флаге и начал петь.

— «О, скажи, видишь ты в первых солнца лучах...»^[2]

И снова по трибуне прокатился вздох. Не потому, что Эмброуз пел плохо. Потому что он пел потрясающе и голос его был так же прекрасен, как он сам: мягкий и глубокий, с невероятно насыщенным тембром. Если бы горький шоколад мог петь, он звучал бы точно как Эмброуз Янг.

Этот голос окутал Ферн, увлек за собой, и она, покрывшись мурашками, невольно зажмурила глаза за толстыми стеклами очков. Это было великолепно.

— «Еще есть храбрецы... — голос Эмброуза достиг пика, и Ферн почувствовала себя так, словно взобралась на Эверест, обессиленная, но воодушевленная, — ...в ком свобода жива!»

Зал заревел, но Ферн все еще наслаждалась последней нотой.

— Ферн! — прозвенел рядом голос Риты. Она толкнула ногу подруги, но та не обратила внимания, растягивая момент, который разделила, как ей казалось, с самым прекрасным голосом на планете.

— У Ферн первый оргазм, — фыркнула одна из подружек Риты.

Ферн распахнула глаза. Рита, Бейли и Синди Миллер таращились на нее, широко улыбаясь. К счастью, из-за аплодисментов и восторженных криков никто вокруг не услышал оскорбительного комментария Синди.

Щуплая и бледная, с ярко-рыжими волосами и невыразительными чертами лица, Ферн знала, что была серой мышкой, о которой не станет мечтать ни один парень. Детство ее прошло без особых происшествий или драм благодаря тому, что она прекрасно осознавала собственную заурядность.

Родители Ферн, прямо как Захария и Елисавета,^[3] уже не надеялись зачать ребенка. И вдруг судьба улыбнулась им. Пятидесятилетний Джошуа Тейлор, известный и любимый в небольшом городке Ханна-Лейк пастор, жил со своей сорокапятилетней женой Рейчел вот уже пятнадцать лет. Когда она со слезами на глазах сообщила ему о беременности, Джошуа

онемел от счастья, у него отвисла челюсть, а руки затряслись. Он бы подумал, что жена его разыгрывает, но ее лицо сияло безмятежной радостью. Девочка, настоящее чудо, появилась на свет семь месяцев спустя, и это событие праздновал весь город. Ферн видела в этом иронию судьбы: когда-то ее считали чудом, но с тех пор ничего чудесного в ее жизни не произошло.

Она сняла очки и стала протирать их краешком футболки. Пусть сменяются. У нее и в самом деле кружилась голова от эйфории, как бывает при чтении хорошей любовной сцены. Ферн Тейлор влюбилась в Эмброуза Янга, едва услышав его голос. Тогда ей было десять лет. Но сегодня его красота перешла на совершенно новый уровень, и Ферн не переставала удивляться, как у одного человека может быть столько талантов?

Август, 1994

Ферн подошла к дому Бейли. Она закончила читать последнюю книгу из тех, что взяла на прошлой неделе в библиотеке, и ей было скучно. Бейли неподвижно сидел на бетонных ступеньках, ведущих к входной двери, и сосредоточенно смотрел на существо, ползающее перед ним по дорожке. Очнулся он лишь тогда, когда Ферн чуть не наступила на предмет его внимания. Бейли вскрикнул, а Ферн, увидев огромного коричневого паука всего в паре сантиметров от своей ноги, завизжала. Паук пополз дальше, медленно преодолевая длинную асфальтовую дорожку. Бейли следил за ним уже полчаса, не подходя слишком близко, потому что это, в конце концов, паук, к тому же гигантский.

Таких больших пауков Ферн еще не видела. Его туловище было размером с пятицентовую монету, но вместе с ногами тянуло на пятидесятицентовую, и Бейли, казалось, это восхищало. Что ж, он ведь мальчишка. Ферн присела рядом, наблюдая за тем, как паук неторопливо переползает дорожку. Он петлял, словно старик, вышедший на прогулку. Без спешки и страха, без цели, умудренный опытом «пешеход» осторожно разгибал длинные тонкие лапки, прежде чем сделать шагжок. Дети наблюдали за ним, завороженные его жутковатой красотой. Эта мысль поразила Ферн: паук был красив, хоть и пугал ее.

— Он классный, — восхищенно сказала она.

— Ага! Потрясный, — ответил Бейли, не отводя глаз от паука. — Вот бы у меня было восемь ног. Интересно, почему у Человека-паука не выросло столько после того, как его укусил радиоактивный паук? Этот паук дал ему клевое зрение, силу, умение плести паутину. Почему не дал

дополнительных ног? О! А вдруг паучий яд может вылечить мышечную дистрофию и если я дам этому пауку меня укусить, то стану большим и сильным? — Бейли всерьез задумался, почесав затылок.

— Хмм... я бы не стала рисковать, — пожала плечами Ферн.

Они были так зачарованы пауком, что не заметили мальчика, который приближался к ним на велосипеде. Ему стало интересно, почему Ферн и Бейли замерли. Он слез с велосипеда, положил его на траву и проследил за взглядом ребят. А когда увидел огромного коричневого паука, шагавшего по дорожке перед домом вспомнил, что его мама до ужаса их боится и заставляет его убивать их. Вдруг, ребята не могут пошевелиться, потому что тоже до смерти испугались? Он может их спасти. Он подбежал и раздавил насекомое большой белой кроссовкой.

Две пары испуганных глаз уставились на него.

— Эмброуз! — в ужасе воскликнул Бейли.

— Ты убил его! — ошеломленно прошептала Ферн.

— Ты убил его! — закричал Бейли, поднимаясь на ноги. Он взглянул на коричневую кашку — все, что осталось от паука, который заворачивал его последний час жизни. — Мне нужен был его яд! — Бейли все не мог расстаться с мыслью о целительной силе пауков и супергероях. А потом, к удивлению ребят, он разрыдался.

Эмброуз, открыв рот, смотрел на Бейли, пока тот на дрожащих ногах поднимался по ступеням в дом. Когда дверь захлопнулась, Эмброуз закрыл рот и засунул руки в карманы шорт.

— Прости, — сказал он Ферн, — я думал... я думал, он испугал вас до смерти. Вы сидели, уставившись на него. А я не боюсь пауков. Я просто пытался помочь.

— Может нам похоронить его? — спросила Ферн, глаза за огромными очками были полны скорби.

— Похоронить? — удивился Эмброуз. — Он что, был домашним животным?

— Нет. Мы его только что встретили, — серьезно ответила Ферн. — Но, может, Бейли от этого станет лучше.

— Почему он так расстроился?

— Потому что паук умер.

— И что? — Эмброуз не хотел грубить. Он и правда не понимал. И эта рыжая девочка с сумасшедшими кудряшками немного пугала его. Он раньше видел ее в школе и знал ее имя, но они были не знакомы. Может, она была особенной? Его папа всегда говорил, что нужно относиться по-доброму к особенным детям, потому что они не виноваты в том, что они

такие.

— Бейли болен. Его мышцы слабеют с каждым днем, и он может умереть. Ему становится плохо, когда кто-то умирает, — просто и честно сказала Ферн. Хотя ее слова прозвучали весьма по-умному.

Эмброуз вдруг понял, почему Бейли не пошел в секцию борьбы — из-за болезни. Ему стало грустно, и он присел рядом с Ферн.

— Я помогу тебе его похоронить.

Ферн вскочила и побежала по траве к своему дому, прежде чем он успел закончить это предложение.

— У меня как раз есть подходящая коробочка! Попробуй пока отскрести его от асфальта! — крикнула она через плечо.

Эмброуз нашел кусочек коры на клумбе возле дома Шинов и попытался соскоблить коричневую кашицу. Через полминуты вернулась Ферн, держа в руках круглую белую коробочку для колец, и Эмброуз положил останки на девственно белый хлопок. Затем она захлопнула крышку и торжественным жестом позвала Эмброуза за собой. Он последовал за ней на задний двор, где они выкопали ямку в дальнем углу сада.

— Наверно, хватит, — сказал Эмброуз, забрав из рук Ферн коробочку и опустив ее в землю.

Они уставились на белое пятно.

— Может, споем? — предложила Ферн.

— Но я знаю только одну песенку про паука.

— Итси-Битси?^[4]

— Да.

— Я тоже ее знаю.

Ферн и Эмброуз начали петь песню о пауке, которого смыло дождем в водосточную трубу, но который смог выбраться наверх, когда солнце выглянуло из-за туч. Допев, Ферн взяла Эмброуза за руку.

— Нужно прочесть небольшую молитву. Мой папа пастор. Я знаю, как это делается, так что прочитаю.

Эмброузу было странно держать ее за руку — влажную, испачканную землей и очень маленькую. Он хотел было воспротивиться, но тут Ферн начала говорить, зажмурив глаза и нахмутив брови.

— Отец Небесный, мы благодарны Тебе за все, что Ты создал. Нам нравилось наблюдать за этим пауком. Он был классным и дарил нам радость, пока Эмброуз его не раздавил. Спасибо Тебе за то, что даже уродливых существ Ты делаешь красивыми. Аминь.

Эмброуз не стал жмуриться — он таращился на Ферн. Она открыла глаза и мило улыбнулась, отпуская его руку, а потом начала засыпать

белую коробочку землей. Тем временем Эмброуз нашел несколько камешков и выложил их в форме буквы П, что означало «паук». Ферн же сложила рядом букву К.

— А что значит К? — поинтересовался Эмброуз.

— Красивый Паук, — ответила она. — Таким я его запомню.

Сентябрь, 2001

Ферн любила лето — ленивые деньки и долгие часы в компании Бейли и книг, но осень в Пенсильвании просто захватывала дух. Сентябрь только вступил в свои права, а листья уже начали менять цвет, и Ханна-Лейк пестрел яркими красками, разбавлявшими темную зелень угасающего лета. Наступил новый учебный год. Теперь они учились в выпускном классе, и до настоящей, взрослой жизни оставался всего год.

Но для Бейли настоящая жизнь была уже сейчас, в эту самую минуту, потому что каждый день тянул его все глубже ко дну. Он не становился сильнее — он слабел. Он приближался не ко взрослой жизни, а к смерти, а потому смотрел на жизнь совсем иначе, чем его сверстники. Он научился жить мгновением, не заглядывая далеко в будущее и не гадая, что могло бы произойти. Большинство детей с мышечной дистрофией Дюшенна не доживают и до двадцати одного.

Его мама переживала, что он по-прежнему посещает школу, рискуя заразиться какой-нибудь болезнью от одноклассников. Но Бейли не мог поднимать руки даже до уровня груди, не говоря о лице, и это частично спасало его от микробов, так что учебу он пропускал редко.

Денег у старшей школы Ханна-Лейк было немного, но с небольшой финансовой поддержкой всех родителей класса Бейли имел все шансы ее окончить и стать одним из лучших в своем потоке. Для него поставили специальный компьютерный стол, ведь с планшетом работать оказалось трудно — если тот падал на пол, Бейли не мог за ним наклониться.

На втором уроке, математике, Бейли и Ферн сидели в последнем ряду, за специальным высоким столом. Предполагалось, что Ферн должна помогать Бейли во время занятий, но на деле все было наоборот. За соседней партой сидели Эмброуз Янг и Грант Нильсон. Ферн немного волновалась оттого, что Эмброуз был так близко. Хотя он даже не знал о ее существовании, несмотря на то что их разделял всего лишь метр.

Мистер Хилди опаздывал. Он часто приходил на их второй урок после звонка, и никого это не волновало. В его расписании не было первого урока, так что по утрам он обычно попивал кофе перед телевизором в

учительской. Но в этот вторник он, едва войдя в класс, сразу же включил телевизор, висевший в углу. Телевизор был новый, доска — старая, а учитель — и вовсе древний, поэтому никто не обратил внимания на то, как он уставился на экран, наблюдая за репортажем о крушении самолета. На часах было 9:00.

— Тише, пожалуйста! — рявкнул мистер Хилди, и все разом угомонились.

На экране показывали два высоких здания. Из окон одного валил черный дым и вырывались языки пламени.

— Это Нью-Йорк, мистер Хилди? — спросил кто-то в первом ряду.

— Эй, а Кнадсен сейчас не в Нью-Йорке?

— Это Всемирный торговый центр, — сказал мистер Хилди. — И это был не пассажирский рейс, мне плевать, что они там говорят.

— Смотрите! Еще один!

— Еще один самолет?

Все ахнули одновременно.

— Вот дерь..! — Бейли умолк на полуслове, а Ферн прикрыла ладонью рот, когда второй самолет врезался в другую башню — ту, что еще не была охвачена пламенем.

Репортеры реагировали примерно так же, как ученики в классе, — ошеломленные, сбитые с толку, они пытались найти слова, сказать хоть что-нибудь, освещая события, которые вовсе не были несчастным случаем.

В тот день математикой ребята не занимались. На глазах у класса вершилась история. Вероятно, мистер Хилди считал выпускников достаточно взрослыми для кадров, мелькающих на экране. Несколько десятков лет назад он прошел войну во Вьетнаме и терпеть не мог политику. Вместе с учениками он смотрел, как напали на Америку, но, в отличие от них, оставался бесстрастным. Однако внутри у него все задрожало: он знал лучше, чем кто-либо другой, какова будет расплата за эти события. Впереди война — после такого уж точно, — и она заберет много молодых жизней.

— Разве Кнадсен сейчас не в Нью-Йорке? — снова спросил кто-то. — Он говорил, что они с семьей хотели посмотреть на статую Свободы и кучу других вещей. — Лэндон Кнадсен был вице-президентом союза школьников, игроком футбольной команды и просто парнем, которого все знали и любили.

— Броузи, твоя мама ведь там живет? — внезапно вспомнил Грант, и в его глазах отразилось беспокойство за друга.

Взгляд Эмброуза был прикован к телевизору, лицо казалось непроницаемым. Он кивнул. Мама не просто жила в Нью-Йорке — она

была секретарем в рекламном агентстве, в Северной башне Всемирного торгового центра. Он мысленно твердил себе, что с ней все в порядке, ведь ее офис на одном из нижних этажей.

— Может, позвонишь ей? — предложил Грант.

— Попробую. — Эмброуз достал телефон; в школе запрещалось ими пользоваться, но мистер Хилди не возражал.

Все смотрели, как он звонит снова и снова.

— Занято. Наверное, все пытаются дозвониться. — Эмброуз убрал телефон.

Никто не сказал ни слова. Прозвенел звонок, но все остались на своих местах. Несколько ребят из другого класса уже вошли в кабинет, готовясь к третьему уроку, и тоже уставились на экран. Расписание больше не имело никакого значения. Входившие садились прямо на парты и вставляли вдоль стен, прикованные к телевизору. И тут обрушилась Южная башня. Она растворилась в огромном расплзающемся облаке — плотном, густом, грязно-белом. Кто-то вскрикнул, все разом заговорили, тыча в экран. Ферн сжала руку Бейли. Кто-то из девочек начал плакать.

Мистер Хилди был бледным как мел. Он окинул взглядом учеников, толпившихся в классе, и пожалел, что включил телевизор. Им, таким молодым, невинным, не нюхавшим пороха, не следовало этого видеть. Он открыл было рот, чтобы приободрить их, но нести чушь было не в его правилах, и он промолчал. Все, что он мог сказать, либо будет откровенной ложью, либо напугает их еще сильнее. Происходящее казалось иллюзией, фокусом с дымом и зеркалами. Но башня исчезла. Хоть сначала самолет врезался в Северную башню, Южная упала первой. Всего через пятьдесят шесть минут после удара.

Ферн сжала ладонь Бейли. Огромное облако дыма и пыли напоминало Ферн дешевую синтетическую вату, которой был набит ее старый плюшевый медведь, выигранный ею на ярмарке. Как-то раз она швырнула им в голову Бейли. Правая лапа у игрушки оторвалась, грязно-белые клочья разлетелись во все стороны. Но происходящее в Нью-Йорке не походило на веселую ярмарку. По темным лабиринтам улиц в панике бегали, словно зомби, люди, их одежду покрывал пепел. Только эти зомби плакали и звали на помощь.

Когда в новостях сообщили, что еще один самолет рухнул возле Шанксвилла — всего в шестидесяти пяти милях от Ханна-Лейк, — ученики начали расходиться, они больше не могли ни смотреть, ни слушать новости. Ребята выбегали из школы и спешили домой — убедиться, что жизнь в Ханна-Лейк продолжается, что их семьи в порядке.

Эмброуз Янг остался в классе мистера Хилди и увидел, как вслед за Южной Башней через час обрушилась и Северная. Мама не отвечала. Каждый раз, когда он набирал ее номер, в трубке звучал лишь странный шум. Он ушел в спортзал. Там, в углу, сидя на сложенном в рулон мате и почувствовав себя в большей безопасности, он кое-как прочел молитву. Эмброузу было стыдно просить помощи — у Бога сейчас явно и без того хватало хлопот. Проглотив ком в горле, он прошептал «аминь» и еще раз набрал мамин номер.

Июль, 1994

Ферн и Бейли сидели на самом верхнем ряду трибун и лизали фиолетовое мороженое, похищенное из холодильника в учительской. Они следили за тем, как внизу на мате боролись спортсмены. Отец Бейли, тренер школьной команды по борьбе, проводил очередной набор в детскую секцию борьбы, но ни Ферн, ни Бейли не взяли: девочкам в этом спорте были не рады, а у Бейли из-за болезни ослабли конечности. В теле здорового человека мышцы после нагрузки быстро восстанавливаются, становясь только крепче от тренировки к тренировке. В теле Бейли ничего такого не происходило. Но недостаточные нагрузки грозили слишком быстрым ослаблением мышц.

Бейли поставили диагноз «мышечная дистрофия Дюшенна», когда ему было четыре, и мать стала следить за его подвижностью, как сержант на плацу. Она заставляла его плавать в спасательном жилете (хоть он и чувствовал себя в воде как рыба), соблюдать режим сна и прогулок, делала все, чтобы сын как можно дольше обходился без инвалидного кресла. Пока что им удавалось обогнать болезнь. В десять лет большинство детей с мышечной дистрофией были прикованы к коляске, а Бейли по-прежнему ходил.

— Может, я и не такой сильный, как Эмброуз, но, уверен, я смогу его побороть, — сказал он, прищурив глаза и сосредоточенно глядя на бой.

Эмброуз Янг выделялся среди остальных как бельмо на глазу. Он был в том же классе, что Бейли и Ферн, хотя ему уже исполнилось одиннадцать. Мало того что он был старше одноклассников — он еще и был на добрый десяток сантиметров выше своих сверстников. Тренировался Эмброуз со старшеклассниками из школьной сборной по спортивной борьбе, которые помогали тренеру с секцией, и держался он очень достойно. Мистер Шин наблюдал за ним со стороны, выкрикивая наставления и время от времени останавливая бой, чтобы

продемонстрировать хват или выпад.

Ферн фыркнула и лизнула мороженое, жалея, что не прихватила с собой книгу. Если бы не лакомство, она уже давно бы ушла. Ее мало интересовали потные мальчишки.

— Тебе не побороть Эмброуза, Бейли. Но не грусти, мне тоже его не побороть.

В глазах Бейли полыхала ярость, когда он обернулся к Ферн — так быстро, что подтаявшее мороженое выскользнуло из рук и, испачкав его худые колени, упало на пол.

— Может, у меня и нет больших мускулов, но я очень умный и знаю все приемы. Папа научил меня всему, он говорит, что я мыслю как настоящий борец! — выпалил он, скривив губы и позабыв о лакомстве.

Ферн похлопала его по ноге и предложила лизать мороженое.

— Твой папа говорит так, потому что любит тебя. Моя мама тоже говорит мне, что я красивая, потому что любит меня. Но это не так... А тебе не победить Эмброуза.

Бейли вскочил и пошатнулся. Ферн на секунду замерла от страха, представив, как он падает с трибуны.

— Ты и правда некрасивая! — прокричал Бейли, из-за чего Ферн сразу закипела. — Но мой папа никогда не станет врать мне, как твоя мама. Вот подожди! Когда я стану взрослым, я буду самым сильным, самым лучшим борцом во Вселенной!

— Моя мама говорит, что ты не станешь взрослым, а умрешь раньше! — прокричала в ответ Ферн. Она подслушала это как-то раз, когда ее родители думали, что она не слышит.

Бейли скривился и начал спускаться с трибуны, цепляясь за перила и покачиваясь на дрожащих ногах. Ферн почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она встала и пошла следом за ним, хоть он и отводил от нее взгляд. Оба плакали всю дорогу до дома. Бейли крутил педали велосипеда так быстро, как только мог, делая вид, что не замечает Ферн. Она ехала рядом, то и дело утирая нос липкими руками.

Дома, запинаясь на каждом слове и размазывая по лицу сопли и мороженое, Ферн поведала матери о том, что сказала Бейли. Мать молча взяла ее за руку и повела к соседнему дому — к дому Шинов. Энджи, тетя Ферн и мама Бейли, сидела на террасе и что-то тихо говорила сыну, сидящему у нее на коленях. Рейчел Тейлор опустилась в кресло-качалку и тоже позвала к себе дочь. Энджи посмотрела на Ферн и слегка улыбнулась, заметив фиолетовые разводы на ее щеках. Бейли прятал лицо у мамы на плече. Оба ребенка были уже слишком большими, чтобы сидеть

на коленях у мам, но ситуация, казалось, этого требовала.

— Ферн, — мягко окликнула ее тетя Энджи, — я как раз говорила Бейли, что это правда. Он скоро умрет.

Ферн снова пустилась в слезы, и мать прижала ее к своей груди. Ферн чувствовала щекой, как сильно бьется сердце мамы, но лицо тети Энджи оставалось спокойным, она не плакала. Казалось, она уже примирилась с тем, с чем Ферн не могла примириться еще несколько лет после того разговора. Бейли, обнял мать за шею и заскулил. Тетя Энджи похлопала его по спине и поцеловала в макушку.

— Бейли, послушаешь меня минутку, сынок?

Тот, продолжая плакать, посмотрел на мать, а потом на Ферн — с такой злобой, словно все это происходило по ее вине.

— Ты умрешь, и я умру, и Ферн умрет. Ты разве не знал, Бейли? И тетя Рейчел тоже умрет. — Энджи посмотрела на маму Ферн и улыбнулась, извиняясь за это мрачное предсказание.

Бейли и Ферн в ужасе взглянули друг на друга, ошеломленные настолько, что перестали плакать.

— Все живое умирает, Бейли. Некоторые люди живут дольше других. Мы знаем, что болезнь, скорее всего, сократит твои дни. Но никто не знает, сколько каждому из нас отведено.

Бейли поднял на нее глаза. Ужас и отчаяние больше не сквозили в них.

— Как дедушка Шин?

Энджи кивнула, целуя его в лоб.

— Да. У дедушки не было мышечной дистрофии. Но он попал в автокатастрофу, помнишь? Он покинул этот мир раньше, чем нам хотелось бы, но такова жизнь. Мы не выбираем, когда умрем и как. Никому это не подвластно. — Энджи пристально посмотрела сыну в глаза и повторила: — Слышишь меня, Бейли? Никому.

— Значит, Ферн может умереть раньше меня? — с надеждой в голосе спросил Бейли.

Ферн почувствовала, как мать подавила смех, и удивленно посмотрела на нее. Рейчел улыбалась, закусив губу. И тут Ферн поняла, что задумала тетя Энджи.

— Да! — Ферн закивала так сильно, что кудряшки на ее голове пустились в пляс. — Я могу утонуть в ванне, когда буду купаться сегодня вечером. Или, может, я упаду с лестницы и сверну себе шею, Бейли. А может даже, мой велосипед завтра переедет машина. Видишь? Не грусти. Все мы рано или поздно сыграем в ящик!

Энджи и Рейчел хихикали, а на лице Бейли расплзалась широченная

улыбка.

— Или, может, ты свалишься с дерева на заднем дворе. Или прочитаешь так много книг, что у тебя лопнет голова! — добавил он.

Энджи рассмеялась и крепко обняла сына:

— Думаю, хватит, Бейли. Мы ведь не хотим, чтобы у Ферн лопнула голова, правда?

Бейли посмотрел на Ферн, всерьез задумавшись над этим вопросом.

— Нет. Думаю, нет. Но я все-таки надеюсь, что она умрет раньше, чем я.

Потом он бросил Ферн вызов и поборол ее на газоне, уложив на лопатки меньше чем за пять секунд. Кто знал? Возможно, он и правда мог победить Эмброуза Янга.

Ноябрь, 2001

Прошли дни и недели после событий одиннадцатого сентября, жизнь вернулась в привычное русло, но что-то было не так. Будто надел любимую рубашку наизнанку — она все та же, но трет в непривычных местах, швы и бирки наружу, цвета бледнее и надпись задом наперед. Но рубашку всегда можно переодеть, а от странного чувства невозможно было избавиться.

Бейли смотрел новости завороченно и в то же время с ужасом. Он часами не вставал из-за компьютера, заполняя страницы своими наблюдениями, записывая историю и облекая нескончаемую фото пленку трагедий в слова. Если Ферн не отрывалась от романов, то Бейли с головой погружался в историю. Еще ребенком он обожал читать о событиях прошлого, зачарованный тем, что над ними не властно время. Книги о короле Артуре, который жил больше тысячи лет назад, словно делали читателя бессмертным. А для мальчика, остро ощущавшего обратный отсчет его дней, бессмертие было чем-то упоительным.

Бейли педантично вел дневники с тех самых пор, как научился писать. Они занимали отдельную полку в книжном шкафу в его спальне. Соседствуя с биографиями других людей, они освещали события его жизни, скрывали мечты и мысли. Однако, несмотря на страсть фиксировать историю, Бейли был, пожалуй, единственным, кто воспринял случившееся философски. Он проявлял ничуть не больше страха, чем обычно. Он все так же был увлечен любимыми занятиями и по-прежнему дразнил Ферн. А когда она обессилела от репортажей о последствиях теракта, он разговорами уводил ее от эмоционального края, на котором, казалось, балансировали все их знакомые.

Ферн часто плакала, боялась, переживала. И не она одна. Возмущение и скорбь переполняли всех. Смерть обрела лицо, и в старшекласниках Ханна-Лейк страх смешивался с негодованием: это был их выпускной год! Это должно было стать лучшим временем в их жизни! Они не хотели бояться.

— Почему жизнь не похожа на мои книги? — жаловалась Ферн, пытаясь уместить на своих хрупких плечах два рюкзака — свой и Бейли, когда они вышли из школы. — Там главные герои никогда не умирают. Если бы они умерли, то история была бы безнадежно испорчена или вовсе оборвалась бы.

— Каждый человек для кого-то главный герой, — стал рассуждать Бейли, прокладывая себе дорогу к ближайшему выходу сквозь переполненный коридор; был ноябрьский вечер. — В жизни нет второстепенных персонажей. Представь, каково было Эмброузу смотреть новости в классе мистера Хилди? Для нас его мама, может, и не самый важный персонаж в истории, но не для него.

Ферн покачала головой, погружаясь в тяжелые воспоминания. Никто из них и представить себе не мог до поры, насколько сильно тот день повлиял на Эмброуза. Он вел себя так сдержанно и спокойно, набирая мамин номер. Никто и предположить не мог. Мистер Шин нашел его в спортзале спустя пять часов после того, как рухнули башни. Остальные уже давным-давно разошлись по домам.

* * *

— Я не могу дозвониться до нее, — прошептал Эмброуз. Казалось, если он повысит голос, то потеряет самообладание. — Что мне делать? Она работала в Северной башне. Башни больше нет. Что, если и ее больше нет?

— Твой отец, должно быть, волнуется. Ты говорил с ним?

— Нет. Он, наверное, тоже места себе не находит. Делает вид, что больше не любит ее. Но это не так. Я не хочу говорить с ним, пока не узнаю, что с ней все в порядке.

Мистер Шин присел (рядом с Эмброузом он казался коротышкой) и приобнял его, готовый просидеть здесь с ним столько, сколько нужно. Тренер завел разговор на отвлеченные темы: о предстоящем сезоне, о соперниках в весовой категории Эмброуза, о сильных сторонах команд в их округе. Они обсуждали что-то незначительное, вроде стратегий других

ребят из их команды, и время шло быстрее. Эмброуз отлично держал себя в руках. Неожиданно громко зазвонил телефон, заставив и его, и мистера Шина вздрогнуть и зашарить по карманам.

— Сынок? — голос из трубки звучал достаточно громко, и тренер все слышал, его сердце сжалось от страха. — С ней все в порядке, Броузи. Все хорошо. Она едет к нам.

Эмброуз попытался что-то сказать, поблагодарить отца за хорошую новость, но не смог. Встав, он передал трубку тренеру. Сделав всего пару шагов, снова сел. Майк Шин сказал Эллиоту, что они уже собирались домой, положил трубку и обнял за плечи своего звездного борца. Эмброуз не плакал, но его трясло, словно в лихорадке или каком-то приступе, и Майк всерьез забеспокоился, что этот стресс отразится на его здоровье. Когда Эмброуза отпустило, они с тренером покинули комнату, выключив свет и оставив за дверью трагические события мучительного дня.

* * *

— Мой отец переживает за Эмброуза, — признался Бейли. — Говорит, что он изменился, потерял концентрацию. Я тоже заметил, что, хоть он и выкладывается на тренировках как прежде, с ним что-то не так.

— Сезон ведь только начался, — попробовала защитить Эмброуза Ферн, хоть в этом и не было необходимости: у Эмброуза Янга не было более преданного фаната, чем Бейли Шин.

— С одиннадцатого сентября прошло уже два месяца, Ферн. А он все никак не оправится.

Ферн посмотрела на серое небо, тяжело нависшее над их головами, беспокойное в преддверии обещанной грозы. Облака сбивались в плотные тучи, ветер усиливался. Ждать осталось недолго.

— Как и все мы, Бейли. И я не думаю, что когда-либо оправимся.

3

РАБОТАТЬ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Дорогой Эмброуз!
Ты чертовски сексуальный и отлично борешься.
Ты мне о-о-очень нравишься.
Хотела спросить, может, потусим как-нибудь вместе?

Целую, Рита

Ферн по-детски сморщила нос и взглянула на Риту: лицо подруги сияло надеждой. Конечно, Ферн была не единственной, кому нравился Эмброуз. Вероятно, из-за его постоянных тренировок, разездов и соревнований у него было не так уж много девушек. Но эта неуловимость делала Эмброуза еще более завидной добычей, и Рита решила попытаться счастья. Она показала Ферн записку — розовый лист бумаги с кучей сердечек, обильно надушенный парфюмом.

— М-м-м... да, сойдет. Но тебе не хочется написать что-то более оригинальное?

Рита растерянно пожала плечами:

— Я просто хочу ему понравиться.

— Но ты ведь написала ему записку, потому что хочешь, чтобы он обратил на тебя внимание?

Рита кивнула. Ферн снова посмотрела на ангельское личико подруги, длинные светлые локоны, ниспадавшие по хрупким плечам и идеальной формы груди — и почувствовала досаду. Она была уверена, что Эмброуз давно приметил Риту.

— *Какая же она хорошенькая!*

До Ферн доносился с кухни мамин голос. Она разговаривала с тетей Энджи, которая сидела на стуле и смотрела в окошко на Бейли и Риту — те качались на качелях на заднем дворе. Ферн собиралась в туалет, но вместо входной двери зашла через гараж, чтобы проверить черепашку, которую они с Бейли поймали сегодня у ручья. Та сидела в коробке, заполненной листьями, и не двигалась, и Ферн задумалась, может, напрасно они забрали ее.

— Она будто ненастоящая. — Мама Ферн встряхнула головой, ее слова отвлекли Ферн от раздумий о черепахе. — Эти пронзительные голубые глаза, кукольное личико...

— А волосы! Светлые от корней до самых кончиков. Мне кажется, я никогда таких не видела, — восхищалась Энджи. — И при этом она довольно смуглая. Редкое сочетание — белокурые волосы и золотистая кожа.

Ферн было неловко стоять в прихожей, прислушиваясь к разговору двух женщин о Рите, ведь обе они были уверены, что она до сих пор на заднем дворе. Рита переехала в Ханна-Лейк с мамой тем самым летом, и Рейчел, как жена пастора, сочла своим долгом проявить гостеприимство. Она звала их на обеды и приглашала Риту играть со своей дочерью. Ферн нравилась эта милая веселая девочка, которая охотно участвовала во всех затеях Ферн. Сама она редко придумывала что-нибудь интересное, но фантазии Ферн хватало на двоих.

— Кажется, Бейли очарован, — рассмеялась Энджи. — Глядит на нее не отрываясь. Забавно, что детей красота пленит не меньше, чем взрослых. Того и гляди начнет демонстрировать свои приемчики, а мне придется чем-нибудь его отвлекать. Храни его Господь. Он снова умолял Майка записать его в борцовскую секцию. Каждый год одно и то же. Он просит, плачет, а мы пытаемся объяснить, почему нельзя.

Повисло молчание. Энджи погрузилась в свои мысли, Рейчел готовила сэндвичи для детей, гадая, как отвлечь ее от печальных раздумий о Бейли.

— Ферн, кажется, нравится Рита? — Вздохнув, Энджи сменила тему, по-прежнему не спуская глаз с сына, который раскачивался туда-сюда, без остановки рассказывая что-то милой белокурой девочке. — Хорошо, что она нашла себе подругу, а то она все время играет только с Бейли.

Настала очередь Рейчел вздохнуть.

— Бедняжка Ферн.

Ферн уже готова была пойти, куда собиралась, но резко остановилась. Бедняжка Ферн? Она вздрогнула от мысли, что тоже больна, как Бейли, просто мама скрывает это от нее.

— Ей повезло с внешностью куда меньше, чем Рите. Зубы придется исправлять, но пока у нее еще слишком много молочных. Может, когда они полностью сменятся, прикус исправится. А так, боюсь, лет до двадцати пяти ей придется носить брекетy. — Рейчел усмехнулась. — Я порой думаю, не начнет ли она завидовать Рите. Но пока они, кажется, не придают значение разнице во внешности.

— Наша милая, забавная Ферн... — В голосе Энджи слышалась улыбка. — Не найти ребенка чудеснее. Я каждый день благодарю Бога за нее. Настоящее благословение для Бейли. Господь недаром послал их друг другу, Рейчел. Безгранична его милость.

Но Ферн, остолбенев, не услышала последних слов. Она не задумалась о том, что значит быть благословением для кого-то. ОНА НЕКРАСИВА. Мысль отдавалась в ушах, словно в голове гремели кастрюлями. ОНА НЕКРАСИВА. МИЛАЯ, ЗАБАВНАЯ ФЕРН. БЕДНЯЖКА ФЕРН.

— Ферн! — позвала Рита, поведив ладонью перед ее лицом. — Эй? Ты тут? Что мне ему написать?

Ферн отогнала старое воспоминание. Забавно, как прочно некоторые события застревают в памяти.

— А если что-нибудь вроде: «Даже если тебя нет рядом, я вижу только тебя. И думаю только о тебе. Твое сердце так же прекрасно, как и лицо? Твой внутренний мир так же завораживает, как игра мускулов под кожей? Думаешь ли ты обо мне?» — Ферн замолчала и посмотрела на Риту.

Та широко распахнула глаза:

— Здорово! Ты писала так в одном из своих любовных романов?

Рита была одной из немногих, кто знал, что Ферн писала любовные истории и мечтала когда-нибудь их опубликовать.

— Не знаю. Может быть, — смутилась Ферн.

— Вот! Пиши. — Рита, просияв, достала бумагу и карандаш.

Ферн попыталась вспомнить свои слова, но на этот раз выходило даже лучше. Рита хихикала и пританцовывала в предвкушении, пока подруга писала любовное послание. Когда заветный листок оказался у нее в руках, она достала из сумки духи и, побрызгав его, просунула в шкафчик Эмброуза.

Эмброуз ответил не сразу — через пару дней, когда Рита обнаружила наконец в шкафчике конверт. Она вскрыла его дрожащими руками и принялась читать про себя, хмурясь и сжимая руку Ферн все сильнее, словно это было сообщение о выигрыше в лотерею.

— Ферн! Только послушай!

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены... [5]

Ферн удивленно подняла брови, так что они скрылись под слишком длинной челкой.

— Он пишет почти так же хорошо, как ты, Ферн!

— Лучше, — сухо ответила подруга, сдувая со лба непослушный локон. — Тот парень, который написал это, гораздо талантливее меня.

— И подпись: «Э.», — прошептала Рита. — Он посвятил мне стихи! Поверить не могу!

— М-м-м... Рита, это лорд Байрон. Очень известное стихотворение.

Рита заметно расстроилась, и Ферн поспешила утешить ее:

— Но это ведь потрясающе, что Эмброуз цитирует Байрона... в послании... к тебе... — Это действительно потрясло Ферн. Она понимала, что немногие восемнадцатилетние парни станут писать девушкам стихи, пусть и чужие.

— Мы должны ему ответить! Может, тоже кого-нибудь процитировать?

— Может быть. — Ферн размышляла, склонив голову набок.

— Или я могу сочинить что-нибудь сама. — Рита задумалась на пару мгновений, а потом просияла и открыла было рот, но Ферн опередила ее:

— Только не начинай с «розы красные, фиалки синие»!^[6]

— Черт. — Рита выпятила нижнюю губу. — Я не собиралась ничего говорить про фиалки! Я хотела сказать: «Розы красные и иногда розовые. Думаю, целоваться с тобой очень здорово».

Ферн рассмеялась и отмахнулась.

— Не стоит отправлять ему такое после «Она идет во всей красе...».

— Сейчас будет звонок. — Рита захлопнула шкафчик. — Напишешь что-нибудь за меня, Ферн? Пожа-а-алуйста! Ты ведь знаешь, что сама я не придумаю ничего путного! — Рита видела, что Ферн сомневается, и умоляла ее до тех пор, пока та не сдалась. Так Ферн Тейлор начала писать любовные записки Эмброузу Янгу.

1994

— Чем занимаешься? — спросила Ферн, плюхаясь на кровать Бейли и окидывая взглядом его комнату.

Давненько она не заходила сюда. Обычно они играли во дворе или гостиной. Стены его комнаты были увешаны борцовской атрибутикой, в основном команды Пенн-Стейт.^[7] С ними перемежались фотографии его любимых атлетов, семейные снимки и полки с детскими книгами на самые

разные темы, начиная с истории, спорта и заканчивая мифами Древней Греции и Рима.

— Составляю список, — ответил Бейли, не поднимая глаз.

— Что за список?

— Всего того, что я хочу успеть.

— И что ты уже написал?

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что это личное, — сказал Бейли без тени раздражения.

— Ну и ладно. Может, я тоже составлю список и не скажу тебе, что в нем?

— Давай, — рассмеялся Бейли. — Но я, скорее всего, угадаю все, что ты напишешь.

Ферн схватила со стола Бейли листок бумаги и нашла ручку с эмблемой Пенн-Стейт в банке с мелочью, камушками и прочими безделушками, стоявшей на прикроватной тумбе. Она написала «СПИСОК» и уставилась на заголовок.

— Может, прочтешь мне хоть один пункт из своего списка? — робко попросила она через несколько минут, так ничего и не придумав.

Бейли вздохнул так, словно был взрослым, которого отвлекли от дела, а не десятилетним мальчишкой.

— Хорошо. Но кое-что из этого списка у меня не получится сделать прямо сейчас. Может, когда я стану старше... Но я очень хочу это сделать. И сделаю! — решительно сказал он.

— Ладно. Назови уже хоть что-нибудь, — взмолилась Ферн.

Ей не удалось ничего придумать, несмотря на прекрасное воображение. Возможно, потому что она каждый день отправлялась в приключения с персонажами книг, которые читала, и собственных историй.

— Я хочу стать героем. — Бейли посмотрел на Ферн так серьезно, будто раскрыл ей страшный секрет. — Пока не знаю, каким именно. Но хочу быть похожим на Геракла или Брюса Баумгартнера.^[8]

Ферн знала, кто такой Геракл. И кто такой Брюс Баумгартнер тоже — благодаря Бейли. Это один из самых любимых его борцов, лучший в тяжелом весе, по его словам. Она с сомнением посмотрела на своего кузена, но вслух ничего не сказала. Геракл был мифическим героем, а таким большим и сильным, как Брюс Баумгартнер, Бейли никогда не стать.

— А если я не стану героем, то хотел бы просто кого-нибудь спасти, — продолжил Бейли, не подозревая, что Ферн совсем не верит в

него. — Тогда мою фотографию напечатали бы в газете, и все бы знали, кто я такой.

— Я бы не хотела, чтобы все знали, кто я, — немного подумав, сказала Ферн. — Я хочу стать известной писательницей, но, наверное, возьму себе псевдоним. Это такое имя, которое ты придумываешь, чтобы люди не узнали, кто ты на самом деле, — пояснила она на случай, если Бейли был не в курсе.

— Чтобы сохранить свое имя в секрете, как Супермен... — прошептал он так, будто вариант Ферн показался ему гораздо круче.

— И никто никогда не узнает, что это я, — тихо добавила Ферн.

Это не были обычные любовные послания. Но они были именно любовными, потому что Ферн вкладывала в них всю душу, и Эмброуз, как ей казалось, тоже. Он отвечал честно и откровенно, чем вызвал у Ферн искреннее удивление. Она не писала о том, что Рите и ей в нем нравилось: черты лица, волосы, сила и всевозможные таланты. Она могла бы, но ей хотелось больше узнать о его сущности. Поэтому она осторожно подбирала слова, задавая вопросы, чтобы постепенно пробраться к его сокровенным мыслям. Она понимала, что за игру затеяла, но ничего не могла с собой поделать.

Все началось с простого: кислое или сладкое, зима или осень, пицца или тако. Но потом они перешли к более личному, глубокому, скрытому. Переписка стала напоминать раздевание. Сначала куртки, пиджаки, серьги, бейсбольная кепка. И вот уже пуговицы расстегнуты, собачки на молниях поползли вниз, и вся одежда упала. Сердце Ферн трепетало, ее дыхание учащалось всякий раз, когда они преодолевали новый барьер, когда очередной покров был сорван.

ПОТЕРЯННЫЙ ИЛИ ОДИНОКИЙ? Эмброуз выбрал «одиноким», и Ферн ответила: «Я лучше буду потеряна с тобой, чем одинока без тебя, поэтому я выберу потерянный, но с оговоркой». Эмброуз: «Никаких оговорок». Ферн: «Все равно потерянный, потому что одиночество звучит как нечто постоянное, необратимое, а потерю всегда можно отыскать».

ФОНАРИ ИЛИ СВЕТОФОРЫ? Ферн: «В свете фонарей я чувствую себя защищенной». Эмброуз: «Светофоры меня напрягают».

НИКТО ИЛИ НИГДЕ? Ферн: «Я лучше буду никем дома, чем кем-то где-либо еще». Эмброуз: «Я выберу „нигде“. Остаться никем, когда все

хотят видеть тебя кем-то, неохота». Ферн: «Откуда тебе знать? Разве ты когда-нибудь был никем?» Эмброуз: «Чтобы стать никем в глазах других, достаточно однажды ошибиться».

УМ ИЛИ КРАСОТА? Эмброуз написал «ум», но тут же добавил, что она (Рита) очень красивая. Ферн выбрала красоту, но приписала, что Эмброуз умен.

ДО ИЛИ ПОСЛЕ? Ферн: «До. Ожидание, как правило, лучше, чем результат». Эмброуз: «После. Если все сделать правильно, результат всегда лучше мечтаний о нем». Ферн не знала, прав ли он, и не стала спорить.

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ ИЛИ СТИХИ? Эмброуз: «Песни. Ты получаешь два в одном — поэзию и музыку. И под стихи не потанцуешь». Ниже он привел названия своих любимых баллад. Это был внушительный список, и у Ферн ушел целый вечер на то, чтобы скачать их и составить из них коллекцию на CD. Она же выбрала стихи и отправила ему несколько своих творений. Рискованно, глупо, но Ферн раскрыла себя полностью к этому моменту игры и все же продолжила играть.

НАКЛЕЙКИ ИЛИ ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ? СВЕЧИ ИЛИ ЛАМПОЧКИ? ЦЕРКОВЬ ИЛИ ШКОЛА? КОЛОКОЛЬЧИКИ ИЛИ СВИСТКИ? СТАРОЕ ИЛИ НОВОЕ? Вопросы не прекращались, ответы прилетали мгновенно. Ферн медленно, с упоением читала новые письма в кабинке женского туалета, а после весь день сочиняла ответ. Она требовала, чтобы Рита читала все послания, и с каждым разом та смущалась все сильнее — как от того, что писал Эмброуз, так и от ответов Ферн. Однажды она возмутилась:

— О чем вы вообще разговариваете? Можешь просто написать, что у него крутой пресс? У него офигенный пресс, Ферн.

Вскоре Рита стала отдавать Ферн записки, равнодушно пожимая плечами, и доставлять ответы Эмброузу, не проявляя ни малейшего интереса. Ферн старалась не думать о прессе Эмброуза и о том, что Рита могла быть с ним знакома. Спустя три недели с того дня, когда было отправлено первое любовное письмо, Ферн шла как-то на перемене к своему шкафчику — забрать домашнее задание. Повернув за угол, она увидела Риту, прижатую к этому самому шкафчику. Та обнимала Эмброуза за шею, а он целовал ее так, будто они только что открыли у себя существование губ... и языка.

Ферн ахнула и повернула назад. Ее чуть не вырвало. Она с трудом проглотила комок в горле. Нет, дело не в желудке. Болело сердце. И винить в случившемся она могла только себя. Это ее записки заставили Эмброуза полюбить Риту еще сильнее, и все ее сокровенные признания станут теперь предметом для насмешек.

ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ГЕРАКЛОМ

Чуть больше чем через месяц их уловка была раскрыта. Рита начала странно себя вести. Когда Ферн протянула ей очередную составленную с любовью записку для Эмброуза, та не подняла на подругу глаз. Рита с ужасом уставилась на аккуратно сложенную бумажку и даже не попыталась забрать ее.

— М-м-м... вообще-то мне это больше не нужно, Ферн. Мы расстались. Окончательно.

— Расстались? — ошеломленно переспросила Ферн. — Что случилось? Ты... в порядке?

— Да. В полном. Он стал каким-то странным.

— Станным? О чем ты? — Ферн была готова расплакаться, как будто это ее бросили. Она попыталась говорить более ровным голосом.

Но Рита все-таки почувствовала ее беспокойство и, вскинув брови, так что они скрылись под челкой, заверила:

— Ферн, серьезно, все хорошо. Он был скучным. Горячим, но скучным.

— Так скучным или странным? Обычно странные парни как раз не скучные, Рита. — Ферн была растеряна и даже немного зла на Риту за то, что она позволила Эмброузу уйти от них.

Рита вздохнула и пожала плечами, на этот раз взглянув на Ферн с извиняющимся видом.

— Он понял, что не я пишу эти записки. И правда не было похоже, что они от меня. — Теперь она смотрела на подругу с укоризной. — Я не такая умная, как ты, Ферн.

— Ты сказала ему, что это была я? — встревоженно пискнула Ферн.

— Ну... — Рита замялась и снова отвела взгляд.

— О боже! Ты сказала.

Ферн едва не лишилась сознания прямо посреди толчеи коридора. Она прижалась лбом к холодной металлической дверце шкафчика и велела себе успокоиться.

— Он никак не отставал, Ферн. Он был так зол! Просто в ярости!

— Расскажи мне все. Как он отреагировал, когда ты сказала, что это была я? — Ферн почувствовала подступающую тошноту.

— Он, кажется, немного удивился. — Рита закусила губу и смущенно покрутила кольцо на пальце; Ферн догадалась: «удивился» — это еще мягко сказано! — Прости, Ферн. Он хотел, чтобы я вернула ему все, что он писал тебе. То есть мне. Не важно. Но писем у меня нет. Я отдавала их тебе.

— Ты и в этом призналась? — простонала Ферн, в ужасе прикрывая рот рукой.

— Э-э-э... да. — Рита начала дрожать, на красивом лице явственно читалось страдание. Разрыв с Эмброузом, вероятно, расстроил ее сильнее, чем она хотела признавать. — Я не знала, что делать.

Ферн бегом пустилась в туалет, где закрылась в кабинке, положила рюкзак на колени и уткнулась в него лицом. Зажмурившись, она прогнала накотившие слезы и прокляла себя за то, что вошла в эту историю. Ей восемнадцать! В таком возрасте не прячутся в туалете. Но она не могла сейчас пойти на математику. Ведь там будет Эмброуз! Вряд ли ей удастся оставаться невидимкой, как прежде.

Хуже всего то, что каждое слово в записке было правдой. Она лишь немного солгала, потому писала от лица Риты — девушки, способной покорить мужчину фигурой и улыбкой, подкрепив этот образ интеллектом. Ложь была только в этом. На самом деле она была щуплой и невзрачной. Уродиной. Эмброуз, должно быть, почувствовал себя глупцом, вспоминая, какие слова ей посвящал. Они были адресованы красоте. Не Ферн.

* * *

Ферн ждала недалеко от дверей, ведущих в спортзал. Она сложила все записки Эмброуза в большой конверт. Бейли предложил помощь. Он все это время знал об афере, затеянной Ферн и Ритой, и сказал, что сможет незаметно отдать записки Эмброузу по окончании тренировки. Бейли, почетный член команды, вел статистику, помогал тренеру и каждый день посещал тренировки. Его трудно было назвать незаметным, а Ферн не хотелось усугублять ситуацию и смущать Эмброуза перед товарищами по команде. Поэтому она ждала, когда ребят отпустят, прячась в прилегающем коридоре и наблюдая за дверью в спортзал.

Один за другим мальчишки выходили с борцовками, переброшенными на шнурках через плечо, в разной степени одетости — полуобнаженные, без рубашек. Они не обращали внимания на Ферн, и впервые в жизни она этому обрадовалась. Но потом в коридор вышел Эмброуз. Очевидно, он

только что принял душ — его влажные волосы блестели. К счастью, рядом с ним шли Пол Кимбэлл и Грант Нильсон. Поли всегда был дружелюбен с Ферн, а с Грантом они вместе посещали некоторые уроки. Он был чуть большим занудой, чем его друзья, и не стал бы поднимать шум из-за того, что Ферн приспичило поговорить с Эмброузом.

Эмброуз застыл, увидев ее. Улыбавшийся секунду назад, он тотчас поджал губы. Друзья притормозили вместе с ним, в растерянности оглядываясь по сторонам. Им даже не пришло в голову, что причина остановки в Ферн.

— Эмброуз? Можно тебя на минутку? — спросила Ферн так тихо, что сама себя едва услышала. Она молилась, чтобы ей не пришлось повторять вопрос.

Эмброуз слегка повел подбородком, и ребята, уловив намек и с любопытством взглянув на Ферн, двинулись дальше без него.

— Меня тогда Грант подбросит, Броузи! — бросил Поли. — До завтра!

Эмброуз помахал им на прощание. Он смотрел куда-то мимо Ферн, словно хотел поскорее от нее отделаться. Почему этот разговор состоялся не неделей позже, сетовала она? В понедельник ей снимут брекеты, которые она носила три долгих года. Она уложила бы волосы, надела бы контактные линзы. Но сейчас Ферн стояла перед ним с кудряшками, торчащими в разные стороны, в очках и свитере, который не снимала вот уже несколько лет — не потому, что он ей шел, а потому, что в нем было уютно. Плотная бледно-голубая шерсть отнюдь не подчеркивала фигуру и не делала ее привлекательнее. Все это пронеслось в голове у Ферн за доли секунды, когда она со вздохом протягивала Эмброузу большой конверт.

— Вот. Все письма, что ты писал Рите. Они здесь.

Эмброуз взял их. Лицо полыхало злостью, и взглядом он буквально приковал ее к стене.

— Наверное, посмеялась от души?

— Нет. — Ферн поморщилась от того, как по-детски звучал ее голос. Он вполне соответствовал ее хрупкой фигурке и виновато склоненной голове.

— Зачем ты это сделала?

— Я просто предложила Рите помощь. Только и всего. Хотела ей помочь. Ты ей нравился. А потом, кажется, все зашло слишком далеко. Мне... жаль. — Ей и правда было жаль. Жаль до отчаяния, что все закончилось. Что она больше никогда не увидит его почерк, не прочтет его мысли, не узнает его лучше.

— Да. Не важно, — отозвался он.

Ферн и Рита причинили ему боль, сделав из него посмешище. Сердце Ферн ныло. Она не хотела обижать его.

Не сказав больше ни слова, Эмброуз направился к выходу.

— Они тебе нравились? — выпалила она.

Эмброуз обернулся, не веря своим ушам.

— Я имею в виду, пока ты не понял, что это я их пишу. Они нравились тебе? Записки.

Он ее уже презирал. Ничто не мешало ей пойти ва-банк. И ей правда хотелось знать.

Эмброуз покачал головой, удивляясь, как ей хватило наглости о таком спрашивать. Он провел рукой по влажным волосам и переступил с ноги на ногу.

— Твои мне очень понравились, — поспешно добавила она, ее будто прорвало. — Я знаю, что они адресованы не мне. Но мне нравилось их читать. Ты забавный. И умный. Ты умеешь меня рассмешить. Или заставить плакать. Я бы хотела, чтобы ты писал их именно мне. Поэтому мне интересно, нравились ли тебе мои письма?

Его взгляд немного смягчился, став менее непроницаемым и смущенным.

— Какая теперь разница? — тихо спросил он.

Ферн попыталась подобрать слова. Конечно, есть разница! Независимо от того, кто писал письма, — если они ему нравились, значит, нравилась и она. В каком-то смысле. Разве не так?

— Потому что... я писала их искренне.

Вот и все. Ее слова заполнили пустой коридор, отскакивая от шкафчиков и линолеума, словно мячики-попрыгунчики. От них было не скрыться, их нельзя было отменить. Ферн почувствовала себя почти обнаженной, стоя перед парнем, в которого ее угораздило влюбиться. Он был ошеломлен не меньше, чем она сама.

— Эмброуз! Броузи! Чувак, ты все еще здесь? — Бинс выскользнул из-за угла, будто проходил мимо.

Но Ферн сразу догадалась, что он слышал каждое слово. Это было видно по его усмешке. Бинс, вероятно, думал, что оказывает услугу, спасая друга от докучливой дурнушки, зовущей его на весенний бал.^[9]

— Привет, Ферн. — Бинс сделал вид, что удивлен, увидев ее здесь; Ферн же удивилась, что он знает ее имя. — Подбросишь меня, Броуз? Мой пикап не заводится.

— Да, конечно, — кивнул Эмброуз, и Бинс схватил его за рукав, потащив к выходу.

Ферн вспыхнула от стыда. Она была невзрачной, но не глупой. Эмброуз позволил утащить себя, но вдруг развернулся, подошел к ней и вручил конверт, который она отдала ему минуту назад. Бинс с любопытством наблюдал за сценой.

— Вот. Они твои. Только... не показывай никому, ладно? — Эмброуз улыбнулся — едва заметное движение губ, — а затем вышел из здания. Бинс не отставал от него ни на шаг.

Ферн прижала к груди конверт. Что бы это значило?

* * *

— Спрячь-ка волосы в сетку, сынок, — терпеливо напомнил Эмброузу Эллиот Янг, когда тот, войдя в пекарню через черный вход, бросил свою экипировку возле двери и подошел к раковине, чтобы умыться.

Эмброуз обеими руками убрал все еще влажные волосы назад и обхватил их резинкой — они не должны падать в глазурь или тесто во время работы. Затем натянул поверх хвоста сетку и завязал фартук так, как когда-то давно научил его Эллиот.

— Чем тебе помочь, пап?

— Начни с рулетов. Тесто уже подоспело. Мне надо закончить украшать торт. Я сказал Дафне Нильсон, что он будет готов к шести тридцати, а уже шесть.

— Грант говорил о нем на тренировке. Он близок к нужному весу, так что надеялся урвать кусочек.

Торт пекли ко дню рождения младшего брата Гранта, Чарли. Три шоколадных коржа сверху были украшены персонажами из мультфильма о Геракле. Милый и причудливый, он точно должен был понравиться шестилетнему мальчугану. Эллиот Янг знал толк в деталях. Торты у него всегда получались даже красивее, чем на фотографиях в каталоге, стоявшем на стойке у входа в пекарню. Дети обожали листать плотные глянцевые страницы и кланчили у родителей вкусности к следующему празднику.

Эмброуз пару раз пробовал украшать торты, но у него были слишком большие руки для миниатюрных инструментов. И хотя Эллиот был терпеливым учителем, его сын так и не освоил это искусство. Гораздо лучше он справлялся с ролью пекаря, поэтому сейчас принялся разминать тесто. В крупных пекарнях это делали специальные машины. Здесь такой не было, но Эмброуз не жаловался — ему нравилось скатывать рулеты, а

потом укладывать их на противень. Единственное, что убивало его, — запах свежих булочек, доносившийся из духовки. Совмещать работу в пекарне со спортом было непросто.

— Готово. — Эллиот отошел на несколько шагов от торта и посмотрел на часы.

— Выглядит отлично, — сказал Эмброуз, глядя на мускулистого Геракла, который стоял на вершине торта, воздев руки. — Но вообще-то Геракл носил львиную шкуру.

— О, правда? — рассмеялся Эллиот. — Откуда ты знаешь?

Эмброуз пожал плечами.

— Бейли Шин как-то сказал мне. В детстве он фанател от Геракла.

У Бейли на коленях лежала книга. Заглянув в нее через плечо Бейли, Эмброуз увидел полуобнаженного героя, сражающегося с чудовищами. Впору было повесить эти изображения в зале для тренировок — смотрелись бы отлично. На одной иллюстрации герой боролся со львом, на другой — с вепрем. Никто из знакомых Эмброуза не знал о борьбе столько, сколько знал Бейли Шин.

Эмброуз присел на маты возле коляски Бейли и начал шнуровать свои борцовки.

— Что читаешь, Шин?

Бейли испуганно поднял голову. Он был так поглощен книгой, что даже не заметил Эмброуза. С минуту Бейли таращился на него, отметив длинные волосы и футболку, надетую наизнанку. Четырнадцатилетние мальчишки совершенно не заботятся о своей одежде и волосах, но мама не позволила бы Бейли выйти из дома в таком виде. Вдруг он вспомнил, что Лили Янг больше не живет со своим сыном, и поймал себя на мысли, что впервые видит Эмброуза все лето. Тот до сих пор появлялся в секции Шина — это лето не стало исключением.

— Книгу о Геракле, — немного запоздало ответил Бейли.

— Что-то слышал о нем, — Эмброуз закончил завязывать шнурки и встал, как раз когда Бейли перевернул очередную страницу.

— Геракл был сыном греческого бога Зевса, — сказал Бейли, — но его мать — простая смертная. Он прославился своей невероятной силой, а однажды отправился убивать кучу чудовищ. Он победил критского быка. Поборол немейского льва с невероятно твердой шкурой, неуязвимой для всех видов оружия. Уничтожил лернейскую гидру, изловил плотоядных лошадей и разгромил хищных птиц с медными клювами, железными перьями и ядовитым пометом.

Эмброуз прыснул, и Бейли просиял.

— Так говорится в легенде! Геракл был крутым, чувак! Полубог, получеловек, настоящий герой. Его любимым оружием было копье, и он всегда носил шкуру льва, того самого, которого убил, совершая первый подвиг. — Бейли прищурился, взглянув на Эмброуза. — Ты немного похож на него — теперь, когда отпустил волосы. Продолжай отращивать! Может, станешь таким же сильным и грозным, как Геракл. Противники штаны намочат, когда увидят тебя выходящим на мат.

Эмброуз потрогал свои волосы, на которые перестал обращать внимание с прошлой весны. Когда его мать ушла и они с отцом остались вдвоем, он научился жить без всего того, что раньше принимал как должное. Волосы беспокоили его меньше всего.

— Ты ведь много знаешь, а, Шин?

— Ну да. Так уж вышло. Когда ты не можешь ничего, кроме как читать и учиться, кое-что узнаешь. К тому же мне нравится читать о ребятах, которые знают толк в борьбе. Вот, видишь? — Бейли показал ему одну из страниц. — Геракл и его первый подвиг. Кажется, будто он отрабатывает на этом льве захват.

Эмброуз кивнул, но его внимание привлекла другая картинка с бюстом Геракла. Герой выглядел сосредоточенным, даже грустным, ладонь прижата к груди, как будто у него болит сердце.

— А эта картинка о чем?

Бейли нахмурился в раздумье.

— Называется «Лицо героя». — Он прочел сноску и поднял взгляд на друга. — Наверное, быть героем — это не только веселье.

Эмброуз прочел вслух из-за плеча Бейли:

— «Геракл — самый известный и любимый всеми античный герой. Но читатели чаще всего забывают о том, что свои двенадцать подвигов он совершил, чтобы искупить грехи. Богиня Гера затмила его рассудок, и, обезумевший, Геракл убил жену и двоих детей. Вне себя от горя и чувства вины, он искал способ облегчить страдания».

Бейли застонал:

— Что за глупости? Если бы я лепил скульптуру под названием «Лицо героя», я бы ни за что не сделал его грустным. Я бы сделал его вот таким.

Бейли оскалился и посмотрел на Эмброуза безумным взглядом. Но со светло-каштановыми локонами, голубыми глазами и румянцем на щеках злобное лицо получилось у него не очень. Эмброуз фыркнул и, кивнув Бейли, присоединился к остальным борцам, уже разминающимся на матах. Однако он все не мог забыть бронзовое лицо скорбящего Геракла.

— Что ж, уже слишком поздно, чтобы пытаться сделать из помадки львиную шкуру. Думаю, сойдет и так. — Эллиот улыбнулся. — Мне нужно закончить еще один торт, и пойдем. Не хочу, чтобы ты сгорел на работе.

— Это тебе пора домой, — мягко напомнил Эмброуз.

Отец составил свое расписание таким образом, чтобы к вечеру быть дома. Около двух часов ночи он вставал и ехал в пекарню, работая там до утра. В семь утра его сменяла миссис Любке. Обрато в пекарню он возвращался около трех и работал до семи-восьми вечера. Частенько Эмброуз присоединялся к нему после тренировки, и тогда работа шла немного быстрее.

— Да, но мне не нужно хорошо учиться и ходить на борьбу до и после уроков. Тебе не хватает времени даже на твою симпатичную девчонку.

— Ее больше нет, — пробормотал Эмброуз.

— Вот как? — Эллиот Янг взгляделся в лицо сына, ожидая увидеть печаль, но ничего не обнаружил. — Что случилось?

Эмброуз пожал плечами:

— Скажем, она была не той, кем я ее считал.

— Мне жаль, Броузи, — вздохнул Эллиот.

— Красота или ум? — спросил Эмброуз отца после долгой паузы, ни на секунду не отвлекаясь от рулетов.

— Ум, — тут же ответил Эллиот.

— Ну да, конечно. Поэтому ты выбрал маму? «Потому что она была такой страшной...»^[10]

Эллиот Янг не ожидал такого поворота, и Эмброуз тут же извинился:

— Прости, пап. Я не имел в виду ничего такого.

Эллиот кивнул и попытался улыбнуться, но Эмброуз понял, что задел его. Да, сегодня он просто в ударе. Сначала Ферн, теперь отец. Если так пойдет, скоро придется искупать грехи, что твой Геракл. Он снова вспомнил о скорбном герое, впервые за несколько лет. Но теперь слова Бейли звучали в его сознании так отчетливо, будто были произнесены вчера: «*Наверное, быть героем — это не только веселье*».

— Пап?

— Да, Броузи.

— Ты справишься здесь, когда я уеду?

— Ты имеешь в виду на учебу? Да, конечно. Миссис Любке будет помогать мне и мама Пола Кимбэлла, Джейми. Она заходила сегодня заполнить анкету сотрудника на неполный рабочий день. Думаю, я возьму ее. С деньгами всегда напряженно, но с твоей стипендией, чуть затянув

пояса, мы справимся.

Эмброуз промолчал. Он не был уверен, что, говоря про отъезд, имел в виду университет. Но твердо знал, что уедет.

УКРОТИТЬ ЛЬВА

Плакаты возле мэрии, прямо на пересечении улиц Мейн-стрит и Центральной, гласили: «Вперед, к победе! Возьми штат, Эмброуз!». Не было фраз вроде «Удачи, борцы!» или «Вперед, Лейкерс!». Просто «Возьми штат, Эмброуз!». Джесси увидел в этом плохой знак, хотя остальные ребята в автобусе не придали плакатам значения. Эмброуз был одним из них, капитаном команды. Они знали, что он приведет их к победе на чемпионате штата. И это все, что для них было важно.

Эмброуз встревожился ничуть не меньше, чем Джесси. Он попробовал, как обычно, проигнорировать свое смятение. Они ехали в Херши, штат Пенсильвания, на чемпионат штата, и Эмброуз не мог дожждаться его завершения. Может, тогда ему удастся вздохнуть свободно и насладиться покоем. Если бы борьба не выходила за пределы тренировочного зала, он любил бы этот спорт. Ему нравились его история, техника, ощущение, что исход боя только в твоих руках, чувство, охватывающее тебя после честной победы. Нравилась его безыскусность. Но он терпеть не мог кричащих фанатов, их бурный восторг и то, что люди говорят о нем, об Эмброузе Янге, как о какой-то машине для побед.

Эллиот провез его с боями по всей стране. С тех пор как Эмброузу исполнилось восемь, отец вкладывал все деньги в спортивное будущее сына. Не потому что хотел видеть Эмброуза чемпионом, а потому что хотел развить его талант. Эмброузу тоже нравилось так проводить время с отцом, быть борцом, пусть одним из тысячи, и сражаться за медаль. Но в последние годы, когда о нем заговорила вся страна, а жители Ханна-Лейк поняли, что взрастили звезду, он разлюбил спорт. Эмброуз все думал о вербовщике из армии, который приходил к ним в школу в прошлом месяце... Его слова крутились в голове Эмброуза. Как и все в стране, Эмброуз хотел, чтобы террористы заплатили за свои деяния 11 сентября, за смерть трех тысяч человек. Он жаждал правосудия для детей, лишившихся родителей. Он помнил, что пережил сам. Рейс 93 разбился совсем недалеко от Ханна-Лейк, тем самым будто приблизив события того дня к ним.

Штаты вели войну в Афганистане, и поговаривали, что следующей точкой станет Ирак. Кому-то предстояло туда поехать. Кому-то предстояло воевать. Если не Эмброузу, то кому? Вдруг никто не вызовется? Тогда

ждать новых терактов? Обычно он старался отгонять от себя эти идеи, но сейчас он был зол и встревожен, в животе урчало, а голова взрывалась от мыслей.

Поесть он мог только после взвешивания. Ему было сложно сбросить вес до 90 килограммов — пришлось сесть на диету. Обычно между сезонами он весил около 96 килограммов, но это давало ему преимущество над соперниками. Даже если к сезону он избавлялся от лишних килограммов, мышцы оставались при нем. Его рост, редкий среди борцов, размах рук и длина ног вынуждали противников надеяться только на свою силу. Вот уже четыре сезона никто не мог его победить.

Мать хотела, чтобы он стал футболистом, как раз из-за рекордных для его возраста параметров. Но футбол отошел для него на второй план с того самого момента, как он впервые посмотрел по телевизору Олимпийские игры в августе 1992-го. Эмброузу тогда было семь лет. Джон Смит^[11] завоевал в Барселоне свое второе золото, поборов в финале спортсмена из Ирана. Эллиот Янг танцевал по гостинной, маленький человек, нашедший для себя отдушину именно на мате. Он любил борьбу и привил эту любовь сыну. В тот вечер они как раз решили потренироваться дома. Эллиот показал Эмброузу основные приемы и пообещал, что на следующей неделе запишет его в борцовскую секцию мистера Шина.

Автобус задрожал и дернулся, заехав в колдобину, потом вырулил на трассу, оставив Ханна-Лейк позади. Когда Эмброуз вернется домой, все будет кончено. Но затем начнется настоящее безумие: ему придется выбирать, за какой университет бороться, какой профессии учиться, и он не был уверен, что сможет выдержать это испытание. Сейчас он ничего не чувствовал, кроме усталости. Может, если он проиграет в турнире, все оставят его в покое?

Он встряхнул головой. Бинс краем глаза уловил это движение и недоуменно нахмурился, решив, что Эмброузу хочется что-то ему сказать. Эмброуз уставился в окно. Он не проиграет. Этому не бывать. Он не допустит. Стоило ему задуматься о том, чтобы все бросить, раздавался свисток, и он начинал бороться. Эмброуз покажет все, на что способен. Борьба как спорт стоит того. К тому же этого заслуживает его отец, его тренер, его команда, город. Но как же хочется отдохнуть... Хоть немного.

* * *

«Добро пожаловать в Херши, штат Пенсильвания, самый сладкий

город^[12] на Земле, и в Центр „Джайнт“, где мы наблюдаем за первым днем школьного чемпионата по борьбе», — прогремел голос комментатора над ареной, заполненной участниками, их родителями, друзьями и фанатами. Зрители были одеты в цвета своих школ, размахивали флажками и надеялись на победу. Бейли и Ферн сидели на лучших местах — прямо на матах, разложенных от одного края арены до другого.

По словам Бейли, инвалидная коляска порой давала преимущества. К тому же он сын тренера и его первый помощник, отвечавший за статистику и очень ответственный. Ферн помогала Бейли, если в том появлялась необходимость. Тренер Шин обычно знал, когда Бейли нужно сделать перерыв. Они заранее планировали эти паузы между раундами. Иногда роль помощника Бейли играла Энджи или одна из его старших сестер, но большую часть времени этим занималась Ферн. В перерывах, когда мистер Шин сопровождал сына в туалет, Бейли делился с ним своими наблюдениями за общим положением дел в команде, распределением очков и индивидуальными рейтингами.

Благодаря общей поддержке Бейли не пропустил ни одного соревнования. Мистер Шин же заслужил уважение среди борцов за то, как умело совмещал заботу о команде и сыне. Он шутил, что ему это выгодно: Бейли — прекрасный аналитик. К тому же обожает наблюдать за боями Эмброуза и не пропустил пока ни одного. Сейчас, когда друг вышел на первый бой, Бейли закричал. Эмброуз без труда победит соперника — нет никаких сомнений. Он во всем его превосходит. Однако первые бои всегда были непредсказуемы.

В первом раунде Эмброузу предстояло бороться с парнем из Альтуны, чей результат намного превосходил его последнюю рекордную победу. Он занял третье место в регионе, пробившись на чемпионат штата за счет победы в дополнительном времени. Этот борец не завтракал и, как и всякий, жаждал сбросить чемпиона с пьедестала.

Когда объявили начало, почти все взгляды обратились к дальнему левому углу арены. На ней одновременно шло почти с десятков боев. Эмброуз вел себя как обычно: был агрессивен, нападал первым, много двигался, постоянно вступая в борьбу с противником, но что-то с ним было не так. Он замахивался слишком рано, не доводил атаки до конца в моменты, когда мог бы получить очки. Здоровяк из Альтуны поднабрался уверенности, когда к концу второй минуты счет по-прежнему был нулевым. Продержаться две минуты на мате с Эмброузом Янгом и не отставать по очкам — это повод для гордости.

После свистка начался второй раунд, но ничего не изменилось, скорее

даже ухудшилось. Эмброуз пытался перетянуть преимущество на свою сторону, но без особого напора. Когда его противник выбрал нижнее положение и смог выбраться из-под Эмброуза, он заработал очко, оставив Янга позади. Бейли ревел и стenal, наблюдая за этим боем, и к концу второго раунда, когда счет по-прежнему оставался 0–1, попытался привлечь внимание Эмброуза, выкрикивая: «Геракл! Геракл! Геракл!»

— Помоги мне, Ферн! — попросил он.

Ферн не любила кричать, но понимала: Эмброуз ведет себя странно. Она не хотела, чтобы он проиграл, и поэтому присоединилась к Бейли. Несколько ребят, сидевших неподалеку от их угла, подключились к их группе поддержки без всяких просьб.

— Геракл! Геракл! Геракл! — редела трибуна, осознавая, что полубог из Ханна-Лейк как никогда близок к поражению.

За двадцать секунд до финала рефери остановил бой, потому что девяностокилограммовому Льву из Альтуны нужно было перетянуть бинты на пальцах. Так как это была вторая пауза, Эмброуз имел право выбора, с какого положения — нижнего, верхнего или нейтрального — продолжить бой.

Бейли подкатил к краю мата, туда, где стояли два стула для тренеров из Ханна-Лейк. Никто не посмел его остановить. Преимущества коляски. Тебе позволяли больше, чем обычным людям.

— Геракл! — позвал он Эмброуза.

Эмброуз качал головой так, словно не верил своим ушам. Он слушал тренеров, но не слышал их. Когда Бейли вмешался в разговор, три раздраженных взгляда обратились на него.

— Чего ты там кричишь, Шин?

Эмброуз словно оцепенел. Через двадцать секунд его выступление в четвертьфинале пойдет прахом. А он все не мог избавиться от апатии, стряхнуть с себя чувство, что все происходящее нереально.

— Помнишь Геракла? — Бейли не спрашивал, он бросал вызов.

Эмброуз скептически взглянул на Бейли. Очевидно, он был смущен.

— Помнишь историю про льва? — терпеливо продолжал Бейли.

— Нет...

Эмброуз поправил шлем и бросил взгляд на соперника. Тот все еще бинтовал пальцы, пока тренеры забрасывали его указаниями, и старался скрыть свое ликование.

— Этот парень — тоже лев. Горный Лев Альтуны, так? Стрелы Геракла не работали против льва. И твои удары не работают.

— Спасибо, чувак, — сухо пробормотал Эмброуз и направился в центр

мата.

— Знаешь, как Геракл победил льва? — громко, чтобы его услышали, крикнул Бейли.

— Нет. Понятия не имею, — бросил через плечо Эмброуз.

— Он был сильнее льва. Он забрался ему на спину и сжал его так сильно, что тот испустил дух!

Эмброуз обернулся, и что-то мелькнуло на его лице. Когда рефери спросил его, в какой позиции он начнет, Эмброуз выбрал верхнюю. Зрители ахнули, весь Ханна-Лейк затаил дыхание, Эллиот Янг выругался, а сердца тренеров рухнули вместе с их надеждами на победу в чемпионате. Все выглядело так, будто Эмброуз хотел проиграть. Нельзя выбирать верхнюю позицию с отставанием в одно очко за двадцать секунд до конца боя. Альтунцу оставалось лишь не дать себя перевернуть или, того хуже, выбраться из-под него и заработать еще очко.

Когда раздался свисток, все словно замедлилось. Движения Эмброуза казались более медленными и точными. Его противник извивался, пытаясь выбраться, но оказался в таких крепких тисках, что забыл про двадцать секунд, легкую победу и славу, которую она могла принести. Он втянул воздух за секунду до того, как Эмброуз вжал его лицом в мат и завернул левую руку за спину. Тиски сжались еще сильнее, и парень уже подумывал о том, чтобы постучать правой ладонью по мату, как это делали борцы в телевизионных боях. Он вытянул ноги, пытаясь сработать ими как рычагом, но сильный соперник еще сильнее завел его руку за спину, и тот понял: все пропало. Медленно и точно Эмброуз обвился вокруг противника, скрещивая ноги и опрокидывая льва на спину, ни на секунду не ослабив натиска. Руки Эмброуза дрожали от того, с какой силой он держал противника. И вот начался отсчет: один, два, три, четыре, пять. Три очка. Эмброуз вспомнил о Геракле и льве с золотой шкурой и прижал альтунца еще сильнее. За две секунды до конца боя рефери хлопнул ладонью по мату. Готово.

Зал заревел. Все жители Ханна-Лейк утверждали, что не сомневались в победе. Мистер Шин посмотрел на своего сына и просиял, Эллиот Янг едва сдерживал слезы, Ферн поймала себя на том, что сгрызла ногти под корень. Эмброуз помог противнику подняться. Он не радовался и не обнимал своего тренера, но, когда встретился глазами с Бейли, на его лице читалось облегчение, а на губах играла легкая улыбка.

Слава об этом бое летела, как лесной пожар, и крики «Геракл!» сопровождали все выступления Эмброуза, раззадоривая его старых фанатов и притягивая к нему новых. До конца турнира Эмброуз был непоколебим.

Казалось, он просто попробовал пройти по краю и понял, что это не для него. Когда он ступил на мат перед финальным боем — последним в его школьной борцовской карьере — вся арена скандировала: «Геракл!»

После, когда рефери поднял его правую руку, руку победителя, а восторженные зрители принялись рассуждать о будущем невероятного Эмброуза Янга, четырехкратный чемпион отыскал тихий уголок, где не было слышно фанфар, спустил майку до пояса, надел темно-синюю футболку с символикой Ханна-Лейк и набросил на голову полотенце. Там-то и нашли его друзья перед награждением.

Это было на пустыре — огромный кратер в поле. Обломки уже собрали и увезли. Поговаривали, что обрывки бумаги, мусор, куски одежды и багажа, рамы сидений и искореженные металлические детали были разбросаны в радиусе двенадцати километров от места крушения, а также в подлеске к югу от кратера. Рассказывали, что обломки фюзеляжа застряли в верхушках деревьев и затонули в ближайшем озере. Кто-то из фермеров нашел фрагмент самолета на своем поле. Но мусора больше не было. Все убрали. Камеры, следственные группы и желтая лента исчезли. Пятеро парней и не подозревали, что смогут так беспрепятственно подъехать на машине прямо к месту, где рухнул самолет.

Кратер окружал десятиметровый сетчатый забор, из которого торчали жухлые цветы, а рядом валялись записки и плюшевые игрушки. Прошло уже семь месяцев с одиннадцатого сентября, большую часть табличек, свечей и подарков давно убрали. И все же это место нагоняло такое уныние, что восемнадцатилетние парни протрезвели и молча слушали, как ветер шелестит в листве.

Был март, и, хотя солнце с утра выглянуло из-за облаков, весна еще не пришла в южную Пенсильванию. Колючие руки зимы пробирались сквозь одежду и пощипывали кожу. В морозном воздухе витала память о смерти. Они стояли у ограждения, просунув пальцы сквозь сетку и разглядывая кратер, ставший могилой для сорока человек. Парни не были с ними знакомы, но знали несколько имен, несколько историй.

— Я ни черта не вижу, — наконец признался Джесси. Он планировал провести вечер со своей девушкой Марли и, хотя он не был против компании друзей, сейчас внезапно пожалел о том, что не остался дома.

— Шшш! — оборвал его Грант, волнуясь, что их поймают и станут допрашивать. Он с самого начала считал поездку в Шанксвилл глупой затеей. Он предупреждал их, пытался переубедить, но в итоге, как всегда, поехал с ними.

— Может, ты и не видишь ничего... но... ты чувствуешь это? — Поли стоял, закрыв глаза и подняв лицо к небу, словно действительно что-то слышал. Поли был мечтателем, самым чутким из них, на этот раз никто не стал с ним спорить. В холодной темноте повисла священная тишина.

— Кто-нибудь хочет выпить? Я хочу, — прошептал Бинс, нарушив затянувшееся молчание. Он пошарил в кармане куртки и вытащил фляжку, салютуя мемориалу. — Не судите меня.

— Я думал, ты бросил пить! — нахмурился Грант.

— Сезон окончен, приятель. Я официально снова пью, — радостно заявил Бинс, делая большой глоток и потирая расплывшиеся в улыбке губы ладонью. Он предложил фляжку Джесси, и тот отхлебнул, содрогнувшись, когда огненная жидкость добралась до его желудка.

Эмброуз, казалось, единственный, кому нечего было сказать. Он редко говорил, но, когда делал это, его внимательно слушали. На самом деле из-за него они и оказались у кратера этим субботним вечером. С тех пор как в их школе побывал вербовщик, Эмброуз больше не мог ни о чем думать. Ребята сидели тогда на заднем ряду, фыркая и шутя о том, что марш на плацу мог показаться прогулкой в парке по сравнению с тренировками у мистера Шина. Не фыркал и не шутил только Эмброуз. Он напряженно слушал, не сводя глаз с вербовщика, вцепившись руками в колени.

Они заканчивали школу через пару месяцев. Спортивный сезон завершился две недели назад. Ребята не знали, чем себя занять, даже больше, чем обычно. Закончились тренировки, бои, о которых можно мечтать, победы, которыми можно наслаждаться. Всё. Только на Эмброуза имели виды несколько университетов, его оценки и спортивные успехи в равной степени позволяли с ходу поступить в Пенн-Стейт. Только у него было ясное будущее.

Мальчишки стояли на пороге больших перемен, и никому из них, даже Эмброузу, — особенно Эмброузу — не нравилась эта перспектива. Они не были готовы к неизвестному, но неизвестное все равно настигало их. Вскоре пропасть разверзнется и поглотит их целиком. Жизни, которую они знали, настанет конец. Они это чувствовали.

— Что мы здесь делаем, Броузи? — Джесси задал вопрос, который мучил всех.

Четыре пары глаз смотрели на Эмброуза. У него было волевое лицо человека, склонного больше к самоанализу, чем к юмору. Оно притягивало девушек и вызывало скрытую зависть у парней. Но друзья чувствовали себя спокойно в компании Эмброуза, словно им передавалась его уверенность. Не только из-за роста, силы, внешности — того, что он носил длинные волосы вопреки моде и недовольству мистера Шина. Просто в его жизни все шло как надо, и, казалось, так будет всегда.

— Я уезжаю, — сухо сказал Эмброуз.

— Куда? В университет? Да можешь не напоминать. — Грант

рассмеялся, но его смех звучал вымученно.

Пенсильвания славилась борцами, и, чтобы получить стипендию, нужно было преуспеть в этом спорте. Грант боролся хорошо, но не отлично: стипендию не дали, а семья не накопила денег на учебу. Ему пришлось бы много и долго работать, чтобы оплатить обучение.

— Нет. Не в университет, — вздохнул Эмброуз, и Грант нахмурился.

— Ч-черт возьми, — прошептал Бинс. Он был уже пьян, но соображал быстро. — Вербовщик! Я видел, как ты говорил с ним. Ты хочешь стать солдатом?

Эмброуз посмотрел на лучших друзей:

— Я даже Эллиоту пока не сказал. Да, я иду в армию. Просто подумал, может, кто-то из вас захочет пойти со мной.

— То есть ты привез нас сюда, чтобы мы расчувствовались? Прониклись духом патриотизма? — спросил Джесси. — Этого мало, Броузи. О чем ты вообще думаешь? А если тебе ногу оторвет или еще что похуже — как ты тогда будешь бороться? Все полетит к чертям! У тебя же все на мази! Гребаный Пенн-Стейт ждет тебя с распростертыми объятиями. Хочешь в Хоукис? Тебя и туда возьмут. Огромного парня, который летает, как бабочка, тяжеловеса настолько быстрого, как будто в нем до сих пор всего шестьдесят килограммов. Сколько ты сейчас выжимаешь на скамье? С тобой никто не сравнится, чувак! Ты должен пойти в университет!

Джесси тоже был чемпионом штата, как и Эмброуз, но Эмброуз получал этот титул не единожды. Четырехкратный чемпион, не побежденный за последние три года, первый борец во всей Пенсильвании, который еще в девятом классе выиграл чемпионат штата в тяжелом весе. Уже тогда он весил семьдесят пять килограммов. Его единственное поражение случилось сезоном раньше, когда его поборол действующий чемпион штата, выпускник. Эмброуз взял реванш в финале. Та победа и вписала его в книгу рекордов.

Джесси взмахнул руками и выругался, выпуская такой поток брани, что даже Бинсу, который за словом в карман не лез, стало не по себе. Джесси все отдал бы, чтобы оказаться на месте Эмброуза.

— У тебя ведь все на мази! — повторил он, качая головой. Бинс передал ему фляжку и похлопал по спине, пытаясь успокоить друга.

На обратном пути ехали в тишине. Вел по привычке Грант. Он никогда не пил и сам вызвался быть водителем как-то раз на вечеринке Бинса, давным-давно, хотя Поли и Эмброуз тоже не увлекались выпивкой.

— Я пойду, — тихо сказал Грант.

— Что? — воскликнул Джесси, нечаянно пролив содержимое фляжки

на рубаху.

— Я пойду, — повторил Грант. — Они помогут оплатить учебу, верно? Так сказал вербовщик. Мне нужно что-то делать. Я точно не хочу всю жизнь проторчать на гребаной ферме. А теми темпами, какими я коплю на университет, я закончу его годам к сорока пяти.

— Ты только что выругался, Грант, — прошептал Поли. Он никогда прежде не слышал, чтобы Грант ругался. Никто из них не слышал.

— Давно пора, — воскликнул Бинс, смеясь. — Теперь нам нужно уложить его в постель с девчонкой! Он не может идти на войну, не познав женского тела, — добавил он с лучшим латиноамериканским акцентом Дон Жуана.

Грант вздохнул и покачал головой.

— А ты что думаешь, Бинс?

— Я? О, я все знаю о женском теле, — продолжал Бинс с тем же акцентом, играя бровями.

— Об армии, Бинс. О службе.

— Конечно. Да, черт возьми. Погнали. — Он пожал плечами. — Мне все равно больше нечем заняться.

Джесси застонал и обхватил голову.

— Поли? — Эмброуз не обращал внимания на Джесси. — Ты с нами?

Поли выглядел неуверенным, его преданность друзьям шла вразрез с инстинктом самосохранения.

— Броуз... я любовник, а не боец, — серьезно ответил он. — Все эти годы я выходил на мат только потому, что хотел быть с вами, ребята, и вы знаете, как я ненавижу борьбу. Я не могу себя представить на поле боя.

— Поли, — прервал его Бинс.

— Да?

— Может, ты и не боец, но уж точно не любовник. Ты с девушкой-то не был ни разу. А на парней в форме они клюют.

— Как и на рок-звезд. Я гораздо лучше обращаюсь с гитарой, чем с пистолетом, — возразил Поли. — К тому же ты знаешь, что мама ни за что меня непустит.

Отец Поли погиб при обвале шахты, когда ему самому было девять, а его младшая сестра едва умела ходить. Мама тогда вернулась с детьми в родной Ханна-Лейк к родителям.

— Может, ты и ненавижу бороться, Поли, но ты был хорош. И солдат из тебя тоже выйдет отличный.

Поли покусал губу, но ничего не ответил, и в машине снова повисла тишина. Каждый думал о своем.

— Марли хочет, чтобы мы поженились, — сказал Джесси после долгой паузы. — Я люблю ее, но... все слишком быстро. Я просто хочу остаться в спорте. Наверняка какому-нибудь западному университету нужен дружелюбный черный парень, а?

— Она хочет замуж? — удивился Бинс. — Но нам всего по восемнадцать! Пойдем лучше с нами, Джесс. Ты должен возмужать, прежде чем она сделает из тебя подкаблучника. К тому же знаешь, как говорят? Бро превыше всего, — он усмехнулся. Это слово было созвучно с именем Эмброуза.

Джесси вздохнул, сдаваясь.

— А, ну его. Я нужен Америке. Как я могу отказаться?

Парни рассмеялись. Джесси всегда выпендривался.

— Эй, а в армии часом нет сборной по борьбе? — Джесси, казалось, даже забавляла эта мысль.

— Поли? — снова спросил Эмброуз.

Но Пол единственный не поддался на уговоры. Именно его Янгу сложнее всего будет оставить в прошлом.

— Не знаю, чувак. Наверное, мне пора повзрослеть. И мой отец, должно быть, мной бы гордился. Мой прапрадед воевал во Вторую мировую. Но я не уверен, — вздохнул он. — Решение идти в армию пахнет самоубийством.

ПОТАНЦЕВАТЬ С ДЕВУШКОЙ

В Ханна-Лейк не нашлось дорогого отеля или другого пафосного места, чтобы отметить там выпускной, поэтому сотнями воздушных шаров, гирляндами, стогами сена, искусственными деревьями, беседками и всем, к чему располагала тематика, украшали школьный спортзал. Тема праздника звучала так: «Надеюсь, вы танцуете...».^[13] Это слова из песни, которая не давала ни малейшего представления о том, как должен быть украшен зал. Гирлянды, шарики и беседки в очередной раз спасли выпускной в Ханна-Лейк. Сидя рядом с Бейли и глядя на танцпол в центре спортзала, где кружились пары, Ферн думала о том, что за последние пятьдесят лет на выпускном изменилась разве что мода.

Ферн беспрестанно теребила платье: поправляла декольте и разглаживала складки кремовой юбки, струящейся до самого пола. Когда она качала ногой, ткань ловила свет и отливала золотом. Они с мамой нашли это платье на распродаже в одном из магазинов Питтсбурга. Цену на него снижали уже несколько раз, скорее всего, потому, что оно было сшито на худышек, но такой цвет шел далеко не всем. Зато он отлично подходил рыжим, и на Ферн платье смотрелось просто чудесно.

Она сфотографировалась с Бейли в гостиную Тейлоров с застегнутым под самое горло воротником — так нравилось ее маме, но стоило Ферн выйти из дома, она тут же оголила плечи, впервые в жизни почувствовав себя почти красивой. Но на танец ее все равно никто заранее не пригласил. Впрочем, Бейли тоже не хотел заставлять какую-нибудь девушку с ужасом ждать выпускного. Он говорил это с улыбкой, шутя, но лицо выдавало легкую горечь. Тогда Ферн по-дружески предложила ему пойти вместе. Все же лучше, чем оставаться дома. И что с того, что они двоюродные брат и сестра — их и без того уже считали странными. От этого вечера не стоило ждать романтики, но в конце концов для Ферн нашлись и платье, и кавалер.

Бейли надел черный смокинг, белую плиссированную рубашку и черный галстук-бабочку. Его кудри уложили муссом, и он немного походил на Джастина Тимберлейка времен группы NSYNC...^[14] по крайней мере, так казалось Ферн.

Пары покачивались в такт музыке, обнимались и лишь изредка переминались с ноги на ногу. Ферн старалась не думать, каково это —

танцевать на своем выпускном, прижавшись к любимому человеку или другу. На секунду она пожалела о том, что «кавалер» не мог ее обнять. Почувствовав укол совести из-за этих мыслей, она с раскаянием посмотрела на Бейли, но его взгляд был прикован к девушке со светлыми волосами, в сексуальном розовом платье с блестками. К Рите. Беккер Гарт, кружа ее в танце, что-то шептал ей на ухо. Его темные волосы контрастировали с ее белокурыми локонами. Многие невысокие парни зачастую самоуверенны и развязны. Таким был и Беккер. Двадцатиднолетний, он был слишком взрослым для школьных танцев. Но Рита явно увлеклась им, и мечтательное выражение лица, когда она смотрела на него, делало ее еще прекраснее.

— Рита так хорошо выглядит, — улыбнулась Ферн, радуясь за подругу.

— Она всегда хорошо выглядит, — отозвался Бейли, не сводя с нее глаз.

От его слов сердце Ферн сжалось. Может, дело было в том, что она никогда не чувствовала себя хорошенькой. А может, в том, что Бейли увлекся чем-то, к чему, как ей казалось, он был невосприимчив, чему, как она думала, он не придает большого значения. И вот теперь ее кузен, ее лучший друг, соучастник всех ее преступлений, поддался этому, как и все остальные. И если уж Бейли Шин запал на симпатичное личико, Ферн не на что надеяться. Эмброуз Янг точно никогда не взглянет на нее. Мысли опять вернулись к нему... Он тоже здесь, но кажется, как и Грант с Поли, пришел без пары, а с друзьями. Блистательные, в черных смокингах, с зачесанными волосами, молодые и красивые, друзья праздновали окончание школы со всеми и ни с кем.

— Я приглашу Риту на танец, — внезапно заявил Бейли, выезжая на танцпол. Эта идея только что пришла ему в голову, и он решил поддаться порыву прежде, чем успел передумать.

— Чего?.. — выдавила Ферн.

Она с уважением и страхом наблюдала за тем, как Бейли подъехал на коляске к Рите. Они с Беккером, взявшись за руку, как раз собирались уйти с танцпола. Ферн искренне надеялась, что Беккер не поведет себя, как придурок. Когда Бейли заговорил, Рита улыбнулась и рассмеялась: он умел очаровывать. Беккер оскалился и не останавливаясь прошел мимо Бейли так, будто тот не стоил его внимания. Рита же, не дожидаясь разрешения, осторожно присела на колени Бейли и обняла его за плечи. Зазвучала новая песня — Мисси Эллиот призывала «Включить своего внутреннего фрика», [\[15\]](#) и ребята закружились в кресле. Рита смеялась и все крепче обнимала Бейли, светлые локоны разметались по его груди.

Ферн качала головой в такт музыке и по-доброму посмеивалась над своим смелым другом. Бейли и правда бесстрашный. Учитывая, что Беккер Гарт так и стоял на краю танцпола, недовольно скрестив на груди руки и дожидаясь, когда закончится песня. Если бы Ферн была красивой, она бы подошла и отвлекла его, может, даже пригласила бы на танец, чтобы Бейли не чувствовал на себе его взгляд. Но Ферн некрасива. Ей оставалось только грызть ногти и надеяться, что все обойдется.

— Привет, Ферн.

— О... Привет, Грант.

Она выпрямилась и спрятала руки за спину. Грант Нильсон стоял перед ней, положив руки в карманы брюк. В смокинге он чувствовал себя так же уверенно, как в джинсах.

— Хочешь потанцевать? Бейли ведь не будет против? Раз он танцует с Ритой.

— Конечно! Да!

Ферн поднялась слишком резко и покачнулась на высоких каблуках. Улыбнувшись, Грант вытянул руку, чтобы поддержать ее, а потом окинул ее взглядом с ног до головы. Остановившись на лице, он прищурился в попытке понять, что в нем изменилось.

— Отлично выглядишь, — заметил он с удивлением в голосе.

Спустя всего двадцать секунд заиграла другая музыка. Ферн уже решила, что на этом танцы кончились, но Грант внезапно обнял ее за талию. Ферн обернулась, чтобы посмотреть, отпустил ли Бейли Риту. Но Рита сидела у него на коленях, положив голову ему на плечо, а он медленно огибал другие пары на своей коляске. Очень милый танец.

Беккер стоял возле чаши с пуншем. Губы его скривились, лицо было красным от злости.

— Шину влетит, если он не будет осторожен, — рассмеялся Грант, проследив за взглядом Ферн.

— Я больше волнуюсь за Риту, — призналась она. Ферн побаивалась Беккера.

— Да, наверно, ты права. Нужно быть тем еще психом, чтобы поднять руку на парня в коляске. Но даже если он сунется к нему, то огребет по полной. Ни один член борцовской команды не станет спокойно на это смотреть.

— Из-за мистера Шина?

— Да. И из-за Бейли. Он один из нас.

Ферн просияла, радуясь, что это чувство взаимно. Бейли любил каждого члена команды и считал себя вторым тренером, талисманом,

главным статистом и всеведущим гуру по борьбе.

Следующим Ферн пригласил на танец Поли. Он был мил, немного задумчив, и Ферн понравилось танцевать с ним. Но, когда откуда ни возьмись появился Бинс и тоже предложил потанцевать, Ферн задумалась: не шутят ли над ней? Может, кто-то поспорил на нее? Вдруг следующим подойдет Эмброуз, а после они все попросят сфотографироваться с ними, чтобы потом было что вспомнить и покатываться со смеху. Как будто она часть циркового представления.

Но Эмброуз ее не пригласил. Он вообще никого не пригласил. Он возвышался над толпой. Волосы были собраны в прямой низкий хвост. Прическа подчеркивала выразительные черты его прекрасного лица: широко посаженные глаза, ровные брови и сильную челюсть. Поймав на себе взгляд Ферн, он нахмурился и отвернулся. Она не поняла, что сделала не так.

По дороге домой Бейли был молчалив. Он обмолвился, что устал, но Ферн знала: не все так просто.

— Ты в порядке?

Он вздохнул, и Ферн поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Бейли не мог водить и никогда не сидел впереди. Обычно Ферн брала фургон Шинов, приспособленный для инвалидной коляски, когда они куда-нибудь уезжали. В нем отсутствовали задние сиденья. По рампе Бейли мог закатиться в машину. Там колеса фиксировались ремнями, чтобы коляска не опрокинулась во время движения. Бейли все это было не очень весело, но они с Ферн привыкли, а иногда к ним присоединялась Рита. Так Ферн не чувствовала себя просто шофером.

— Наверное, нет. Сегодня просто такой вечер, Ферни.

— Реальность слишком жестока?

— Слишком.

— Со мной тоже, — тихо ответила Ферн; эмоции, рвущиеся из груди, встали комом в горле.

Порой жизнь казалась особенно несправедливой, слишком уж грубой и попросту невыносимой.

— Ты вроде неплохо провела время. Тебя сразу несколько парней пригласили на танец...

— Это ты их попросил? — Она вдруг догадалась.

— Да... это я. Ты не злишься? — Бейли и без того казался огорченным, поэтому Ферн, вздохнув, тут же его простила.

— Нет, конечно. Было весело.

— Но Эмброуз не подошел.

— Не-а.

— Мне жаль, Ферн. — Бейли прекрасно знал о ее чувствах и помнил, в каком отчаянии она была, когда раскрылась правда о любовных записках.

— Как думаешь, может ли кто-нибудь вроде Эмброуза влюбиться в такую, как я? — Ферн поймала взгляд Бейли в зеркале, зная, что он ее поймет.

— Только если ему очень повезет.

— Ох, Бейли. — Ферн покачала головой, но была признательна за эти слова и за то, что он говорил всерьез.

Домой ехать не хотелось, и они начали кататься туда-сюда по Мейн-стрит. Свет фар старого синего фургона и одинокие силуэты его пассажиров отражались в темных витринах городских лавочек. Спустя какое-то время Ферн свернула с главной улицы и направила машину в сторону дома, внезапно почувствовав усталость и желание оказаться в своей уютной постели.

— С этим иногда сложно смириться, — вдруг выпалил Бейли.

Ферн ждала, когда он продолжит.

— Сложно смириться с тем, что тебя никогда не будут любить так, как ты того хочешь.

На секунду Ферн решила, что он рассуждает о ней и Эмброузе. Но потом поняла, что речь вовсе не о безответной любви... Не совсем о ней. Он говорил о своей болезни и Рите. О том, что никогда не сможет ей дать и о том, что она бы от него никогда не захотела. Ведь он болен — и никогда не поправится.

— Порой мне кажется, что я больше не в силах это выносить, — голос Бейли надломился, и он замолчал так же внезапно, как заговорил.

Глаза Ферн наполнились слезами, она смахнула их. Въехав в темный гараж Шинов, где над их головами тут же включился свет, она припарковала фургон, расстегнула ремень безопасности и повернулась на своем сидении так, чтобы видеть брата. Лицо Бейли в тени казалось изможденным, и Ферн стало страшно: она вспомнила, что когда-нибудь его не станет. И случится это скоро... Она потянулась и взяла его за руку.

— Бывают такие моменты, как сейчас, Бейли. Когда тебе кажется, что сил не осталось. А потом ты понимаешь: это не так. У тебя всегда есть силы. Ты очень сильный. Ты сделаешь глубокий вдох, проглотить боль, потерпишь еще чуток, и в конце концов у тебя откроется второе дыхание. — Губы дрожали, глаза резало от слез — все это противоречило ее утешительным словам.

Бейли кивнул, но и в его глазах стояли слезы.

— Иногда нужно просто признать, что ты в дерьме. Понимаешь, Ферн?

Ферн кивнула, крепче сжимая его руку.

— Да. И это нормально.

— Нужно просто признать. Встретиться с дерьмом лицом к лицу, — голос Бейли становился жестче. — Смириться с ним, покрутиться в нем, слиться с ним воедино, — Бейли вздохнул.

Ему становилось лучше, когда он ругался. Порой крепкое словечко может стать отличным лекарством.

Ферн слабо улыбнулась.

— Слиться с дерьмом воедино?

— Да! Если так нужно.

— У меня дома есть мороженое «Рокки Роуд». Оно немного похоже на дерьмо. Как насчет того, чтобы слиться с ним воедино?

— Оно и правда похоже на какашку. С этими кусочками орехов... Я за.

— Фу, Бейли!

Бейли крикнул, а Ферн забралась назад, расстегнула ремни, удерживавшие коляску, и открыла раздвижную дверь.

— Бейли.

— Да?

— Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, Ферн.

* * *

Той ночью, сняв сияющее платье, распустив замысловатую прическу и смыв макияж, Ферн перед зеркалом в своей спальне стала разглядывать себя нагую. Она немного вытянулась — почти метр шестьдесят, совсем неплохо. По-прежнему худая, но, по крайней мере, больше не выглядит на двенадцать.

Она улыбнулась, любуясь ровными белыми зубами, ради которых столько страдала. Волосы наконец оправились от летнего кошмара. Решив, что с короткой прической будет меньше проблем, она тогда попросила своего парикмахера Конни подстричь ее под мальчика. Но даже после стрижки волосы остались длинноватыми, и весь выпускной класс она ходила с прической, как у Энни из бродвейского шоу^[16] — с кудряшками, торчащими в разные стороны, точно в парике из семидесятых. Теперь же они отросли до плеч, и Ферн собирала их в хвост. Она пообещала себе

больше не стричься. Хотела отрастить волосы до самой талии, надеясь, что тогда кудри под тяжестью немного выпрямятся. Как у Николь Кидман в «Днях грома». Николь Кидман шли рыжие волосы, но она была высокой. Ферн вздохнула и натянула пижаму. Элмо таращился на нее с груди топа.

— Элмо любит тебя! — сказала она себе, изображая, как могла, писклявый голос игрушки.

Может, пришло время купить новую одежду, сменить стиль? Она явно казалась бы старше, если бы перестала носить пижамы с Элмо и купила бы джинсы по размеру и пару футболок, подчеркивающих грудь.

Неужели она по-прежнему некрасива? Или все настолько привыкли видеть в ней дурнушку, что их мнение уже не изменить? Под всеми она подразумевала парней из школы. И в первую очередь Эмброуза.

Ферн села за свой маленький стол и включила компьютер. Она писала новый роман, но с прежним сюжетом. Во всех ее историях принц влюблялся в простолюдинку, рок-звезда отдавал сердце фанатке, президента очаровывала простая школьная учительница, а миллиардер терял голову от продавщицы. Во всех прослеживалась общая тема, закономерность, и Ферн не задумывалась, почему так происходит. Обычно она всегда писала от первого лица, легко могла представить себя на месте главной героини, наделяла ее длинными ногами, шелковистыми волосами, пышной грудью и голубыми глазами. Сегодня ее взгляд невольно возвращался к зеркалу, к собственному бледному лицу, усыпанному веснушками...

Она долго таращилась на монитор. Думала о выпускном, о том, что Эмброуз не обратил на нее внимания. Об их с Бейли разговоре в машине — о том, что иногда нужно сдаться окружающему нас дерьму, пусть это и временная капитуляция. О вещах, которые она не понимала, и о том, что чувствовала по отношению к себе. И вдруг сами собой полились слова, рифмы, чувства, которыми она заполнила пустую страницу.

Если мы — создания Божьих рук,
Он смеялся, нас всех творя?
Над ушами, которым неведом звук,
Над глазами, что смотрят зря?
Над ногами, что сделать не могут шаг
И не смогут уже вовек?
Завиток кудрей — это чей-то знак?
Где тут Бог, а где человек?

Если он придумал меня такой,
Он обязан держать ответ.
Для чего был вылеплен облик мой —
Или смысла в нем вовсе нет?
Я — досадный сбой, череда помех;
На беду, зеркала не врут.
Если это кара да прежний грех,
Почему я не помню суд?

Неужели скульптор наш близорук,
Или эти догадки зря?
Если мы — создания Божьих рук,
Он смеялся, меня творя?..[\[17\]](#)

Ферн вздохнула и отправила документ на печать. Когда ее дешевенький принтер выплюнул листок со стихотворением, она повесила его на стену, закрепив канцелярской кнопкой. Потом забралась в кровать и попыталась выбросить из головы слова, которые продолжали настойчиво в ней вертеться. «Если мы — создания Божьих рук, если мы — создания Божьих рук...»

ВЕСЕЛИТЬСЯ ДО УПАДУ

Эмброуз не любил алкоголь. Ему не нравилось ощущение тумана в голове, не нравилось совершать глупые поступки, позорить себя, отца и свой город. Мистер Шин запрещал команде пить во время сезона и не принимал никаких оправданий, если это все-таки случалось. Застав борца с бутылкой, он выгонял его из команды навсегда. Никто из ребят не стал бы рисковать своими спортивными достижениями ради выпивки. Для Эмброуза же такой вот «сезон» длился весь год. Он никогда не пил, постоянно тренировался, не забрасывал борьбу даже во время соревнований по футболу и легкой атлетике.

Но теперь тренировки закончились, закончилась и борьба. Для него все завершилось, и город забеспокоился: пятеро мальчиков уходили на войну. Новость быстро разлетелась, и, хотя ими гордились, хлопали по плечам, выражали признание за самоотверженность и желание служить родине, ужас все равно читался на лицах горожан.

Эллиот сник, когда Эмброуз рассказал ему об этом.

— Ты правда этого хочешь, сынок? — тихо спросил он. Когда Эмброуз кивнул, Эллиот потрепал его за щеку и сказал: — Я люблю тебя, Броузи, и поддержу во всем.

После этого разговора Эмброуз несколько раз видел, как отец стоит на коленях и молится в слезах. Он подозревал, что Эллиот заключил не одну сделку с Богом.

Тренер Сандерс в Пенн-Стейт тоже поддержал Эмброуза. «Бог, страна, семья, борьба», — сказал он, добавив: если Эмброуз почувствовал, что его призвание — служить родине, этим он и должен заняться.

После вручения аттестатов мистер Хилди, учитель математики, позвал его поговорить наедине. Он сам прошел войну во Вьетнаме, Эмброуз его уважал. Еще его восхищало, как он преподносил себя и как он вел уроки.

— Слышал, ты записался добровольцем в армию. Ты ведь понимаешь, что тебя призовут? А потом отправят в горячую точку быстрее, чем ты успеешь сказать «Саддам Хусейн».^[18] Ты это понимаешь? — спросил мистер Хилди, скрестив руки на груди и вопросительно приподняв густые седые брови.

— Понимаю.

— Зачем тебе это?

— А вам было зачем?

— Меня призвали, — не колеблясь ответил мистер Хилди.

— Значит, будь у вас выбор, вы бы отказались?

— Нет. Но и сам не пошел бы. Я согласен сразиться вновь за то, за что сражался тогда. Я бы снова пошел в бой за семью, за чертову свободу слова, за парней, которые воевали со мной бок о бок. За них — в первую очередь. Ты воюешь за тех, кто воюет рядом с тобой. В пылу битвы ты думаешь только о них.

Эмброуз кивнул так, словно все понял.

— Но вот что я тебе скажу: истинные счастливые — те, кто не возвращается. Слышишь?

Эмброуз снова кивнул, на этот раз пораженный до глубины души. Не сказав больше ни слова, мистер Хилди оставил его. Эмброуз впервые за долгое время засомневался. Возможно, сейчас он совершал огромную ошибку. Но, злясь на самого себя и беспокоясь, он все же принял решение. И не отступится.

США вели войну в Афганистане.^[19] Потом они пойдут в Ирак, все это знали. Полевые тренировки назначили на сентябрь, а Эмброузу хотелось, чтобы они начались уже завтра. Но придется подождать.

Лето превратилось в ад. Бинс, похоже, решил спиться, а Джесси проводил с друзьями не больше времени, чем женатый человек. Грант работал на ферме, Поли постоянно писал песни об уходе из дома, доводя ими себя до слез. Эмброуз проводил все свободное время в пекарне или качалке.

Когда до отправления в Кэмп-Силл в Оклахоме осталось два дня, вся молодежь округа собралась на озере, чтобы отметить это событие. Берег был украшен воздушными шарами, повсюду стояли пикапы с открытыми кузовами, рядом с ними ящики с пивом, содовой. Кто-то плавал, кто-то танцевал у воды, но большинство ребят просто разговаривали и смеялись, собравшись вокруг большого костра. Они делились воспоминаниями и старались провести свой последний школьный летний вечер так, чтобы запомнить его на долгие годы.

Бейли Шин тоже был здесь. Джесси и Эмброуз отнесли его на коляске к озеру. Ферн стояла рядом. Но в этот раз на ней не было очков, а непослушные волосы она собрала в косу, оставив пару волнистых прядей у лица. Она все еще не могла сравниться по красоте с Ритой, но стала довольно милой — Эмброуз не мог этого не признать. Весь вечер, как он ни старался себя сдерживать, его взгляд то и дело возвращался к ее цветастому

платью и шлепанцам. Он не понимал, что в ней так притягивало его. Эмброуз мог соблазнить любую из своих знакомых, и каждая была бы не против устроить ему «особые» проводы, но Янга никогда не прельщали такие отношения, даже сейчас. И он продолжил искоса поглядывать на Ферн.

В этот вечер Эмброуз выпил больше, чем следовало. Несколько парней из его команды затащили его в озеро, и, плескаясь в нем, он упустил момент, когда Ферн исчезла. Он в самый последний миг заметил, как старый темно-синий фургон Шинов, шурша гравием, выезжает с парковки, и внезапно почувствовал сожаление. Промокший, злой, немного пьяный, он был далек от того, чтобы наслаждаться вечеринкой, просто стоял у огня. Может, симпатия к Ферн проснулась в нем из-за того, что он просто цеплялся за старую жизнь, в то время как на него надвигалось пугающее будущее?

Он ждал, пока подсохнут майка и джинсы, не особо вникая в чужие разговоры. Пламя напоминало волосы Ферн. Он выругался вслух, так что Бинс даже прекратил объяснять правила новой игры. Эмброуз резко встал, опрокинув легкий садовый стул, и отошел от костра, зная, что он сам не свой и ему лучше уйти. Вот идиот. Он палец о палец не ударил за все лето. И вот теперь, в последнюю ночь, обнаружил, что ему, возможно, нравится девушка, которая полгода назад призналась в своих чувствах.

Эмброуз припарковался на вершине холма, машины, стоявшие рядом, были пусты. Отлично, можно тихо ускользнуть. Он чувствовал себя паршиво, да и джинсы все еще были мокрыми, майка липла к телу. Вечеринка забрала все силы. Он начал подниматься на холм, но тут же остановился: Ферн шла по тропинке в сторону озера. Она улыбнулась, поравнявшись с ним, и накрутила на палец прядку волос, вившуюся вдоль шеи.

— Бейли забыл бейсболку. Я вернулась за ней. Хотела попрощаться. Мне удалось поговорить с Поли и Грантом, а с тобой нет. Надеюсь, ты не против, если я буду иногда писать. Я бы хотела, чтобы мне писали, если бы я ушла в армию... чего, конечно же, никогда не произойдет, но ты, наверное, понял, что я имею в виду. — Она нервничала все сильнее, и Эмброуз вдруг осознал, что не сказал еще ни слова.

Он просто смотрел на нее не отрываясь.

— Да, конечно. Мне будет приятно, — поспешно ответил он, взъерошив свои длинные влажные волосы. Завтра отец их сбреет — незачем ждать понедельника. Он не носил короткие волосы с тех самых пор, как Бейли Шин сравнил его с Гераклом.

— Ты промок, — улыбнулась она. — Наверное, тебе лучше вернуться к костру.

— Хочешь — останемся, немного поболтаем? — спросил Эмброуз. Его улыбка была непринужденной, но сердце билось так сильно, словно Ферн была первой девчонкой, с которой он решился заговорить. Он пожалел, что не выпил еще пару бутылок пива, чтобы не чувствовать напряжения.

— Ты пьян? — Ферн прищурилась, пытаясь прочесть его мысли.

Эмброуза охватила досада: неужели она думает, что трезвым он бы ни за что с ней не заговорил?

— Эй, Эмброуз! Ферн! Идите сюда! Нам нужно еще пару человек для игры, — позвал их Бинс, стоявший у костра.

Ферн с радостью откликнулась на приглашение и пошла к ребятам. Бинс вел себя не очень приветливо по отношению к ней все эти годы. Обычно он вообще не обращал внимания на дурнушек. Эмброуз пошел следом, но чуть медленнее. Он не любил глупые игры, особенно если их затевал Бинс.

Игра оказалась вовсе не новой. Это была версия старой доброй бутылочки, которую парни лет с тринадцати использовали в качестве предлога поцеловать девчонку. Эмброуз догадался: Ферн не знала, как в нее играть. Она сидела с широко распахнутыми глазами, крепко сжав руки. Она не ходила на вечеринки — ее никто не звал. Будучи дочерью пастора, она, скорее всего, никогда не делала и половины тех вещей, которыми увлекались остальные вокруг нее. Эмброуз положил голову на руки, надеясь, что Бинс не выкинет чего-нибудь, что опозорит Ферн или вынудит его выбить из приятеля все дерьмо. Он не хотел усложнять отношения перед отправкой на базу.

Когда бутылочка указала на Ферн, Эмброуз затаил дыхание. Бинс прошептал что-то на ухо девушке, сидевшей рядом, — той, что крутанула бутылку. Эмброуз посмотрел на Бинса с ненавистью.

— Правда или действие, Ферн? — спросил тот.

Казалось, Ферн в равной степени страшилась и того и другого, и не зря. Она прикусила губу под пристальными взглядами двенадцати человек, ожидавших, что она выберет.

— Правда! — выпалила она.

Эмброуз расслабился. Правда легче. К тому же всегда можно солгать.

Бинс снова что-то прошептал, и девушка хихикнула.

— Писала ли ты в выпускном классе любовные записки Эмброузу, притворяясь Ритой?

Эмброузу стало не по себе, а Ферн, ахнув, посмотрела на него? В бледном свете костра ее глаза казались черными на мраморном лице.

— Пора домой, Ферн. — Эмброуз встал. — С нас хватит. Увидимся через полгода, неудачники. Не скучайте сильно. — Он отвернулся и, сжав руку Ферн, потянул ее за собой. Не оборачиваясь, поднял левую руку и показал другу средний палец.

За их спинами послышался смех. Ничего, рано или поздно Бинс свое получит — Эмброуз был в этом уверен.

Когда деревья скрыли их от глаз компании, Ферн выдернула руку и побежала.

— Ферн! Подожди.

Но она не останавливалась. Почему? Он догнал ее, когда она уже открывала дверь фургона.

— Ферн!

Он поймал ее руку, но она вырвалась. Тотчас схватив ее за обе, Эмброуз резко прижал Ферн к себе, заставляя посмотреть ему в глаза. Ее плечи тряслись, она плакала. Она убежала так быстро, чтобы он не видел ее слез.

— Ферн, — беспомощно выдохнул он.

— Отпусти меня! Поверить не могу, что ты рассказал им. Какая же я глупая!

— Я рассказал ему в тот вечер, когда он видел нас в коридоре. Не надо было. Я дурак.

— Не важно. Школа закончилась. Ты уезжаешь. Бинс тоже. Мне плевать, увижу ли я вас снова.

Ферн смахнула слезы, катившиеся по лицу. Эмброуз отступил на шаг, пораженный ее внезапной резкостью и холодностью взгляда. Это испугало его так сильно, что он обхватил ее лицо обеими руками и, страстно целуя, прижал к двери старого фургона. Она была из тех девушек, кто не стеснялся приехать на вечеринку в развалюхе. Из тех, кто радовался, как ребенок, когда ее приглашали поиграть в глупую игру. Она вернулась, чтобы попрощаться с ним, с парнем, который ее не замечал. Как же ему теперь хотелось — больше всего на свете — все изменить! Он хотел быть мягче, хотел дать ей понять, что ему жаль. Она застыла в его руках, не в силах поверить в происходящее. Поверить, что после того, как он разбил ее сердце, у него хватило совести украсть у нее поцелуй.

— Мне так жаль, Ферн, — прошептал Эмброуз, все еще обнимая ее. — Прости меня.

Эти слова вдруг растопили лед, который не смог растопить поцелуй:

Эмброуз почувствовал, как она вздохнула. Ферн обняла его за плечи и приоткрыла губы. Он целовал ее осторожно, боясь разрушить хрупкий второй шанс. Нежно коснувшись ее языка своим, он позволил ей изучить его. Еще никогда он не был так деликатен, не старался сделать все правильно. Когда она отстранилась, он отпустил ее. Ее глаза были закрыты, на щеках застыли слезы, губы опухли оттого, что он впился в них слишком яростно в порыве загладить свою вину.

Когда она открыла глаза, они излучали только боль и непонимание. Сжав зубы, Ферн отвернулась, затем, не сказав ни слова, села в фургон и уехала.

БЫТЬ ХОРОШИМ ДРУГОМ

В субботу, в восемь утра, раздался звонок: дин-дон. Он так идеально вписался в сон Ферн, что она улыбнулась сквозь дрему, поднимая лицо навстречу прекрасному молодому человеку в форме, который только что ответил «Да», а потом откинул ее фату и поцеловал. «Мне так жаль, Ферн, — прошептал он так же тихо, как тогда на озере. — Мне очень жаль».

Ферн стала жадно целовать его, не желая слышать извинений. Только поцелуи. Поцелуи и объятия. Она чувствовала, что это сон и что она вот-вот пробудится, оставив эту мечту в стране под названием Никогда-Никогда-Тому-Не-Бывать.

«Прости меня, Ферн!» Ферн вздохнула, не замечая, что говорит уже не Эмброуз.

— Ферн, прости, что бужу тебя, но мне нужно тебе кое-что показать. Ты проснулась?

Ферн неохотно открыла глаза, с прискорбием понимая, что она вовсе не в церкви. Никакой свадьбы не было. А Эмброуз — за сотни километров, в Форт-Силл.

— Ферн?

Рита стояла в нескольких шагах от ее кровати. Ни с того ни с сего она начала расстегивать молнию на брюках, спуская их ниже бедер, а затем — подворачивать вверх рубашку, под эластичную резинку своего бюстгальтера, так что живот оказался полностью открыт. Рита уперла руки в бока и воскликнула:

— Видишь?

Ферн обвела сонным взглядом стройное тело Риты. Особенно выделялась пышная грудь. Про себя она проклинала подругу за то, что та не могла подождать еще хотя бы пару минут, прежде чем врываться в ее комнату и начинать раздеваться. Веки были просто свинцовыми, чьи-то проблемы с фигурой не особенно волновали Ферн. Она хотела вернуть мужчину в форме.

Ферн приподняла брови и пробормотала:

— Что?

— Смотри же, Ферн! — Рита показывала обеими руками на свой

живот чуть ниже пупка. — Он огромен! У меня больше не получится его прятать. Что теперь делать?

Он не был огромным. Чуть округлый живот едва выделялся над черными кружевными трусиками. У Ферн были точно такие же. Она прятала их глубоко в комод и надевала, только когда собиралась писать любовную сцену, как, например, прошлой ночью... Точнее, всего пару часов назад. Рита явно не собиралась уходить, надежды поспать не осталось. Поэтому Ферн одной рукой убрала непослушные пряди с глаз, чтобы получше разглядеть то, что так беспокоило подругу. Она, не спуская глаз с живота Риты, чуть наклонила голову сначала в одну сторону, затем в другую.

— Рита, ты что, беременна? — ахнула Ферн. Спросонья в голове стоял туман, и она страшно тормозила.

Рита выдернула рубашку из-под лифчика и быстро застегнула джинсы, как будто слова Ферн побудили ее вновь скрыть свой секрет.

— Рита?

— Да. — Подруга плюхнулась на кровать, придавив ее ноги.

Ферн высвободилась, а Рита, извинившись, заплакала.

— Так ты выходишь замуж? — осторожно спросила Ферн, похлопывая подругу по спине, как это всегда делала ее мама, когда она плакала.

— Беккер не знает. Никто не знает! Я ведь хотела порвать с ним, Ферн. Теперь я не могу.

— Почему порвать? Я думала, ты без ума от Беккера.

— Так было. Так и есть. Вроде бы. Но он слишком торопит события. Мне иногда кажется, что я не успеваю. Я просто хочу отдохнуть. Может, уехать куда-нибудь на учебу. Я даже подумывала стать няней... знаешь, в Европе... Au pair.^[20] Так это называется. Разве не здорово? Я хотела быть au pair. А теперь не могу, — повторила Рита и заплакала сильнее.

— Ты всегда отлично ладила с детьми. — Ферн с трудом подбирала слова. — И теперь у тебя будет свой малыш. Пусть ты и не поедешь в Европу прямо сейчас. Но почему бы тебе не поработать няней здесь... или не устроиться в детский сад. Из тебя получилась бы отличная воспитательница. Ты красивая и добрая, все дети тебя любят.

Ферн тоже задумывалась о том, чтобы уехать из города, может, поступить в колледж, начать новую жизнь. Но она не могла оставить Бейли. Ей хотелось стать писателем, а этим можно было заниматься и в Ханна-Лейк, живя с братом по соседству. Ничуть не хуже, чем в Венеции или Париже.

— Как это могло произойти? — всхлипнула Рита.

Ферн посмотрела на нее.

— Я наизусть знаю песню о размножении из «Бриолина-2».^[21] Хочешь, чтобы я тебе ее спела? — спросила она Риту, пытаясь развеселить ее.

— Очень смешно, Ферн, — ответила подруга, но все же улыбнулась, и Ферн начала петь про пестики и тычинки высоким чистым сопрано. Рита стала подпевать, несмотря на ситуацию.

— Не говори Бейли, ладно, Ферн? — попросила Рита, пока Ферн гладила ее по голове.

— Почему? Он ведь наш лучший друг. Рано или поздно он все равно узнает и будет гадать, почему ты сразу не сказала ему.

— Он всегда заставлял меня чувствовать себя особенной... Понимаешь? Когда я делаю что-то глупое и попадаю впросак, мне кажется, что я подвожу и его, — объяснила она, вытирая слезы и делая глубокий вдох, как перед прыжком в бассейн.

— Но ведь за это дружбу и ценят. Тебе не обязательно быть идеальной или стремиться заслужить похвалу. Мы любим тебя, ты любишь нас, и мы всегда будем рядом, чтобы помочь. И я, и Бейли.

— Я и правда тебя люблю, Ферн. Очень. И Бейли тоже. Только надеюсь, что не испорчу все и не потеряю вас.

Она так крепко обняла Ферн, что у той отпали все сомнения в ее любви и благодарности. Ферн обняла подругу в ответ и прошептала:

— Этого никогда не случится, Рита.

1994

— Почему у нас больше нет детей, мам? У Бейли есть старшие сестры. Я бы тоже хотела иметь сестру.

— Я не знаю, Ферн. Мы пытались завести еще детей, но иногда Господь дает нам кого-то настолько особенного, чудесного, что и его сполна хватает.

— Хм... Значит, одной меня хватает?

— Да. И всегда хватало. — Рейчел улыбнулась своей десятилетней крохе с буйной рыжей шевелюрой и крупными неровными зубами, из-за которых она выглядела как Маугли из дикого леса.

— Но мне нужен братик или сестричка, мам. Мне нужно о ком-то заботиться и кого-то учить.

— У тебя есть Бейли.

— Да. Но он учит меня чаще, чем я его. И он мой двоюродный брат, а

не родной.

— Он не только твоя семья, он еще и особенный друг. Когда мы с тетей Энджи выяснили, что обе беременны, мы были так счастливы. Я думала, что не могу иметь детей, а Энджи уже родила двух дочек, но всегда хотела мальчика. Бейли родился раньше тебя, но всего на несколько дней. Вы оба стали нашими чудесными малютками, маленькими подарками от Господа.

— Наверное, иметь Бейли не хуже, чем иметь родного брата. — Ферн сморщила нос.

— И ты знаешь, что у Иисуса тоже был такой особенный друг? Его звали Иоанн. Мать Иоанна, Елисавета, была стара, как и я. Она уже и не думала, что сможет родить ребенка. Когда Елисавета узнала, что беременна, Мария, мать Иисуса, пришла навестить ее. Они тоже были семьей, как мы с Энджи. Когда Елисавета посмотрела на Марию, малыш в ее животе сильно толкнулся. Мария носила под сердцем Иисуса, и у младенцев уже тогда была особая связь, прямо как у вас с Бейли.

— Иоанн Креститель, верно? — уточнила Ферн. Она отлично знала все библейские притчи. Пастор Джошуа и Рейчел часто ей их рассказывали.

— Да.

— Но разве Иоанну не отрубили голову? — с сомнением спросила Ферн.

Рейчел усмехнулась. Так вот истории и оборачиваются против рассказчика.

— Да. Но я хотела рассказать совсем не об этом.

— И Иисуса тоже убили.

— Да. Его тоже.

— Хорошо, что я девочка, а не какой-то парень по имени Иоанн. И что Иисус уже пришел и Бейли не нужно спасать мир. Иначе быть особенными друзьями не так уж здорово.

Рейчел вздохнула. Ферн вывернула весь смысл притчи наизнанку. Она предприняла последнюю попытку спасти поучительный рассказ.

— Иногда быть особенными друзьями непросто. Иногда тебе придется чем-то жертвовать ради друга. Жизнь непроста, и люди бывают жестоки.

— Как те парни, что отрубили Иоанну голову?

— Да. Как они, — ответила Рейчел, с трудом сдерживая неуместный смешок. Она собралась с духом и приготовилась рассказать последнюю часть истории, чтобы напомнить дочке о жертве Спасителя.

— Хороших друзей очень трудно найти. Они заботятся друг о друге и присматривают друг за другом, а иногда даже отдают жизнь, как Иисус отдал свою за всех нас.

Ферн скорбно кивнула, и Рейчел облегченно выдохнула. Она не была уверена, что Ферн вынесла из рассказа хоть какой-то урок. Взяв корзину с бельем, она направилась к стиральной машинке. Ферн окликнула ее:

— Так как ты думаешь, я умру за Бейли... или он умрет за меня?

Школьная группа играла одну за другой патриотические мелодии, которым, вне всякого сомнения, их обучил руководитель, мистер Моррисон. Ферн знала их все. Ей хотелось вернуться в старшую школу, чтобы играть вместе с ними на своем кларнете. Так она была бы занята, а не жалась бы дрожа поближе к родителям, хлопая в такт музыке и наблюдая за жалким подобием парада, проходящего на главной улице. Весь город высыпал на тротуары, но март в Пенсильвании был не самым удачным временем для таких мероприятий. Дороги расчистили, и погода пока не чудила, но прогноз обещал снежную бурю, и в небе уже собрались облака, омрачающие проводы. Парни завершили подготовку — их отряд уже бросали в горячую точку. Они одними из первых уходили в Ирак.

Ферн грела дыханием замерзшие пальцы, ее щеки покраснели так сильно, что стали одного цвета с волосами. И вот появились солдаты. На них была камуфляжная форма песочного цвета и ботинки на шнуровке. На бритых головах плотно сидели форменные кепки. Ферн то и дело подпрыгивала на месте, надеясь разглядеть Эмброуза. Отряд был сформирован из добровольцев, собранных на северо-западе штата. Солдаты проходили через несколько маленьких городков в колонне военных автомобилей, «Хамви»^[22] и парочки танков, присоединившихся к процессии для пущего драматизма. Каждый солдат сливался с остальными в однородную массу, и Ферн подумала, что стереть их индивидуальность было по-своему милосердно. Так прощание становилось менее печальным.

А потом мимо промаршировал Эмброуз, совсем близко — протяни руку и дотронешься. От его прекрасных волос не осталось и следа. Но лицо было все тем же: сильная челюсть, идеальной формы губы, ровная кожа, темные глаза. С той ночи у озера Ферн прошла все этапы обиды: злость, унижение, снова злость. Но обида ушла, когда Ферн вспомнила его губы.

Нахлынули воспоминания. Эмброуз поцеловал ее. Она не понимала зачем, но не разрешала себе надеяться, что в нем внезапно проснулись чувства. Он не был влюблен, он... молил о прощении? Спустя недели, пребывая то в замешательстве, то в ярости, она решила принять его извинения. Но вместе с прощением вернулись прежние чувства, которые она так долго скрывала. Они заняли привычное место в ее сердце, и вся

злость испарилась, словно дурной сон. Ферн впервые в жизни решила проявить храбрость и закричала его имя, но у нее получился лишь тихий писк. Имя растворилось на ее губах, едва она открыла рот. Эмброуз смотрел прямо перед собой, не видя и не слыша ее. Он был выше остальных новобранцев, его было легко отыскать в толпе даже издалека.

Она не видела Поли, Гранта, Бинса или Джесси. Зато после парада встретила Марли, беременную девушку Джесси, в кафе «Фрости Фриз». Ее лицо опухло от слез, а живот выглядывал из-под куртки, которая не застегивалась. Ферн почувствовала легкий укол зависти. В том, чтобы проводить своего парня-солдата, была драма настолько вдохновляющая, что Ферн, едва добравшись домой, тут же сочинила историю о двух влюбленных, разлученных войной.

Так ребята и ушли. Уплыли за океан в мир песка и зноя. Для Ферн, как и для большинства жителей Ханна-Лейк, мир еще казался нереальным. Он был так далек и так непохож на все, что им знакомо. Жизнь продолжалась. Городок молился и любил, страдал и жил. Желтые ленточки, которые Ферн помогала повязывать на ветках деревьев, выглядели свежо еще пару недель. Но ранняя весенняя непогода впивалась в них острыми холодными когтями, и в конце концов ленточки сдались, превратившись в блеклые рваные клочья.

Дни шли за днями.

* * *

Прошло полгода. Рита родила чудесного мальчика, как и Марли Дэвис, которая назвала сына Джесси, в честь его папы. Ферн добавила новую главу в свою историю о влюбленных, разделенных войной, — об их дочери, которую тоже звали Джесси. Она не смогла удержаться. Всякий раз, когда Марли заходила в магазин, ей хотелось подержать малыша. Она представляла, что чувствовал Джесси, находясь так далеко отсюда. Она сочиняла письма для Эмброуза, описывая в них новости Ханна-Лейк, забавные случаи, успехи школьных сборных, книги, которые недавно прочла. Она писала о своем повышении в магазине — теперь она стала ночным администратором, о тех вещах, которые никогда не решалась сказать. И подписывалась: «Твоя Ферн».

Можно ли принадлежать кому-то, кто этого не хочет? Ферн решила: можно, ведь ее сердце принадлежало Эмброузу и ему, сердцу, не было дела до того, как он к этому относится. Закончив писать, она складывала письма

в ящик стола. Ей было интересно, что бы он подумал о ней, получи вдруг одно из них. Решил бы, что она сумасшедшая, и пожалел бы о том поцелуе? Испугался бы, что Ферн восприняла этот поцелуй как что-то большее, а не просто извинение? Что она бредит?

Ферн не бредила, она просто любила воображать, но, даже невзирая на это, не могла верить в его взаимные чувства. Она обещала писать, однако в глубине души не была уверена, что он этого хотел. Ее гордость стала слишком хрупкой, она не вынесет еще один удар. Письма копились. Отправлять их Ферн так и не решалась.

Ирак

— Ферн Тейлор больше не писала тебе любовных писем, Броузи? — спросил Бинс в темной палатке.

— Я считаю, Ферн красивая, — донесся из спальника голос Поли. — Она отлично выглядела на выпускном. Ты ее видел? Пусть пишет мне любовные письма в любое время.

— Никакая она не красивая, — возразил Бинс. — Она похожа на Пеппи Длинныйчулок.

— Кто такая, черт возьми, эта Пеппи Долгопупс? — проворчал Джесси, пытаясь уснуть.

— Моя сестра смотрела сериал про Пеппи Длинныйчулок — взяла как-то кассету в библиотеке и так ее и не вернула. У этой девчонки были кривые зубы и рыжие косички, торчавшие в разные стороны. Она была тощей, неуклюжей и глупой. Прямо как Ферн. — Бинс ткнул Эмброуза пальцем.

— Ферн не глупая, — отозвался Эмброуз. Он удивился, как сильно его задевали насмешки Бинса.

— Ла-а-адно, — рассмеялся Бинс. — Но как будто это что-то меняет.

— Еще как меняет. — Грант не мог не вставить свои пять копеек. — Кому нужна девушка, с которой не о чем поговорить?

— Мне! — рассмеялся Бинс. — Зачем говорить, пусть просто снимает одежду.

— Ты свинья, Бинс, — вздохнул Поли. — Повезло тебе, что все мы здесь любим бекон.

— Ненавижу бекон, — снова проворчал Джесси. — А еще я ненавижу, когда вы начинаете трепаться перед сном. Заткнитесь.

— Джесси, ты и впрямь Злая Волшебница Востока, — рассмеялся

Поли. — Злая Волшебница Среднего Востока. — Поли написал песню, в которой Ирак был Страной Оз, и тут же каждый из ребят получил прозвище.

— А ты Страшила, тупица. Это ведь у него не было мозгов?

— Да. Страшила звучит угрожающе. Что думаешь, Грант?

— Уж точно лучше, чем Дороти, — засмеялся тот в ответ. Он совершил ошибку, заявившись как-то в спортзал в красных борцовках. Если они не были в патруле и не спали, то тягали железо. Больше им нечем было заняться в свободное время.

— Почему бы тебе не стукнуть каблучками, Дороти, чтобы мы могли отправиться домой? — спросил Поли. — Эй, а как так вышло, что тебе не досталось имя, Бинс?

— М-м-м... Вообще-то у меня есть имя — Коннор. Так что, кажется, ты ошибаешься. — Бинс начинал клевать носом.

— Пусть он будет Жевуном... или Тото. В конце концов, он всего лишь маленькая шавка, которая громко лает, — предложил Джесси.

Бинс насторожился:

— Только попробуй, Джесс, и я расскажу Марли, как ты целовался с Лори Стрингхэм в спортзале. — Бинса всегда задевали комментарии о его росте. Он был отличным борцом в своей весовой категории — 60 кг, других преимуществ вес не давал.

— Броузи — Железный Дровосек, потому что у него нет сердца. Бедняжку Ферн Тейлор огорчило это открытие. — Бинс снова попытался перевести внимание на Эмброуза.

— Броузи — Железный Дровосек, потому что он сделан из металла. Черт возьми, сколько ты сегодня поднял в жиме лежа, Броуз? — включился в разговор кто-то из отряда. — Ты чертов монстр! Тебя в пору Железным Человеком называть.

— Ну вот опять, — простонал Джесси. — Сначала Геракл, теперь Железный Человек. — Ему не нравилось, что Эмброуз всегда получал все лавры, и он не скрывал этого.

Эмброуз рассмеялся:

— Я дам тебе победить меня завтра в армрестлинге, Ведьмино Дерьмо, идет?

Джесси усмехнулся. Его недовольство всегда было скорее напускным.

Все в палатке стихло. Лишь изредка в темноте раздавался случайный всхрип или вздох, но Эмброузу не спалось. Он размышлял о том, что сказал Бинс. Рита Мардсен была красивой. У него дух от нее захватывало. Он думал, что влюблен в нее, пока не понял, что на самом деле ничего о ней не

знает. Она не была глупой, но и умной не казалась. Эмброуз долго пытался понять, почему в своих записках она казалась такой привлекательной, а когда они оставались наедине, все очарование улетучивалось. В конце концов красота стала меньше его прельщать. Эмброузу нравилась девушка, которая писала эти записки.

Он устал в темноту. Девушкой была Ферн Тейлор. Выходит, ему нравилась Ферн? Он тихо усмехнулся. Они бы довольно глупо смотрелись с ней, маленькой, несуразной и некрасивой, хоть на выпускном она и выглядела привлекательно. Ему неприятно было видеть ее, в золотом платье, танцующей с его глупыми друзьями. Должно быть, в тот момент он еще не до конца простил ее за ту шутку, которую они провернули с Ритой.

Он попробовал избавиться от этих назойливых мыслей, о той ночи на озере и почти убедил себя, что поцеловал ее из-за временного помутнения рассудка. Последний отчаянный шаг перед тем, как покинуть дом. Она не писала ему, хоть и обещала. Раздражение давно прошло, и сейчас он был бы рад получить от нее письмо.

Его охватила тоска по дому. Они точно больше не в Канзасе.^[23] Он думал о том, во что втянул себя и парней. В глубине души Эмброуз не считал себя ни Гераклом, ни Железным Дровосеком. Он был Трусливым Львом. Сбежал из дома и прихватил друзей — как защиту, как группу поддержки. Только что он забыл в Стране Оз?

Ирак

— Марли говорит, что Рита выходит замуж, — сказал Джесси, глядя на Эмброуза. — Твою бывшую уводят из-под носа, Броузи. Что скажешь?

— Ну и дура.

— Ничего себе! — воскликнул Джесси, удивленный этим грубым ответом. Он думал, что Эмброуз уже забыл Риту. Похоже, он был не прав.

— Разве у тебя к ней все еще чувства, Броуз? — недоуменно спросил Грант.

— Нет. Но она спятила, раз выходит за Беккера Гарта.

Бинс пожал плечами:

— У меня никогда не было проблем с Гартом.

— Помнишь, как меня отстранили от соревнований в девятом классе?

Бинс покачал головой, а Поли вспомнил, о чем речь:

— Ты вмазал Беккеру прямо по его смазливой мордашке, я помню! Но ты никогда не рассказывал нам, за что.

Эмброуз поправил солнцезащитные очки. Они и еще около сотни солдат и морпехов охраняли здание, где проходили важные переговоры с временным правительством Ирака. Разные фракции объединились, чтобы создать новый управляющий орган. Дела шли на лад — так все думали. Эмброуз впервые играл роль телохранителя, если не считать того случая с Бейли Шином, о котором он никому не рассказывал.

— А я и забыл об этом! — удивился Грант. — Ты не поехал на турнир в Лох-Хейвен. Тренер был в ярости.

— Он не был бы так зол, если бы знал, за что я надрал зад Беккеру, — сухо ответил Эмброуз. Он решил, что прошло достаточно времени и можно спокойно поделиться этой историей.

Январь, 1999

Беккер Гарт учился в выпускном классе, и все девчонки считали его красавчиком, а ребята к нему приглядывались. Эмброуз обратил на него

внимание, потому что Беккер отпустил волосы вслед за ним. Гарт тоже был брUNETом и, когда отбрасывал волосы с лица, слишком походил на Эмброуза. Янга это раздражало, но на этом их схожесть заканчивалась. Беккер был жилистый, со скульптурными мышцами, как у жокея или бегуна, ростом метр восемьдесят. Вполне смазлив для того, чтобы вокруг него толпились девчонки. Но Янг, даже будучи девятиклассником, его перерос. Возможно, Беккер завидовал, поэтому постоянно над ним издевался, насмехался, подначивал. Эмброуз никак на это не реагировал, в отличие от других ровесников. Он и так был силен, это не требовало доказательств, к тому же уколы Беккера его не задевали. Он только иногда представлял, как в спортзале он или его друзья беспощадно отделяют Гарта... Но Эмброуз был не единственным, над кем издевался Беккер...

Шел четвертый урок английского — последний перед обедом. Эмброуз отпросился под предлогом, что ему нужно в туалет, но на самом деле он беспокоился перед взвешиванием для турнира в Лох-Хейвене, которое запланировали на три часа, и хотел еще раз проверить свой вес.

Ему нужно было скинуть килограмм, с семидесяти шести до семидесяти пяти — он боролся именно в этой весовой категории. Он мог еще немного позаниматься, но даже этого веса он добился с трудом. Он начинал сезон с восьмьюдесятью, и даже тогда в нем не было лишних жира и жидкости, которые позволили бы ему быстро похудеть. Он по-прежнему рос. До региональных соревнований оставался месяц, а еще через две недели — штат. Следующие шесть недель обещали быть особенно тяжелыми, ему предстояло голодать. Он и без того был зол. Войдя в раздевалку и оказавшись в крошечной темноте, он выругался, надеясь, что дело не в перегоревшей лампочке. Нужно найти весы. Эмброуз пошарил рукой по стене, пытаясь отыскать выключатель. Раздавшийся из темноты голос заставил его подпрыгнуть на месте.

— Беккер, — донеслось до него.

Эмброуз нащупал выключатель. Шкафчики и скамейки залило светом. Картина, представшая его взору, поразила Эмброуза до глубины души, и он выругался. Посреди раздевалки на кафельном полу валялась перевернутая инвалидная коляска Бейли Шина, а сам Бейли беспомощно болтал тонкими ногами в воздухе, не в состоянии подняться. Он ждал помощи.

— Что за черт! Шин, ты в порядке?

Эмброуз подбежал к Бейли, поставил коляску и усадил в нее беднягу. Лицо Шина было налито кровью, плечи тряслись. Эмброуз почувствовал ярость, ему захотелось кого-нибудь ударить. Очень сильно.

— Что случилось, Шин?

— Никому не говори, Эмброуз, ладно? — взмолился Бейли.

— Почему?! — Янг был так зол, что чувствовал, как в висках стучит кровь.

— Просто... просто никому не говори, хорошо? Это чертовски унижительно. — Бейли сглотнул; Эмброуз понял, как сильно напуган его друг.

— Кто это сделал?

Бейли покачал головой и ничего не сказал. И тут Эмброуз вспомнил, что Бейли произнес.

— Беккер?

— Он обещал мне помочь, а потом перевернул. Но я в порядке, правда! — добавил Бейли, боясь показаться слабым. — Потом Беккер просто выключил свет и ушел. Ничего страшного не случилось бы. Рано или поздно меня бы кто-нибудь нашел. Ты вот, например. — Бейли попробовал улыбнуться, но его губы задрожали. — Я рад, что ты, а не класс, у которого физкультура. Я бы так опозорился...

Эмброуз не мог ничего сказать. Он просто качая головой, напрочь забыв о весах.

— Обычно я не заезжаю сюда один, потому что не могу сам открыть дверь, она открывается только наружу, — попытался объяснить Бейли. — Но Беккер впустил меня, и я думал, что отец здесь.

— А потом перевернул и оставил валяться на полу, — завершил Эмброуз. Каждое его слово было пропитано злостью.

— Да, — тихо ответил Бейли. — Как думаешь, почему он это сделал?

— Не знаю, Шин. Потому что он придурок с маленьким членом, — пробормотал Эмброуз. — Он думает, что, если будет обижать людей, которые не могут дать ему сдачи, член станет больше. Но он все уменьшается и уменьшается, а Беккер становится все злее и злее.

Бейли засмеялся, и Эмброуз улыбнулся: он был рад, что Бейли больше не трясло.

— Обещаешь, что никому не скажешь? — продолжал настаивать Бейли.

Эмброуз кивнул. Но не пообещал, что Беккеру это сойдет с рук.

Когда Эмброуз вошел в столовую, Беккер сидел за угловым столом в окружении одноклассников и симпатичных одноклассниц, с которыми Эмброуз был бы не прочь поболтать при других обстоятельствах. О своих планах он ничего друзьям не сказал. Скорее всего, за это его отстранят от соревнований. И, раз уж вечером он наверняка пропустит бои, лишний

килограмм его больше не беспокоил. Янг сжал зубы, подошел к их столу и ударил по нему кулаками так сильно, что чай в кружках расплескался, а пустой поднос с грохотом упал на пол. Беккер удивленно поднял глаза и выругался, когда ему на колени пролилось молоко.

— Вставай, — тихо потребовал Эмброуз.

— Шел бы ты отсюда, Тарзан, — фыркнул Беккер, отряхиваясь. — А не то я из тебя все дерьмо выбью.

Эмброуз наклонился над столом и замахнулся. Он ударил Беккера по лбу, отчего тот ушибся головой о стену.

— Вставай! — зарычал Эмброуз.

Беккер вышел из-за стола и тут же набросился на противника. Кулаком он ударил Эмброуза в нос, так что у того потемнело в глазах, а из левой ноздри показалась струйка крови. Эмброуз замахнулся в ответ, рассек Беккеру губу и затем еще раз — ударил в глаз. Беккер взвыл и отлетел назад. Эмброуз схватил его за ворот рубашки и за пояс джинсов, ставя на ноги. Противник покачнулся, и лишь после этого Янг еще раз ударил его — на сей раз в полную силу.

— Это за Бейли Шина, — прошептал он на ухо Беккеру, утаив причину драки от посторонних, как и обещал. Потом он отпустил Беккера и, отвернувшись, вытер кровь краем белой футболки.

К нему уже бежал мистер Шин, красный от злости. Вероятно, сегодня была его очередь дежурить в столовой. Надо же было так попасть! Эмброуз покорно последовал за тренером, готовый понести любое наказание, и, верный своему слову, ни разу не упомянул имени Бейли.

* * *

— Я выхожу замуж, Ферн! — На безымянном пальце Риты красовался внушительных размеров бриллиант, который она сунула Ферн практически под нос.

— Какое красивое, — честно сказала Ферн и попыталась улыбнуться, чтобы поддержать подругу, но не смогла.

Беккер был красив, они с Ритой отлично смотрелись вместе. И Тай, сынишка Риты и Беккера, будет расти в полной семье. Но Беккер пугал Ферн. Она не понимала, почему он не пугал Риту. А может, это ее в нем и привлекало.

— Мы хотим пожениться в следующем месяце. Я знаю, это очень скоро, но, может быть, твой отец согласится нас обвенчать? Он всегда так

мил со мной! И твоя мама тоже. Потом устроим небольшую вечеринку. Я попробую найти диджея, потанцуем. Беккер хорошо танцует.

Ферн вспомнила, как на выпускном ее подруга сияла от счастья, а Беккер пытался сдерживать гнев, когда Бейли прервал их и украл Риту на пару танцев.

— Конечно. Папа с удовольствием поженит вас. Священники больше всего на свете любят свадьбы. Думаю, он позволит накрыть стол во дворе церкви. Можно поставить закуски, вынести стулья, украсить все цветами. Найдешь себе чудесное платье. Я помогу.

И она помогла. Месяц ушел на подготовку и поиск платья, от которого у Сары Мардсен на глаза навернулись слезы, и она пустилась кружиться по комнате со своей красавицей дочкой. Они разослали приглашения, наняли фотографа, заказали цветы, приготовили мятное печенье, заварные пирожные, домашние конфеты и забили холодильник в гараже Тейлоров.

Когда наступил торжественный день, утром они украсили все колонны беседки светящимися гирляндами, вынесли столы, покрытые кружевными скатертями, на лужайку, чтобы мраморный пол беседки оставить под танцпол. Заполнили желтые вазы маргаритками, а к спинке каждого стула привязали желтые воздушные шарик.

Церковь внутри тоже украсили маргаритками. Ферн была подружкой невесты, и Рита разрешила ей выбрать любое желтое платье. Ферн и для Бейли нашла желтый галстук, чтобы они хорошо смотрелись, провожая ее к алтарю. Ферн несла в руках букетик ярких цветов, а к черному пиджаку Бейли приколола маргаритку.

Беккер тоже был в черном, с желтой розой, приколотой к лацкану пиджака, такой же, из каких состоял букет Риты. Волосы он зачесал назад, что подчеркивало высокие скулы. Глядя на него, Ферн вспомнила Эмброуза, его волосы до плеч, как у молодого Адониса. Но у Эмброуза больше не было длинных волос — и самого его здесь не было.

Она по-прежнему вспоминала о нем чаще, чем следовало. Восемнадцать месяцев прошло с тех пор, как он уехал на военную базу, и вот уже год был в Ираке. Марли Дэвис, девушка Джесси, пришла на свадьбу и рассказала Ферн, что парням осталось служить всего полгода. Что Джесси хочет жениться на ней, как только вернется. Джесси-младшему было столько же, сколько сыну Риты. Но если Тай больше походил на мать, то Джесси был копией папы, смуглый, с жесткими черными кудряшками. Он был очаровательным, счастливым и здоровым малышом и не давал ни секунды покоя своей маме.

Когда Рита прошла к алтарю и произнесла свою трогательную клятву

Беккеру Гарту, а он ей — свою, Ферн почувствовала, что в ее сердце зародилась надежда: может, все обойдется. Может, Беккер и правда любит ее. Может, любовь исправит его. Бейли же, судя по его лицу, был не очень рад всему происходящему и не надеялся на лучшее. Он сидел рядом с Ферн в первом ряду, у края длинной деревянной скамьи. В конце концов, они с Ритой тоже были друзьями, и он не меньше, чем Ферн, переживал за нее.

С тех пор как Рита сообщила им о свадьбе, Бейли замкнулся в себе. Ферн знала о его чувствах к Рите, но думала (ей хотелось в это верить!), что они поутихли, как и ее симпатия к Эмброузу Янгу. Но ведь на самом деле чувства Ферн остались прежними, а Рита стала матерью, и это окончательно привязало ее к Беккеру. Старые чувства по закону подлости оживают вновь именно тогда, когда тебе кажется, что они навсегда покинули твое сердце.

— Пока смерть не разлучит нас, — искренне пообещала Рита.

Беккер поцеловал ее. Бейли же закрыл глаза, и Ферн взяла его за руку.

Буквально через три месяца Рита перестала появляться на людях. В те редкие моменты, когда она показывалась вместе с Беккером, она прятала глаза, а порой даже и в дождливую погоду надевала солнцезащитные очки. Ферн регулярно звонила ей и даже пару раз заходила в гости, но ее визиты, казалось, только расстраивали подругу. Однажды Ферн постучала в дверь, но Рита ей не открыла, хотя Ферн могла поклясться, что видела, как Рита пару минут назад заезжала в гараж.

Все изменилось, когда Беккер устроился на работу и время от времени уезжал из города. В такие дни Рита иногда звонила Ферн, и они даже сходили в кафе отметить ее день рождения. Они ели энчиладу, Рита широко улыбалась, и, когда Ферн спросила, все ли в порядке, она заверила: все хорошо. Даже идеально. Но подруга ей не поверила.

Ферн боялась за Риту, но ничего не рассказала Бейли, не хотела его расстраивать. Да и чем он мог помочь? Ферн время от времени видела Беккера в магазине, и, хотя он всегда был вежлив и улыбался при встрече, все равно ей не нравился. Беккер, казалось, чувствовал это. Он всегда выглядел ухоженным — с аккуратной прической, гладко выбритым лицом и в выглаженной одежде. Но это лишь упаковка.

Все эти события напоминали Ферн историю о банке жира, которой отец однажды поделился с Эллиотом Янгом. Ферн тогда было не больше четырнадцати, но она ей запомнилась.

Эллиот Янг был совсем не похож на своего сына, невысокий, около метра семидесяти пяти. Его светлые волосы с возрастом поредели так, что в конце концов он решил их сбрить. Глаза у него были светло-голубыми, нос слегка приплюснут. Эллиот всегда улыбался. Всегда, но не сегодня. Под глазами его темнели круги. Наверное, он не смог уснуть.

— Здравствуйте, мистер Янг, — сказала Ферн немного удивленно.

— Здравствуй, Ферн. Папа дома? — Эллиот не спешил входить, хотя Ферн широко распахнула перед ним дверь.

— Пап! — крикнула Ферн. — К тебе пришел мистер Янг.

— Пригласи его в дом! — отозвался Джошуа из глубины кабинета.

— Пожалуйста, входите, — сказала она.

Эллиот положил руки в карманы и прошел в кабинет вслед за Ферн.

В Пенсильвании было много церквей и конфессий. Считалось, что это один из тех штатов, где еще чтят Бога. Здесь жили и католики, и методисты, и пресвитерианцы, и баптисты. Но Джошуа Тейлор служил в своей маленькой церквушке в Ханна-Лейк с такой отдачей и заботой о горожанам, что для него не имело значения, какой ты веры, — он был пастором для всех. Даже тем, кто не сидел каждое воскресенье на скамье, внимая ему, он с радостью помогал в трудную минуту. Джошуа читал Библию, давал простые напутствия, проповедовал так, что его речи находили отклик в любом сердце. И все сорок лет службы он оставался верен своему главному принципу: любить и служить, остальное разрешится само собой. Все звали его пастором Джошуа, вне зависимости от того, какую веру исповедовали. И часто бывало так, что в поисках ответов на самые сокровенные вопросы люди приходили именно в его церковь.

— Эллиот! — Джошуа Тейлор встал из-за стола. — Как поживаешь? Давненько тебя не видел. Чем могу помочь?

Ферн закрыла за собой двери и медленно направилась в кухню. Ей отчаянно хотелось послушать, о чем пойдет разговор. Ходили слухи, будто Эллиот разводился с Лили и та покидала город. Интересно, уедет ли Эмброуз вместе с ней?

Ферн знала, что ей не следует подслушивать, но не смогла удержаться. Прошмыгнув в кладовку, она устроилась на мешке с мукой — так можно было услышать все, о чем говорили в кабинете. Строители, очевидно, пожалели материала для стены, потому что, забившись в угол, Ферн могла не только слышать, но и видеть все через щель. Мама ушла за покупками, так что не сможет ее поймать. Но даже если и поймают, Ферн притворится, что ничего не видела, и продолжит заниматься своими делами.

— ...Она никогда не была счастлива. Думаю, она устала. В последние годы... она просто пряталась от меня, — говорил Эллиот. — Я так сильно ее люблю. Я думал, этой любви будет достаточно, чтобы она полюбила меня в ответ. Думал, ее хватит на нас обоих. На нас троих.

— Она точно решила уйти? — тихо спросил Джошуа.

— Да. И она хочет забрать Эмброуза. Я ничего ей не сказал, но это самое трудное. Я люблю его. Если она заберет его, не думаю, что смогу пережить это, пастор. Не думаю, что у меня хватит сил. — Эллиот Янг плакал, и Ферн почувствовала, как у нее на глаза тоже наворачиваются слезы. — Я знаю, что он не мой. Биологически. Но он мой сын, пастор. Мой

сын!

— Эмброуз знает?

— Не все. Но ему четырнадцать, а не пять. Он знает достаточно.

— Лили знает, что ты хочешь оставить мальчика, даже если она уедет из города?

— По закону он мой ребенок. Я усыновил его. Я дал ему свою фамилию. У меня есть права, как у любого отца. Не думаю, что она будет настаивать на обратном, если сын захочет остаться, но я ничего ему не говорил. Я все еще надеюсь, что Лили передумает.

— Поговори с сыном. Расскажи ему, что происходит. Просто, без обвинений и осуждения: так и так, его мать уходит. Скажи, что любишь его, что он твой сын и будет им всегда. Он должен понять: у него есть выбор. Если захочет, может уехать с матерью или остаться с тобой. Как пожелает.

Эллиот несколько минут молчал, Джошуа Тейлор тоже, и Ферн забеспокоилась, что разговор закончился. Но потом Джошуа осторожно спросил:

— Это все, что тебя беспокоит, Эллиот? Хочешь еще чем-нибудь со мной поделиться?

— Я не могу отделаться от мысли, что, выгляди я иначе, как он, ничего этого не случилось бы. Я знаю, я не красавец, но я занимаюсь спортом, бреюсь, хорошо одеваюсь, пользуюсь одеколоном... — Эллиот говорил смущенно, и его голос с каждым словом становился все тише и тише.

— Как кто? — мягко переспросил Джошуа.

— Как отец Эмброуза. Мужчина, которого Лили не может забыть. Он не был добр к ней, пастор. Он вел себя эгоистично и грубо. Он оттолкнул ее, когда узнал о беременности, — сказал, что не хочет иметь с ней ничего общего. Но он красив. Я видел фотографии. Броузи — его копия. — Голос Эллиота надломился, когда он произнес имя сына.

— Я часто размышляю о том, что красота смертельна для любви, — задумчиво произнес отец Ферн.

— Почему?

— Потому что порой мы влюбляемся в лицо, а не в душу. Моя мама, когда готовила, сливала жир от мяса в жестяную банку из-под печенья с пралине и ореховым кремом (помнишь такое?) и убирала в шкаф. Не один раз я доставал эту банку в надежде отыскать сладости, а вместо этого, сняв крышку, натыкался на вонючий жир.

Эллиот рассмеялся, уловив смысл, который хотел донести до него

Джошуа.

— Коробка на тот момент уже ничего не значила, верно?

— Именно. Мне хотелось печенья, и та коробка обещала мне больше, чем могла дать. Порой с людьми, у которых красивые лица, происходит так же. Многие из нас не удосуживаются заглянуть в душу. Забавно, но пару недель назад я говорил о чем-то подобном в проповеди. Ты слышал ее?

— Простите, пастор. Вы знаете, я работаю по ночам в пекарне. В воскресенье утром я просто без сил, — виновато признался Эллиот.

Как ему стыдно за то, что он редко ходил в церковь, чувствовала даже Ферн.

— Ничего, Эллиот, — рассмеялся Джошуа. — Я тебя не проверял. Лишь хотел уточнить, не слышал ли ты уже все это и не умираешь ли сейчас от скуки. — Ферн услышала, как отец листает страницы, и улыбнулась. Он всегда обращался к Священному Писанию, когда люди просили у него совета.

— В Книге Пророка Исайи, в стихе 53:2 сказано: «Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему».

— Я помню этот стих, — тихо сказал Эллиот. — Я всегда гадал, почему Господь не даровал Иисусу красивое лицо под стать душе?

— По тем же причинам, по которым он родился среди угнетенных и был беден. Обладай он красотой или богатством, люди последовали бы за ним, не понимая истинный смысл его учения.

— Да, это верно, — согласился Эллиот.

Ферн поймала себя на том, что кивает в знак согласия. Она не знала, почему не помнит той проповеди. Возможно, отец говорил об этом, когда она украдкой читала очередной роман вместо молитвослова. Ей стало стыдно. Отец так мудр, ей следует чаще прислушиваться к нему.

— С твоим лицом все в полном порядке, Эллиот, — мягко сказал Джошуа. — Ты хороший человек с прекрасным сердцем. А Господь смотрит на сердца, не так ли?

— Да. — Эллиот снова едва не плакал. — Так и есть. Спасибо, пастор.

Когда он ушел, Ферн глубоко задумалась. А потом ушла к себе наверх и села писать любовную историю о слепой девушке, искавшей родственную душу, и уродливом принце с золотым сердцем.

— Как бы я хотел увидеть женщину без платка на голове. Хоть одну! И вот бы она была блондинкой или — еще лучше — рыжей! — простонал Бинс.

В тот день они сторожили контрольно-пропускной пункт, через который за пару-тройку часов прошло лишь несколько женщин, одетых в бурки,^[24] с детьми. Возможно, Бинсу не хватало блондинок, потому что у него были латиноамериканские корни, однако родился и вырос он в Америке, где проживало смешанное население. Впрочем, сейчас разнообразие не помешало бы никому из парней.

— А я бы хотел вообще больше не видеть женщин в бурках. — Грант вытер нос и прищурился на солнце, мечтая о теньке.

— Я слышал, что мужчины в некоторых странах вроде Афганистана не видят своих жен до самой свадьбы. Можете себе представить? Сюрприз, дорогой! — Джесси похлопал ресницами, состроив при этом страшную гримасу. — Что не так? Разве я не красива? — спросил он писклявым голосом и еще сильнее скривился.

— А как они вообще узнают, на ком женятся? — смущенно спросил Поли.

— По почерку, — серьезно ответил Бинс, но его ноздри слегка раздулись, и Эмброуз закатил глаза, зная, что друг выдумывает очередную небылицу.

— Серьезно? — ахнул Поли, проглотив наживку. Он был легковверным, но никто не осуждал его за непосредственность.

— Да. Они переписываются в течение года или даже дольше. Потом на церемонии будущая жена пишет свое имя и обещает всегда носить бурку в присутствии других мужчин. Он узнает ее почерк и понимает, что под фатой действительно она.

Грант нахмурился:

— Никогда об этом не слышал. По почерку?

Джесси подхватил разговор, изо всех сил стараясь не рассмеяться:

— Да. Только представьте, если бы Эмброуз и Ферн жили в Ираке, он никогда бы не узнал, что вместо Риты ему пишет она. Ферн смогла бы и женить его на себе. Эмброуз увидел бы ее почерк на свадьбе и сказал бы: «Да, конечно, это моя Рита!»

Друзья покатались со смеху, и даже Поли, который наконец все понял: Бинс выдумал историю, чтобы снова пошутить про Эмброуза и Ферн. Эмброуз вздохнул и поджал губы. Что ж, это правда было забавно. Бинс смеялся так сильно, что закашлялся. Они с Джесси разыграли момент, когда невеста снимает бурку и под ней оказывается не пышногрудая

блондинка Рита, а Ферн.

Интересно, что бы подумали парни, если бы узнали, что Эмброуз целовал Ферн. По-настоящему. Осознавая, кого целует. Без уверток. Без бурки. Так ли плохи эти бурки? Возможно, мужчины чаще делали бы правильный выбор, не уделяя они столько внимания внешности девушек. А может, бурки стоило носить и парням? Девчонки вешались ему на шею именно из-за его привлекательности.

Понравился бы Эмброуз Ферн, будь он другим? Рите точно бы нет. Не потому, что она оценивала людей поверхностно, просто они с Янгом не имели ничего общего, кроме взаимного сексуального влечения. Будущее могло быть только с Ферн. По крайней мере ее письма заставили его почувствовать это.

Через два месяца они полетят домой. Эмброуз решил, что, вернувшись, попытается снова с ней поговорить. Даже если его друзья не дадут ему прохода и всю жизнь будут издеваться. Он вздохнул, в сотый раз проверил оружие и мысленно пожелал, чтобы день поскорее закончился.

Это был обычный патруль: небольшой конвой из пяти машин проверял южные улицы города. Эмброуз, сидел за рулем замыкающего внедорожника, Поли — на пассажирском сиденье рядом с ним. Грант вел машину перед ними, Джесси стоял за пушкой, Бинс — возле турели.^[25] Самый обычный патруль. Час на выезде — и снова на базу. Вверх и вниз по разрушенным, рассыпающимся улицам Багдада. Пол напевал песенку про Страну Оз:

В Ираке нету жевунов, зато полно песка,
А у меня нет девушки, зато при мне рука...

Вдруг они заметили бегущих вдоль дороги детей — мальчиков и девочек разного возраста, босых, с тощими загорелыми руками и ногами, в выгоревшей на солнце одежде. Шестеро из них кричали, визжали и водили пальцами по горлу.

— Что они делают? — недоуменно проворчал Эмброуз. — Это то, о чем я думаю? Они так сильно нас ненавидят, что хотели бы перерезать нам глотки? Они же дети!

— Вряд ли. — Поли повернул голову, оглядываясь на оставшихся позади ребятишек. — Кажется, они нас предупреждают. — Он больше не пел. Его лицо стало неподвижным и сосредоточенным.

Эмброуз посмотрел в зеркало заднего вида. Дети остановились посреди дороги и не шевелились. По мере того как конвой удалялся, они все уменьшались и уменьшались, но оставались на улице, глядя им вслед. Эмброуз сосредоточился на дороге. Она была пустой. На следующем перекрестке они свернут на другую улицу, объедут квартал и вернутся на базу.

— Броузи... ты это чувствуешь?

Поли вытянул шею, прислушиваясь к каким-то отдаленным звукам, которые Эмброуз не слышал. Ситуация напомнила ему другую — когда Поли во время их тайной вылазки к месту крушения рейса 93 так же вел себя и задал точно такой же вопрос. Той ночью у мемориала было очень

тихо, будто весь мир склонил головы в минуте молчания. Сейчас в воздухе тоже повисла тишина. По спине Эмброуза пробежал холодок.

А в следующий миг земля разверзлась, и грубая, узловатая рука Ада швырнула огнем и кусками металла под колеса внедорожника, в котором ехали Грант, Джесси и Бинс. Три молодых парня. Три друга. Три солдата из Ханна-Лейк, штат Пенсильвания. Это было последнее воспоминание Эмброуза, перед тем как его жизнь разделилась на «до» и «после». Последний осколок былой жизни.

* * *

Когда ранним утром в понедельник раздался телефонный звонок, сонные Тейлоры удивленно переглянулись. Ферн писала всю ночь, и ей не терпелось вернуться в кровать после того, как она съела на завтрак свои хлопья. Джошуа и Рейчел на несколько дней уезжали в Лох-Хейвенский колледж на симпозиум и хотели выдвинуться пораньше. Ферн не могла дожждаться, когда весь дом окажется в ее полном распоряжении.

— Сейчас только половина седьмого! Кто бы это мог быть? — удивилась Рейчел.

Семейство пастора привыкло к звонкам в неурочное время, но, как правило, они случались с полуночи до трех часов утра. В половине седьмого люди обычно не думали о проблемах, с которыми им мог помочь священник. Ферн вскочила со стула и взяла трубку. Кто-то очень серьезным голосом попросил к телефону папу, и Ферн, пожав плечами, передала ему трубку.

— Это Джошуа Тейлор. Чем могу вам помочь? — сказал отец, вставая так, чтобы не растягивать слишком сильно телефонный провод. Тейлоры не видели смысла тратить на всякие современные вещицы типа беспроводного телефона.

Он слушал собеседника всего десять секунд, прежде чем снова сел.

— О... о Боже милостивый, — простонал он и закрыл глаза, словно ребенок, пытающийся спрятаться.

Рейчел и Ферн обеспокоенно переглядывались, забыв про завтрак.

— Все они? Как?

Снова молчание.

— Ясно. Да. Да. Я буду готов.

Джошуа Тейлор снова поднялся и подошел к настенному шкафу, чтобы повесить трубку. Он так резко это сделал, что сердце Ферн затрепетало.

Когда Джошуа повернулся к столу, лицо его было серым.

— Звонил человек по имени Питер Гэри. Он армейский капеллан, в его обязанности входит поддержка семей пострадавших солдат. Вчера Коннор, Пол, Грант и Джесси были убиты в Ираке. Придорожная бомба.

— О нет! О, Джошуа, — пронзительно вскрикнула Рейчел и прикрыла рот рукой, словно хотела вернуть слова обратно, но они уже разлетелись по всей кухне.

— Они мертвы? — не веря своим ушам, воскликнула Ферн.

— Да, Ферн. Их больше нет. — Джошуа взглянул на свою дочь, единственную дочь, и дрожащей рукой потянулся к ней, чтобы утешить. Он хотел упасть на колени и помолиться за родителей, потерявших своих сыновей. — Он позвонил мне, потому что я местный священник. Они хотят, чтобы я вместе с солдатами из их отряда обошел семьи и сообщил эту ужасную новость. Машина приедет через полчаса. Мне нужно переодеться. — В его голосе сквозила беспомощность. Он окинул взглядом свои джинсы и любимую майку с надписью «А как бы поступал Иисус?».

— Но они должны были вернуться через месяц! Я только вчера видела Джейми Кимбэлл в магазине. Она дни считала! — не унималась Ферн, как будто этот факт мог отменить случившееся. — И Марли! Она же всю планировала свадьбу. Они с Джесси собирались пожениться!

— Их больше нет, Ферни.

По щекам Ферн катились слезы, ее будто опустошили. В глазах пастора Тейлора стояла скорбь, Рейчел тихонько всхлипывала, а Ферн сидела, остолбенев, не в силах поверить в эту новость. Вдруг она взглянула на отца, в ужасе предугадывая ответ на новый вопрос, взбудораживший ее.

— Папа? А как же Эмброуз?

— Я не спросил, Ферн. Не догадался. Они не упомянули его. Должно быть, он в порядке.

Ферн от облегчения вздрогнула и тут же почувствовала отвращение к себе за то, что его жизнь значила для нее больше, чем жизни погибших ребят. Но Эмброуз был жив. Эмброуз был в порядке.

* * *

Через полчаса черный «Форд Таурус» подъехал к дому Тейлоров. Трое офицеров в полном обмундировании вышли из автомобиля на подъездную дорожку. Джошуа Тейлор к тому времени принял душ, облачился в костюм и галстук. Когда он отворил дверь, Рейчел и Ферн затаились в кухне,

вслушиваясь в разговор в соседней комнате и не веря своим ушам. Один из мужчин — по предположению Ферн, капеллан, говоривший с отцом по телефону, — рассказал пастору, что произошло. Он спрашивал совета, какие семьи оповестить первыми, чьих родных, возможно, придется искать за пределами города, кому потребуется наибольшая поддержка. Еще через пятнадцать минут все четверо, включая пастора Тейлора, выехали.

Джейми Кимбэлл стала первой, кто получил весть о гибели сына, Пола. Потом новость о том, что сын, которому был двадцать один год, старший брат, отличный ученик и верный помощник вернется домой в гробу, пришла в семью Гранта Нильсона. Разведенные родители Джесси Джордана узнали о трагедии следом за ними, а затем им пришлось провожать офицеров к дому, где жил их маленький внук, чтобы сообщить Марли Дэвис, что осенью она не выйдет замуж. Луиза О’Тул выбежала из дома с криками, когда унтер-офицер, свободно говоривший по-испански, выразил ей свои глубочайшие соболезнования. Симус О’Тул заплакал и упал в объятия пастора Тейлора.

Новость разлетелась по городку мгновенно — бегающие по утрам и выгуливающие собак соседи видели проезжавшую мимо черную машину с военными, и слова летели от одного человека к другому быстрее, чем весть находила своих адресатов. Эллиот Янг был в пекарне, когда ранний покупатель рассказал ему, что Пол Кимбэлл и Грант Нильсон погибли, а черный армейский автомобиль до сих пор стоит во дворе О’Тулов. Он полчаса не выходил из кладовой, молясь за жизнь своего сына. Не хотел, чтобы военные нашли его. Не хотел услышать, что Эмброуза больше нет в живых.

Но его нашли. Мистер Морган, владелец продуктового магазина, открыл кладовую и сообщил, что офицеры хотят его видеть. Эллиот Янг, похолодев и задрожав от страха, слушал их. Узнав, что его сын жив, он упал без сил в руки Джошуа Тейлора. Жив, но смертельно ранен. Его переправили на авиабазу Рамштайн^[26] в Германии. Он будет оставаться там до тех пор, пока его состояние не стабилизируется, чтобы выдержать перелет в Америку. Если он протянет...

* * *

Роль пастора и его семьи заключается, прежде всего, в том, чтобы любить прихожан и служить им. Такова была философия пастора Джошуа. Сейчас он начал действовать. Рейчел и Ферн старались как могли помогать

ему. Город был шокирован, город скорбел, опустошенный общей потерей. Это было чрезвычайное положение, выхода из которого в ближайшем времени не предвиделось. Никакая помощь от государства не могла помочь людям оправиться от смерти близких. Смерть необратима. Но многое еще предстояло сделать.

Тела четырех ребят доставили их семьям. Похоронные службы в церкви шли четыре дня — четыре дня непостижимого горя. Соседние округа собрали несколько тысяч долларов для мемориала. Парней похоронили не на городском кладбище, а на небольшом холме недалеко от школы. Луиза О’Тул сначала протестовала, заявив, что хочет похоронить сына в каком-то крошечном городке возле мексиканской границы, рядом с ее родителями. Но впервые в жизни ее муж, Симус О’Тул, пошел против воли жены и настоял, чтобы их сын покоем в стране, за которую отдал жизнь, в городе, который оплакивал его уход, рядом с друзьями, с которыми он служил бок о бок.

Эмброуза переправили в медицинский центр Уолтера Рида.^[27] Эллиот Янг оставил пекарню, чтобы быть с сыном, и жители городка работали в ней вместо него, чтобы он не потерял доход. Имя Эмброуза вновь появилось на плакатах, наводнивших центр города. Только теперь на них было написано: «Молитесь за Эмброуза». И город молился, когда ему делали операцию за операцией, пытаясь восстановить лицо. Ходили слухи, что он никогда не будет выглядеть как прежде. Кто-то утверждал, что он ослеп, кто-то — что больше не сможет говорить. Он никогда уже не выйдет на мат. Какая утрата, какая трагедия.

В конце концов призывы к молитвам были сняты, флаги с окон убраны, и жизнь в Ханна-Лейк пошла своим чередом. Жители были подавлены, их сердца разбиты. Луиза О’Тул отказалась ходить в пекарню, заявив, что в гибели ее сына виноват Эмброуз. Что он виноват в гибели всех ребят. Она плевала на землю каждый раз, когда кто-нибудь произносил его имя. Люди цокали языком и качали головой, но некоторые втайне были согласны с ней. Они не могли понять, почему он просто не остался дома. Почему все они не остались?

Эллиот Янг в конце концов вернулся к работе, после того как подписал вторую закладную на дом и продал все, что имело хоть какую-нибудь ценность. Но, в отличие от других, его сын был жив, и он не жаловался на финансовые трудности. Они с матерью Эмброуза по очереди дежурили у его постели, и вот, спустя шесть месяцев после того, как его вывезли из Ирака, Эмброуз вернулся домой в Ханна-Лейк.

В течение следующих недель толпы любопытных наводнили город.

Многие хотели устроить парад или какую-нибудь церемонию, чтобы отпраздновать возвращение Эмброуза, но Эллиот извинялся и отказывался. Сын ничего не хотел праздновать. Люди, пусть и неохотно, приняли его решение.

Никто пока его не видел. Снова поползли слухи о тяжелых ранениях, и многие задумывались о том, какая жизнь его ждет, если он и впрямь так сильно изувечен? Кто-то говорил, что ему лучше было бы погибнуть вместе с друзьями. Мистер Шин и Бейли несколько раз пытались увидеться с ним, но им отказывали.

Сердце Ферн болело за парня, которого она всегда любила. Обладать красотой и в какой-то момент лишиться ее — наверное, это ужасно. Должно быть, ужаснее, чем вовсе никогда не быть красивым. Энджи частенько говорила, что болезнь Бейли в каком-то смысле милосердна: она развилась в раннем детстве, постепенно лишив ребенка независимости. Он не успел привыкнуть. Куда сложнее приходится тем, кого парализовало после аварии, кто оказался прикован к инвалидной коляске в сознательном возрасте. Эти люди, познавшие свободу движения, понимают, что утратили.

Эмброуз знал, каково это — быть идеальным, Гераклом. Как больно падать с такой высоты! Жизнь дала Эмброузу новое лицо, и Ферн не знала, сможет ли он когда-нибудь его принять.

Ночная поездка на велосипеде стала для Ферн такой же привычной, как поиск пути по темному коридору дома. Она проделывала это уже сотню раз около полуночи, отыскивая верную дорогу домой, не обращая внимания на здания и улицы вокруг, чаще всего погруженная в свои мысли. Она работала ночным администратором в продуктовом магазине «Джоллис», а начинала там в десятом классе с упаковщицы и уборщицы, потом стала кассиром, и вот в прошлом году мистер Морган повысил ее в должности, немного поднял зарплату и вручил ключи, чтобы она могла закрывать магазин пять ночей в неделю.

Наверное, она ехала слишком быстро. Поняла это Ферн, когда, завернув за угол, увидела гризли, который выбежал на задних лапах на дорогу. Ее велосипед наткнулся на бордюр и, проехав по траве, врезался в пожарный гидрант, а ее саму отбросило через низенькую ограду на ухоженный газон Уэлласов. С минуту она просто лежала, пытаясь восстановить дыхание. Потом вспомнила о медведе. Морща лоб, поднялась на ноги и повернулась к опрокинутому велосипеду.

— Ты в порядке? — послышался голос за спиной. Медведь?

Ферн подпрыгнула и, резко обернувшись, всего в паре метров увидела Эмброуза, который придерживал ее слегка помятый велосипед. Сердце ухнуло вниз, словно двухтонный якорь, приковав ее к месту. Одетый в плотный черный свитшот с капюшоном, низко надвинутым на лоб, он немного отворачивался, когда говорил. Свет фонаря падал только на одну сторону его лица. Но никаких сомнений не было — это Эмброуз Янг, и он не выглядел тяжело раненным. Все такой же внушительный, широкоплечий и мускулистый. По крайней мере, Ферн так показалось. Затем она обратила внимание на черные спортивные штаны и черные беговые кроссовки. Очевидно, Эмброуз вышел на пробежку, и она спутала его с медведем, ковыляющим ей навстречу.

— Думаю, да, — ответила она, переводя дух и не веря своим глазам. Перед ней стоял Эмброуз, целый, сильный, живой.

— Точно? Я нехило в тебя врезался. Не смотрел, куда бегу. Прости.

Его взгляд скользнул по ее лицу, но он все еще сторонился Ферн, словно ему не терпелось сорваться с места.

— Мы ведь учились вместе? — тихо спросил он, перенося вес с одной ноги на другую, как это обычно делают спортсмены, готовясь к выступлению.

Он был взволнован и напряжен. Ферн почувствовала укол в сердце — боль, появляющуюся, когда парень, в которого ты так долго была влюблена, едва тебя узнает.

— Эмброуз, это я, Ферн, — замявшись, сказала она. — Двоюродная сестра Бейли, племянница тренера Шина... подруга Риты.

Эмброуз снова посмотрел на нее и замер. Он таращился на нее краем глаза, оставляя вторую половину лица в тени, и Ферн подумала, что, должно быть, из-за травмы ему больно поворачивать голову до конца.

— Ферн? — чуть помедлив, переспросил он.

— Э-э... да. — Теперь настал черед Ферн отворачиваться. Она не знала, помнит ли он записки и тот поцелуй у озера.

— Ты изменилась, — вдруг сказал Эмброуз.

— М-м, спасибо. Такое облегчение это слышать, — честно призналась она.

Эмброуз казался удивленным, уголок его рта приподнялся.

— Рама немного погнулась. Проверь, сможешь ли доехать на нем до дома.

Эмброуз подтолкнул велосипед в ее сторону, и Ферн ухватила за руль. На мгновение фонарь осветил его лицо. Ферн почувствовала, что ее глаза невольно расширились, а слова застряли в горле. Эмброуз, должно быть, уловил ее резкий вдох, его глаза встретились с ее на долю секунды, прежде чем он отстранился. Потом он развернулся и легко побежал вдоль дороги. Черная фигура растворилась в темноте.

Ферн застыла на месте. Она была не единственной, кто выглядел иначе.

Август, 2004

— Почему они не подпускают меня к зеркалу, пап?

— Потому что сейчас все выглядит хуже, чем есть на самом деле.

— Ты видел, что творится... под бинтами?

— Да, — прошептал Эллиот.

— А мама?

— Нет.

— Ей не нравится смотреть на меня, даже когда все повязки на месте.

— Это причиняет ей боль.

— Нет. Она меня боится.

Эллиот посмотрел на забинтованное лицо сына. Эмброуз видел себя в повязках и пытался представить, что под ними. Даже правый глаз закрыли марлей. Левый глаз выглядел странно на фоне этого белого холста. Эмброуз походил на игрушечную разборную мумию, какие продавались в канун Хеллоуина. Говорил он, как и мумия, с трудом. Губы были замотаны, и он бормотал слова сквозь сжатые зубы, но Эллиот понимал его, если внимательно вслушивался.

— Она тебя не боится, Эмброуз. — Эллиот попытался улыбнуться.

— Боится. Больше всего на свете она боится уродства.

Эмброуз закрыл здоровый глаз, чтобы не видеть изможденное лицо папы и всю эту комнату. В те моменты, когда боль не мучила его, сознание было затуманенным от обезболивающих. Забытие приносило облегчение, но и пугало. Ему мерещился монстр с горящими красными глазами и длинными лапами, которые хотели затянуть его в разинутую черную пасть. Эта бездна поглотила друзей. Он помнил их крики и запах паленой кожи, но, возможно, это всего лишь воображение пыталось заполнить пробелы в памяти. Все изменилось, и жизнь стала такой же неузнаваемой, как и его лицо.

— Что тебя больше всего пугает, сынок? — тихо спросил отец.

Эмброуз чуть не засмеялся. Он больше не знал страха.

— Ни черта, пап. Я боялся ада. Но вот я в нем, и вроде тут не так уж плохо. — Его язык начинал заплетаться, реальность ускользала, но он хотел задать еще один вопрос.

— Мой правый глаз... ему конец... верно? Я больше никогда ничего им не увижу.

— Да, сынок. Врачи говорят, что не увидишь.

— Ха. Ну, наверное, это к лучшему. — Эмброуз знал, что сказал чушь, но не мог объяснить, почему так думал. Раз уж его друзья лишились жизни, справедливо, что и он что-то потерял.

— И уха у меня больше нет.

— Да. — Голос Эллиота звучал словно издалека.

Эмброуз немного поспал, а когда проснулся, отца в комнате уже не было. Иногда он уходил ненадолго — поесть и немного вздремнуть. Было поздно. За маленьким окошком палаты стояла ночная тьма. Больница спала, хотя на этаже Эмброуза никогда не бывало по-настоящему тихо. Он приподнялся и, прежде чем успел передумать, начал разматывать пропахшие лекарствами бинты с лица. Круг за кругом, один за другим.

Сняв последний слой, он встал с кровати, держась за капельницу. Он уже пробовал вставать пару раз и мог ходить. На теле каким-то чудом не было серьезных травм. Только в правые плечо и бедро попала шрапнель. Все кости остались целы.

В комнате не было зеркала, в ванной тоже. Но окно, скрытое лишь легкими занавесками, вполне годилось. Эмброуз протянул левую руку и отодвинул занавеску, правой цепляясь за капельницу. Он уставился на свое отражение, которое увидел впервые за все это время. Поначалу Эмброуз не мог ничего толком разглядеть из-за света фонарей. В комнате было слишком темно.

В этот момент в палату вернулся Эллиот и увидел силуэт сына, который так сильно вцепился в занавеску, что едва не сорвал ее.

— Эмброуз? — испуганно окликнул он и включил свет. И тут же замер, осознав, что натворил.

На Эмброуза глядели три лица. Первое — отцовское, исполненное отчаяния, прямо за своим правым плечом. Потом — свое, изможденное и опухшее, но все-таки узнаваемое. Но... это лишь половина... Другая же — как у Франкенштейна: швы, обвисшая кожа. С этим отражением Эмброуз не был знаком.

Когда Ферн рассказала Бейли, что видела Эмброуза, удивлению его не было предела.

— Он бегал? Это же здорово! Он вроде не хотел никого видеть. Это явный прогресс. Как он выглядит?

— Поначалу я не заметила никаких перемен, — призналась Ферн.

Бейли немного помрачнел:

— Но?..

— Часть его лица очень пострадала, — мягко сказала она. — Я видела его всего секунду. А потом он убежал.

Бейли кивнул.

— Но он бежит, — повторил он. — Это очень хорошая новость.

Хорошая это новость или нет, но после первой встречи Ферн не видела Эмброуза еще два месяца. Каждый день, крутя педали после работы, она вглядывалась в темные улицы, тщетно надеясь снова его встретить. Каково же было ее удивление, когда однажды ночью, задержавшись в своем магазинчике «Джоллис», она увидела его за дверьми пекарни. Должно быть, он тоже ее заметил, потому что тут же ускользнул.

Дедушка Эллиота почти восемьдесят лет назад стал партнером Джона Джолли, владельца первого в городке продуктового магазина, и открыл на

его территории эту пекарню. Ферн всегда нравилось, как Эмброуз, большой и сильный, неуклюже выглядел на кухне. В старших классах он помогал отцу на летних каникулах и по выходным, если не занимался борьбой. Однако теперь он мог быть полезен в ночные смены, когда в пекарне работа в самом разгаре, при этом не попадаться никому на глаза. Эти рабочие часы — с десяти вечера, когда магазин закрывался, и до шести утра, за час до открытия, — очевидно, вполне ему подходили. Ферн часто задавалась вопросом, как давно Эмброуз начал появляться в пекарне и сколько раз они с ним разминулись или сколько раз она просто его не замечала.

Следующей ночью что-то произошло с кассами, и Ферн долго не могла свести отчеты. Около полуночи, когда она наконец закончила, из пекарни донесся великолепный аромат. Выключив компьютер, Ферн крадучись подобралась к створчатым дверям пекарни и устроилась так, чтобы видеть происходящее внутри. Эмброуз стоял к ней спиной в простой белой майке и джинсах, в белом фартуке с ярко-красным принтом пекарни Янга. Эллиот всегда носил такой же, но на Эмброузе он смотрелся иначе.

В глубине души Ферн надеялась, что у него вновь длинные волосы, до плеч. Но у Эмброуза вообще не осталось волос. На его голове была туго повязана красная бандана, будто он только что слез с «Харлея» и решил вдруг испечь добрую партию брауни. Ферн усмехнулась, представив его в образе байкера, пекущего пирожные, и тотчас вздрогнула, осознав, что смешок вышел слишком громким. Эмброуз обернулся, и она увидела правую сторону его лица, которая до этого лишь мелькнула перед ней в темноте. Ферн спряталась за угол, боясь, что он мог ее услышать и превратно расценить ее хихиканье, но уже через минуту, вновь поддавшись любопытству, она заняла прежнюю позицию.

Радио в пекарне играло достаточно громко, чтобы заглушить монотонную музыку «Джоллис». Губы Эмброуза чуть шевелились, он подпевал песне, и на мгновение Ферн заворожило это зрелище. Кожа на правой стороне его лица была похожа на маленькие песчаные волны, которые оставляет ветер на песке в пустыне. Там, где не было этих морщинок, виднелись ямочки, похожие на шрамы после оспы. На шее и лице будто какой-то проказник нарисовал мелкие черные пятнышки, пока он спал. Она заметила, что Эмброуз иногда тер эти пятна, словно они зудели. Длинный грубый шрам тянулся от уголка его губ к виску, исчезая под банданой. Его пересекал возле рта другой, ползущий от века. Правый глаз остекленел и не двигался.

Эмброуз по-прежнему был высоким и крепким парнем, его широкие плечи и мощные руки все еще играли мускулами. Вместе с тем он казался

худее, чем обычно во время сезона. Тогда у парней-борцов впадали щеки и вваливались глаза.

В ночь их первой встречи он бегал. Может быть, для того, чтобы вернуть форму, но... зачем? Ферн не любила спорт, ей казалось странным бегать ради удовольствия, хотя она знала, что люди так делают. Ее спортивные упражнения ограничивались танцами под песни, звучащие по радио. И это давало результаты — Ферн не была полной.

Ей вдруг захотелось преодолеть свою неуверенность и подойти к Эмброузу, заговорить с ним, но она не знала как. Не знала, захочет ли Эмброуз ее видеть, поэтому, задержавшись в своем укрытии еще на несколько минут, она отправилась домой.

ПОДРУЖИТЬСЯ С МОНСТРОМ

Прямо у выхода из пекарни, в коридоре, ведущем к кабинету мистера Моргана и комнате отдыха для персонала, уже целую вечность стояла небольшая белая доска. Ферн никогда не видела, чтобы на ней писали. Может, Эллиот думал, что на ней будет удобно составлять расписание или оставлять напоминания, но руки до этого у него так и не дошли. Ферн решила: доска идеально подходит для ее замысла. Конечно, она не сможет писать на ней ничего личного, но, в конце концов, прямота не в ее стиле. Писать нужно около восьми, после того, как пекарня уже закроется, но до того, как придет Эмброуз. Он единственный, кто увидит послание. И сотрет его, если не захочет, чтобы кто-то еще это увидел.

Важно заставить его улыбнуться. Важно, чтобы он понял: послание адресовано ему. Но нельзя привлекать внимание окружающих и выставять себя идиоткой. Ферн два дня не могла подобрать подходящих слов. В голову приходило все что угодно, начиная с «Привет! Здорово, что ты вернулся!» до «Мне плевать, что твое лицо больше не идеально, я все еще хочу от тебя детей». Но все это не годилось. А потом ее осенило, и она большими черными буквами на белой доске написала. **«ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ ИЛИ ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ?»**, а сбоку нарисовала красный шарик — его любимый цвет. Он сразу поймет, что это Ферн, ведь когда-то давно они обменивались миллионом таких вопросов. Вообще-то именно Эмброуз впервые спросил ее: воздушные шары или змеи? Тогда она выбрала змея, потому что, будь она им, могла бы летать, и кто-нибудь при этом всегда бы держал ее. Эмброуз выбрал шарики: «Мне хотелось бы улететь туда, куда меня унесет ветер. Я не хочу, чтобы кто-то меня удерживал». Интересно, ответит ли он так же сейчас?

С тех пор как Эмброуз обнаружил, что это она писала послания вместо Риты, и их общение сошло на нет, Ферн очень скучала по его ответам, зачастую односложным и немного смешным. Она ближе узнала Эмброуза и раскрыла ему себя. Именно себя, а не Риту.

Ферн два дня следила за доской, но надпись осталась нетронутой, незамеченной, без ответа. Поэтому она стерла ее и попробовала снова: **«ШЕКСПИР ИЛИ ЭМИНЕМ?»** Он должен вспомнить. В школе она была почти уверена в том, что он разделит ее тайное восхищение рэпером. К ее

удивлению, Эмброуз ответил: «Шекспир». Он приложил к ответу несколько любимых сонетов и заметил, что Шекспир мог бы стать отличным рэпером. Так она поняла, что Эмброуз не только был красавцем, но еще и увлекался поэзией. Ни один из героев романов, которые так любила Ферн, не мог с ним сравниться.

На следующий день доска вновь осталась нетронутой. Вторая попытка провалилась. Пришлось сделать намеки более прозрачными. Она стерла старую запись и вывела: **«ПРЯТАТЬСЯ ИЛИ ИСКАТЬ?»** Когда-то давно он задал ей этот вопрос. Она ответила: «Искать». Не этим ли она занималась? Искала путь к нему, открывала его для себя.

Ферн думала, не написать ли другой вопрос, ведь очевидно, что он выберет «прятаться». Но, возможно, именно этот вопрос спровоцирует ответ. Вернувшись на работу на следующий день около трех, она бросила взгляд на доску, не надеясь увидеть там ничего нового, и застыла. Эмброуз заменил ее вопрос своим:

ГЛУХОТА ИЛИ СЛЕПОТА?

Этот вопрос однажды задала ему она. Тогда он выбрал глухоту, и она согласилась, прикрепив, однако, список своих любимых песен и отметив, что ей придется лишиться всего этого ради зрения. Этот ее список положил начало вопросам из разряда «кантри или классика», «рок или поп», «саундтреки или пуля в лоб». Эмброуз заявил, что лучше застрелится, и после пошли вопросы о смерти. Сейчас бы Ферн не стала задавать их.

Она, как и раньше, обвела «глухоту», а через день обнаружила, что Эмброуз обвел оба варианта. Глухоту и слепоту. Если раньше она сомневалась насчет его правого глаза, то теперь знала наверняка. Значит, он был глух на правое ухо и не видел правым глазом? Левое ухо точно слышало, потому что в ночь, когда она врезалась в Эмброуза на велосипеде, они говорили. Под обведенными словами он написал следующий вопрос:

ПРАВО ИЛИ ЛЕВО?

Таких вопросов они прежде не задавали друг другу, и Ферн заподозрила, что это связано с лицом Эмброуза. Левая сторона или правая? Она обвела оба слова. На следующий день все было стерто.

* * *

Прошло два дня, и Ферн решила сменить тактику. Она аккуратно написала:

...Любовь не есть любовь,
Когда она при каждом колебанье
То исчезает, то приходит вновь.
О нет! Она незыблемый маяк,
Навстречу бурь глядящий горделиво... [\[28\]](#)

Шекспир. Эмброуз поймет, почему она это написала. Это был один из его любимых сонетов. Пусть понимает как хочет. Может, он закатит глаза, решив, что она теперь будет ходить за ним с высунутым языком, а может, поймет все правильно: родные люди все еще рядом и заботятся о нем, их любовь и привязанность не исчезнут только лишь из-за его изменившегося лица. Возможно, ему станет легче, если он узнает: все по-прежнему.

Той ночью Ферн ушла с работы, не обратив внимания на доску, но на следующий день она была пуста. Ей стало стыдно, но она тут же подавила это чувство. Дело не в ней. Теперь по крайней мере Эмброуз знал, что кому-то не все равно. И она попыталась снова, выписав еще несколько строк из сонета 116. На сей раз любимые: леди Джезабель отправила его в письме капитану Джеку Кэвендишу в одной из ее первых историй, «Леди и Пират». На этот раз она взяла красный маркер и аккуратно вывела:

У времени нет власти над любовью;
Хотя оно мертвит красу лица,
Не в силах привести любовь к безмолвью.
Любви живой нет смертного конца... [\[29\]](#)

* * *

Не любит тот, кто слов любви страшится — на следующий день на доске красовались строки из «Гамлета». [\[30\]](#)

Ферн целый день раздумывала над ними. Очевидно, Эмброуз не ощутил особого дружелюбия со стороны горожан. Но почему, ведь люди хотели его увидеть, устроить праздник в его честь, когда он вернулся. А мистера Шина и Бейли не впустили, когда они пришли навестить его. Но, может, жители боялись? Или им все еще было больно? Привычная жизнь в городе была нарушена. Эмброуз не видел, какое опустошение принесла страшная новость в Ханна-Лейк. Будто торнадо прошелся по улицам,

заставив семьи и друзей ребят запереться в домах. Может быть, в трудный час рядом с ним никого не было, потому что другие пытались справиться с собственным горем?

Ферн потратила свой получасовой вечерний перерыв на то, чтобы сочинить ответ. Относилась ли эта цитата и к ней тоже? Вообще-то это он от нее прятался. Но сама вероятность того, что он в своем выпаде имел в виду и ее, подстегнула Ферн ответить предельно прямо. Он мог сомневаться в других знакомых, но не мог обвинять ее в равнодушии. Вышло немного пафосно, зато Шекспир.

Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей^[31]

И его ответ?

По-вашему, на мне легче играть, чем на дудке?^[32]

«А вот такого Шекспир точно не говорил», — обиженно подумала про себя Ферн, глядя на дерзкую реплику. Но, вбив цитату в поисковик, она обнаружила, что не права. Снова строка из «Гамлета». Удивительно. Она совсем не этого ожидала, затеявая переписку. Совсем не этого. Расправив плечи, она попыталась снова. Она надеялась, что он поймет.

Сомнение — предатель:
Из-за него мы многое теряем,
Боясь рискнуть.^[33]

Она наблюдала за ним той ночью, гадая, не ответит ли он сразу. Проверила доску перед тем, как уйти домой.

НАИВНАЯ ИЛИ ГЛУПАЯ?

Слезы потекли по щекам Ферн.

Держа спину прямо, с высоко поднятой головой она достала из-за кассы свою сумку и вышла из магазина. Эмброуз Янг мог прятаться сколько ему угодно, потому что ей надоело его искать.

Эмброуз проводил Ферн взглядом и почувствовал себя полным придурком. Он был виноват в ее слезах. Чудесно. Она пыталась его приободрить, ведь он знал это, но не хотел сочувствия, не нуждался в подбадриваниях, и уж точно ему надоело выискивать цитаты. Вот и хорошо, что он ее отвадил. Очень хорошо.

Эмброуз почесал щеку. Шрапнель, скрывавшаяся под кожей, сводила его с ума. Щека чесалась, и он чувствовал, как покалывают кусочки металла. Врачи сказали ему, что часть шрапнели, засевшей в правой руке, плече и черепе, возможно, никогда не выйдет наружу. Он не сможет пройти через металлоискатель, не подняв тревогу. На это ему было плевать. Но вот шрапнель в щеке беспокоила, он с большим трудом удерживался, чтобышний раз не трогать ее. Его мысли вернулись к Ферн. Если он подпустит ее слишком близко, ему будет трудно не притронуться к ней. Вряд ли она этого захочет.

Эмброуз начал работать на полную ставку в прошлом месяце. До этого он трудился по несколько часов утром вместе с отцом, но месяц назад полностью взял на себя ночную смену — самую важную. Он пек пироги, торты, печенье, пончики, рулеты и хлеб. Отец многому научил его за прошедшие годы, работа, тихая и размеренная, была хорошо ему знакома. Отец по-прежнему занимался украшением тортов и специальными заказами, приходя около четырех утра, и они работали пару часов вместе до открытия пекарни. Эмброуз выскальзывал еще затемно и возвращался домой, пока его никто не видел — так, как он любил.

Долгое время никто не знал, что он снова работает в пекарне. Но Ферн закрывала магазин пять ночей в неделю, и когда он приходил на смену, час или два они были в магазине одни. Редкий покупатель забежал в последние минуты до закрытия за пакетом молока или другими продуктами, но с девяти до одиннадцати обычно было затишье. Конечно, Ферн не могла не заметить его в кухне, хоть он и старался как мог не показываться.

Он наблюдал за ней дольше чем она могла представить. Самой буйной «чертой характера» обычно невозмутимой Ферн были ее волосы — ярко-огненная корона. С тех пор как Эмброуз в последний раз видел ее, она дала им отрасти до середины спины и больше не носила очков. Все это сбило его с толку той ночью, когда она упала с велосипеда. Он старался тогда не пялиться на нее, чтобы и она не смогла ничего разглядеть.

Ее глаза были теплого коричневого оттенка, нос украшала россыпь

веснушек. В школе, когда она носила брекететы, ее верхняя губа выглядела почти комично, вздымаясь, словно утиный клюв, над неровными зубами. Теперь ее губы стали чувственными, а широкая и теплая улыбка обнажала ровные белые зубы. Миловидная, Ферн сияла, не понимая своей красоты, словно в какой-то момент не заметила, как из несуразного подростка превратилась в привлекательную девушку. Это делало ее еще более симпатичной.

Эмброуз незаметно наблюдал за ней вечер за вечером из укромного уголка. Он не понимал, как мог списать ее со счетов так легко. В такие моменты он хотел стать прежним. Раньше его внешность не раз помогала ему понравиться приглянувшейся девушке и, вне всяких сомнений, помогла бы и сейчас. Но время не повернуть вспять, и сейчас у него не было шансов, поэтому он просто наблюдал.

Рядом с кассой всегда лежала книжка, и Ферн, перебросив волосы через левое плечо и, накручивая локоны на пальцы, пробежала глазами по строчкам. В поздние часы покупатели заходили редко, у нее было достаточно времени для чтения. Теперь она, пользуясь игрой слов и цитатами из Шекспира, писала ему послания, прямо как в выпускном классе, когда выдавала себя за Риту. Он так разозлился на нее, когда узнал об этом, но ведь она искренне сожалела о содеянном... Было понятно: она в него влюблена. Сложно злиться на кого-то, кто тебя любит. И вот Ферн снова взялась за старое, но он не верил, что до сих пор ей нравится. В ту темную ночь она даже не смогла его нормально рассмотреть, но потом ахнула, увидев лицо, — он отчетливо это слышал. Ферн наверняка мечтала о старом Эмброузе, но чего она добивалась этой новой перепиской?

Беспокойные мысли лишь сильнее разозлили его, но к утру он снова почувствовал себя придурком, поэтому подошел к доске и написал:

ПОДОНОК ИЛИ ДУРАК?

Отцу не понравится слово «подонок», написанное у входа в пекарню, но более точного Эмброуз не смог подобрать. Шекспир тут не поможет. Ни один из его героев не просил прощения у милых рыжих девушек с добрым сердцем, это точно.

Он ушел домой в паршивом настроении. Кленовые батончики комом легли в желудке, тяжелые, словно камни. Приехав на работу следующим вечером около десяти, он обнаружил девственно чистую доску. Ну и хорошо. Ему полегчало. Немного.

Эмброуз поглядывал в окошко, отделявшее прилавок и кассу в пекарне от кухни, в надежде увидеть Ферн. Может, она наконец решила, что Янг не стоит ее внимания? Последние пару ночей, когда он приходил на работу, она уже уходила. Приезжая все раньше и раньше, Броузи надеялся посмотреть на нее хотя бы издалека. Он говорил отцу, что в пекарне много работы, но тот в принципе никогда не задавал лишних вопросов и, хоть не высказывал этого, вероятно, был рад, что сын начал выходить из дома. Психолог советовал «приспособиться к новой реальности», «примириться со случившимся», «отыскать для себя новые цели и новый круг общения». Начать следовало с работы. Эмброузу она не помогала, поэтому в свободное время он тягал железо и бегал. Нагрузка отвлекала его от тяжелых мыслей.

Однажды он задумался над тем, нельзя ли считать подглядывание за Ферн одной из таких «новых целей»? Он чувствовал себя маньяком, но не бросал следить за девчонкой. Сегодня Ферн подметала пол, напевая «The Wind Beneath my Wings»,^[34] используя в качестве микрофона метлу. Он терпеть не мог эту песню, но улыбался, наблюдая за тем, как Ферн покачивается и поет. Она немного фальшивила, хотя у нее было довольно приятное сопрано. Дойдя до двери, она заметила Эмброуза и остановилась. В колонках доигрывали последние секунды песни. Ферн неуверенно улыбнулась, как будто это не он заставил ее плакать всего пару ночей назад, и Эмброуз с новой силой ощутил желание спрятаться, которое испытывал всякий раз, когда кто-то смотрел на него.

Она включила музыку, и магазин по атмосфере стал больше похож на роллердром. Легкий микс из ненавязчивых мелодий вводил покупателей в транс, и те набивали корзины продуктами, без которых на самом деле могли бы обойтись. Эмброузу внезапно захотелось послушать Def Leppard^[35] с их завываниями и берущими за душу текстами.

Вдруг Ферн бросила метлу, подбежала к двери, открыла ее и впустила Бейли Шина. Взволнованный Эмброуз вышел из кухни и остановился за углом. Ферн заперла дверь и на всякий случай дернула ее, попутно болтая о чем-то с другом. Янг изо всех сил старался не улыбнуться: на голове у Бейли красовался огромный фонарь, который обычно используют шахтеры.

Фонарь светил так ярко, что Эмброуз сощурился.

— Шин, что это, черт тебя возьми?

Ферн резко обернулась. Ее удивило, что он наконец-то вышел. Бейли проехал мимо Ферн. Он посмотрел на Эмброуза, но и виду не подал, что его смутило лицо друга. Вместо этого Бейли закатил глаза, пытаясь взглянуть на фонарик:

— Помоги мне, чувак. Мать заставляет меня надевать эту штуку всякий раз, когда я вечером выезжаю из дома. Она уверена, что иначе меня переедет какая-нибудь машина. Сам я это снять не могу.

Эмброуз, все еще щурясь, стянул фонарь с его головы и выключил. Ферн пригладила взъерошенные волосы Бейли. Жест был трогательным, материнским, словно она делала это тысячу раз. Наверное, так и было. Они дружили столько, сколько Эмброуз их помнил. Наверное, Ферн привыкла ему помогать, даже не спрашивая, нужна ли помощь.

— Что ты тут делаешь? — Эмброуз был удивлен, что Бейли разъезжает по улицам в одиннадцать вечера.

— Караоке, детка.

— Караоке?

— Да. Давненько мы его не устраивали! Начали поступать жалобы от продуктов. Похоже, морковь основала фан-клуб Бейли Шина, так что сегодня я пою для нее. А у Ферн поклонники в заморозке.

— Караоке? Здесь? — Эмброуз едва сдержал улыбку.

— Да. После закрытия магазин в нашем распоряжении. Мы захватили колонки, а вместо микрофона — интерком.^[36] Осталось вставить диски и раскатать супермаркет «Джоллис»! Это круто! Ты просто обязан к нам присоединиться. Но должен предупредить: превзойти меня будет трудно, я мастер караоке.

Ферн рассмеялась и с надеждой посмотрела на Эмброуза. О черт, нет! Он не станет петь. Даже если это доставит ей удовольствие. А этого он, как ни странно, очень хотел.

Эмброуз пробормотал что-то насчет пирогов в духовке и сбежал. Через пару минут в магазине заиграла музыка, а Бейли весьма неудачно начал пародировать Нила Даймонда.^[37] У Эмброуза не было выбора — он работал под его истошные вопли. Ферн подключалась лишь изредка и пела, как воспитательница детского сада, мечтавшая стать поп-звездой, — в неудобной для нее тональности. Когда она запела «Like a Virgin» Мадонны, Эмброуз рассмеялся и осознал, что на мгновение позволил эмоциям взять верх. Прокрутил в памяти прошедший год — он ни разу не смеялся с тех

пор, как его жизнь полетела в черную дыру. Неудивительно, что теперь его смех был похож на хриплый мотор пятидесятилетнего пикапа.

А потом Ферн и Бейли запели дуэтом, и это было потрясающе. «Summer Nights» из мюзикла «Бриолин». «Wella wella wella oomph» полилась из колонок, и «Леди в розовом» умоляли сказать им о большем. [38] Ферн и Бейли с наслаждением исполняли свои партии: Бейли басом пел хулиганские строчки, а Ферн хихикала и отвечала ему, коверкая текст. Эмброуз смеялся целый час, наслаждаясь зрелищем и гадая, не приходило ли ребятам в голову поучаствовать в комедийном шоу, ведь они весьма уморительны. Он почти закончил лепить рулеты с корицей, когда его позвали:

— Эмброуз Янг! Я знаю, что ты умеешь петь. Может, перестанешь притворяться, что работаешь, и выйдешь к нам? Хватит подглядывать. Будто мы этого не видим! Ты не такой незаметный, как думаешь. Сто процентов, ты захочешь спеть следующую песню. — Бейли не унимался. — погоди-ка! Это же Righteous Brothers! [39] У меня точно не получится. Ну же, давай! Ферн мечтала услышать твоё пение ещё раз с тех пор, как ты исполнил гимн в школе.

Эмброуз был приятно удивлен.

— Э-Э-ЭМБР-Р-РО-О-ОУЗ ЯНГ! — прогремел Бейли. Очевидно, ему нравилось слышать свой голос, доносящийся из колонок.

Янг молчал. Он не станет петь. Бейли позвал его ещё несколько раз, но в конце концов запел сам. Эмброуз вернулся к рулетам, а Бейли заявил, что он, Эмброуз, утратил любовь к жизни. Да. Утратил. Его любовь к жизни убили в Ираке.

* * *

Левый глаз Риты опух, губа была рассечена. Ферн прикладывала лёд ей на лицо, гадая, сколько раз она скрывала побои от друзей.

— Я вызвала копов. Дядя Беккера приехал и забрал его, но не думаю, что там его исправят, — мрачно сказала Рита.

Она выглядела так, словно ей уже перевалило за сорок. Длинные светлые волосы разметались по плечам. Раньше у неё не было тёмных кругов под глазами...

— Переезжай ко мне? Родители будут не против. Оставайтесь с Таем, сколько захочешь.

Однажды Рита уже перебиралась к ним, но потом вернулась к Беккеру.

— На этот раз я не уйду. Пусть он уходит. Я не сделала ничего плохого. — Рита выпятила нижнюю губу, в глазах у нее стояли слезы.

— Но... он ведь опасен, — осторожно возразила Ферн.

— Ему будет стыдно, посидит паинькой какое-то время. А я сидеть не стану. Я откладывала деньги. Мы с мамой возьмем малыша и уедем. Уже скоро. А Беккер пусть катится к чертям.

Тай всхлипнул во сне и теснее прижался к маминой груди. Ему не дашь двух лет. Рита всюду таскала его на руках, словно боялась оставить одного.

— Мне всего двадцать один, Ферн! Как я вообще оказалась в таком дерьме?

Не в первый раз Ферн благодарила бога за то, что поздно расцвела. Внешность гадкого утенка словно защищала ее, будучи невзрачной, она спокойно росла, узнавала себя и однажды пришла к мысли, что в мире есть вещи поважнее красоты.

— Знаешь, как я когда-то мечтала о Бейли? — продолжала Рита. — О том, что врачи найдут лекарство и он снова сможет ходить. Что мы с ним поженимся и будем жить долго и счастливо. Мама падала с ног, ухаживая за отцом после аварии. Ему всегда было плохо и больно. Он злился и кричал. Я не такая сильная, как она. Хотя я и любила Бейли, я не смогла бы прожить всю жизнь с инвалидом. Я просто молила Бога о том, чтобы он исцелил его. Представляешь, однажды я поцеловала его!

— Да ладно? — У Ферн отвисла челюсть.

— Хотела проверить, есть ли между нами искра.

— И как?

— Ну... да. Правда, он понятия не имел, что делать, я застала его врасплох. Но да, искра была. Еще какая. Я даже подумала, что мне будет достаточно одних поцелуев. И все, что мне нужно, — это быть с тем, кто меня любит. Но я испугалась. Я была слишком слабой, Ферн.

— Когда? Когда это произошло?

— На рождественских каникулах в девятом классе. Мы смотрели кино у Бейли, помнишь? Тебе стало нехорошо, и ты ушла домой, а мы остались. Папа Бейли пересадил его из коляски на диван. Мы болтали, смеялись, а потом... я взяла его за руку и... поцеловала.

Ферн ушам не поверила. Бейли никогда не рассказывал ей об этом. Ни слова! Мысли завертелись как белка в колесе.

— Только один раз?

— Да. Вечером я ушла домой, а позже он вел себя так, словно ничего

не произошло. Я думала, что все испортила. Может, он хотел, чтобы я стала его девушкой. Я тоже этого хотела, но боялась.

— Чего?

— Что сделаю ему больно. Или дам обещание, которое не смогу сдержать.

Ферн кивнула. Она все понимала, но сердце ее сжалось от сочувствия к Бейли. Она знала брата. Очевидно, тот поцелуй стал для него судьбоносным. И если он ничего не рассказал ей, то только чтобы защитить себя. Или Риту.

— А потом появился Беккер. Он был настойчивее, взрослее. Я просто... потеряла голову.

— Вы с Бейли больше никогда об этом не говорили?

— Бейли звонил мне в ночь перед свадьбой. Просил не выходить замуж.

— Вот как.

— Да. Но я сказала, что уже поздно. Бейли слишком хорош для меня.

— Это бред, Рита!

Она вздрогнула так, словно Ферн дала ей пощечину.

— Прости, но ты всего лишь оправдываешься.

— Что, серьезно? — огрызнулась Рита. — Посмотрите, кто это говорит! Ты влюблена в Эмброуза Янга всю жизнь. И вот он дома, с изуродованным лицом и не менее изуродованной жизнью. Я не вижу, чтобы ты действовала!

Ферн растерялась и не могла подобрать слов. Рита не права, лицо Эмброуза здесь ни при чем. С другой стороны, так ли важна причина?

— Прости, Ферн. — Рита всхлипнула. — Ты права. Это бред. Вся моя жизнь — бред. Но я попробую все изменить. Я стану лучше. Вот увидишь. Больше не будет ошибок. Тай заслуживает лучшего. Я бы только хотела, чтобы Бейли... чтобы все было иначе, понимаешь?

Ферн сначала кивнула, но потом передумала:

— Если бы Бейли родился здоровым, он не был бы Бейли. Нашим Бейли, умным и чутким, который понимает гораздо больше других. Ты бы и внимания на него не обратила, если б он боролся в команде отца и вел себя как любой другой парень. Причина, по которой он такой особенный, кроется в том, что жизнь сотворила из него нечто удивительное... может, не снаружи, а внутри. Внутри он похож на Давида Микеланджело. И когда я или ты смотрим на него, мы видим именно такого Бейли.

Спустя два дня Беккер Гарт заявился в «Джоллис» как ни в чем ни бывало, как будто его жена не ходила в синяках, а от него не несло перегаром. Вероятно, его связи в полиции Ханна-Лейк пригодились кстати. Он улыбнулся Ферн, подходя к кассе.

— Чудесно выглядишь. — Он скользнул взглядом по ее груди, подмигнул и щелкнул пузырем жвачки.

Ферн всегда считала Беккера довольно красивым, но красота не избавляла его от гнилой души. Он не собирался ждать ответа и просто бросил ей, проходя мимо:

— Рита сказала, что ты заходила. Спасибо за деньги. У меня как раз пиво закончилось.

Он помахал в воздухе двадцатидолларовой купюрой, которую Ферн оставила на кухне у Риты, и направился в алкогольный отдел. Ферн почувствовала, как ярость застилает ей глаза, хотя раньше ей не приходилось так злиться. До этого момента. Она удивилась, как спокойно звучал ее голос, когда она заговорила в интерком:

— Дорогие покупатели! Сегодня у нас отличные акции. Бананы — всего 39 центов за полкило. Сок в коробочках — десять штук за один доллар. Наша пекарня предлагает десяток сахарных печений всего за 3,99. — Ферн сделала паузу и стиснула зубы, понимая, что не в силах сдержаться. — А еще обратите внимание на огромного подонка в десятом ряду. Честное слово, вы в жизни не встретите более мерзкого человека! Он регулярно бьет жену и говорит ей, что она жирная и страшная, хотя на самом деле она — первая красавица нашего города. Из-за него плачет его маленький сын, к тому же он не может удержаться ни на одной работе. Как вы думаете, почему? Совершенно верно. Потому что Беккер Гарт — огромная, уродливая, паршивая задница...

— Ах ты, сука! — взревел Беккер. Он тотчас двинулся на Ферн, сжимая под мышкой упаковку с двенадцатью банками пива. Его глаза светились бешенством.

Ферн выставила перед собой трубку, как будто интерком мог защитить ее от Гарта, которого она только что публично оскорбила. Покупатели таращились на них с открытыми ртами, кто-то посмеивался, оценив

колкость Ферн, кто-то неодобрительно хмурился. Беккер швырнул пиво на пол, и несколько банок разбились, под ними растеклась желтая лужа. Он бросился на Ферн и, вырвав из ее рук интерком, потянул его так сильно, что пружинный провод лопнул, едва не хлестнув Ферн по лицу. Она уклонилась, ожидая, что Беккер начнет размахивать трубкой, но тут появился Эмброуз. Он схватил Беккера и скрутил его футболку с такой силой, что тот оторвался от земли. Он беспомощно дрыгал ногами, язык вывалился наружу — его душила одежда. Эмброуз легко отшвырнул Беккера, словно тот весил не многим больше ребенка. Беккер приземлился на четвереньки, выгнув спину, как паршивый кот. Он поднялся и выставил грудь колесом.

— Эмброуз Янг! Дерьмово выглядишь, чувак! Лучше беги, пока тебя не приняли за огра и не начали охоту!^[40] — прохрипел он, отряхивая футболку и покачиваясь на носках, как боксер перед боем.

Эмброуз был в красной бандане, словно пират. Он всегда носил ее, когда работал в пекарне. Фартук. Руки сжаты в кулаки. Взгляд устремлен на Беккера. Ферн готова была выпрыгнуть из-за кассы и наброситься на подонка, но один ее опрометчивый поступок уже обернулся неприятностями, и она не хотела сделать еще хуже.

Она заметила, как покупатели уставились на Эмброуза. Вероятно, никто не видел его с тех пор, как он уехал в Ирак. Слухи, конечно, ходили — как в любом маленьком городе, пережившем большую трагедию. Они, разумеется, преувеличивали увечья Эмброуза, порой даже слишком. Сейчас же на этих лицах можно было прочесть лишь удивление и грусть, но не отвращение. Джейми Кимбэлл, мать Поли, стояла в очереди к другой кассе. Она побледнела, но с состраданием смотрела на изрытое шрамами лицо Эмброуза. Выходит, даже она не видела его? Никто из семей погибших ребят не пришел его навестить? Может, их не пустили. А может, им было слишком больно.

— Лучше уходи, Беккер, — сказал Эмброуз.

Его голос прозвучал мягко среди напряженного молчания. Только «What a Wonderful World»^[41] лилась из колонок, словно все было замечательно. Эмброуз продолжил:

— Если останешься, я выбью из тебя дурь, как сделал это в девятом классе. На этот раз получишь два фингала и потеряешь чуть больше зубов. Пусть моя уродливая мина тебя не смущает — с кулаками у меня все в порядке.

Беккер сплюнул и отвернулся, злобно уставившись на Ферн и ткнув в

нее пальцем:

— Ты сука, Ферн. Держись подальше от Риты. Если появишься в моем доме, я вызову копов. — Беккер, как обычно, решил отыгаться на том, кто послабее.

Эмброуз снова схватил Беккера за футболку и потащил его к выходу. Двери автоматически распахнулись, и Эмброуз прошипел Беккеру на ухо:

— Если ты еще хоть раз назовешь Ферн Тейлор сукой или посмеешь угрожать ей, я вырву язык из твоего поганого рта и скормлю той мерзкой собаке, которую ты моришь голодом на заднем дворе. Той, что лает на меня всякий раз, когда я пробегаю мимо. Если хоть волосок тронешь на голове Ферн или снова поднимешь руку на жену, я найду тебя. И сделаю очень больно.

Он еще раз толкнул Беккера, и тот приземлился на неровный асфальт у крыльца магазина.

* * *

Через пару часов, когда магазин опустел, разлитое пиво вытекли, а двери заперли, Ферн вошла в пекарню. Ее встретили запах хлеба, топленого масла и приторный аромат глазури. Эмброуз вздрогнул, когда увидел ее, но не перестал месить и раскатывать большой кусок теста на присыпанном мукой столе. Он повернулся к ней левым боком. По радио крутили рок восьмидесятых, и Whitesnake^[42] спрашивали: «Is This Love?» Ферн подумала, что ответ очень даже может быть положительным.

Мышцы на руках Эмброуза напрягались и расслаблялись, пока он раскатывал тесто в большую лепешку и вырезал из нее большой формочкой восемь кружочков. Понаблюдав за его уверенными, спокойными движениями, Ферн решила, что ей нравится, как мужчина выглядит на кухне.

— Спасибо, — наконец нарушила она молчание.

Эмброуз на мгновение взглянул на нее и, пожав плечами, буркнул что-то неразборчивое.

— Ты правда побил его в девятом классе? Он ведь был выпускником.

Снова бурчание.

— Он плохой человек... если его вообще можно назвать человеком. Может, он еще не повзрослел, но когда-нибудь станет лучше, — осторожно предположила Ферн.

— Он все прекрасно понимает. Возраст — не оправдание.

Восемнадцатилетних мальчишек считают достаточно взрослыми, чтобы служить стране. Сражаться и умирать за нее. Так что двадцатипятилетний кусок дерьма вроде Беккера не может прикрываться возрастом.

— Ты сделал это из-за Риты?

— Что? — Он удивленно посмотрел на нее.

— Ну... она ведь тебе нравилась? Ты вышвырнул его сегодня из магазина из-за того, что он сделал с Ритой?

— Ну кто-то же должен был его выставить, — сухо ответил Эмброуз. По крайней мере, он больше не бурчал. — Ему не стоило бросаться на тебя. — На долю секунды, до того, как достать печенье из духовки, он встретился с Ферн взглядом. — Хотя ты и сама его спровоцировала... самую малость.

Он улыбался? Да! Ферн просияла. Уголок губ Эмброуза чуть приподнялся, всего на мгновение, а потом Янг снова занялся тестом. Чуть кривоватая, эта улыбка все равно показалась Ферн милой, а вот он, судя по всему, так не считал.

— Да, я первая начала. Кажется, впервые в жизни. Было... весело, — серьезно и честно сказала она.

Эмброуз расхохотался и, отложив в сторону скалку, посмотрел на нее, качая головой. На этот раз он не отвернулся.

— Говоришь, первая никогда не начинала? А кто однажды корчил рожицы Бейли Шину на соревнованиях? Он должен был вести статистику, а ты его смешила и отвлекала. Ему тогда влетело от отца, а такое случалось редко.

— Я помню тот турнир! Мы с Бейли тогда придумали игру. Ты видел?

— Да. Вам было весело... Я помню, как мне хотелось поменяться с вами местами. Всего на один день. Я так вам завидовал.

— Завидовал? Почему?

— Там был тренер из Айовы. Я волновался до тошноты. Только и делал, что бегал в туалет между боями.

— Ты волновался? Ты ведь выигрывал каждый бой. Я никогда не видела, чтобы тебя побеждали. О чем тебе было волноваться?

— Трудно все время быть победителем. Я не хотел никого разочаровать. — Эмброуз пожал плечами. — Расскажи мне об игре. — Он перевел разговор на другую тему.

Ферн приняла решение вернуться к теме позже.

— Это наша версия шарад. Бейли было трудно изображать что-то жестами, поэтому мы придумали игру «Меняя лица». Это глупо, но весело. Нужно общаться только при помощи мимики. Давай покажу. Я сострою

рожицу, а ты скажи мне, что я чувствую.

Ферн разинула рот и распахнула глаза.

— Удивление?

Она кивнула и улыбнулась. Потом раздула ноздри, наморщила лоб и в отвращении скривила губы. Эмброуз усмехнулся:

— Плохо пахнет?

Ферн хихикнула, и тут же у нее задрожала нижняя губа, подбородок выдвинулся вперед, а глаза наполнились слезами.

— О черт, ты слишком хороша! — Эмброуз смеялся от души, забыв о тесте.

— Не хочешь попробовать? — Ферн тоже смеялась, вытирая слезы.

— Не-а. Не уверен, что мое лицо подойдет для этого, — тихо ответил Эмброуз, но в его голосе не было настороженности или обиды.

Ферн задержалась еще на несколько минут, снова поблагодарила его и пожелала доброй ночи. И это была хорошая ночь, несмотря на выходку Беккера Гарта накануне. Эмброуз заговорил с ней. Они даже посмеялись вместе. В сердце Ферн затрепетала надежда.

* * *

На следующий день она обнаружила на доске новую цитату:

«Бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое».^[43]

Снова Шекспир. Снова «Гамлет». Этот мечущийся герой был близок Эмброузу, возможно, его мучили те же вопросы. Но у Ферн получилось его рассмешить. Она улыбнулась, вспоминая, как появилась эта игра.

2001

— *Что у тебя с лицом, Ферн? — спросил Бейли.*

— *Что с ним?*

— *Как будто ты пытаешься что-то решить в уме. У тебя брови сдвинуты и лоб наморщен.*

Ферн расслабила лицо, осознав, что Бейли прав.

— *Я пишу одну историю и никак не могу придумать конец. А что значит такое лицо, как думаешь? — Она выпятила подбородок и скосила глаза.*

— Ты похожа на безмозглого героя какого-нибудь мультфильма, — фыркнул Бейли.

— А так? — Она поджала губы, подняла брови и прищурилась.

— Ты съела что-то очень кислое! — воскликнул Бейли. — Дай я попробую.

Он задумался на минуту, а потом сделал большие глаза, слегка приоткрыл рот и высунул язык, как большая собака.

— Ты смотришь на что-то вкусное, — предположила Ферн.

— А если точнее? — Бейли снова скорчил рожицу.

— Хм-м. Ты смотришь на огромную вазу с мороженым.

Бейли спрятал язык и широко улыбнулся:

— Нет. Это ты, когда видишь Эмброуза Янга.

Ферн стукнула его плюшевым медведем, которого она выиграла на школьной ярмарке в четвертом классе. У медведя оторвалась лапа, и набивка полетела во все стороны. Ферн отбросила игрушку.

— Да неужели? А ты? Вот такое лицо ты делаешь, когда мимо проходит Рита. — Ферн изогнула бровь и усмехнулась, пытаясь повторить заигрывание Ретта Батлера из «Унесенных ветром».^[44]

— При виде Риты я что-то замышляю? — ошеломленно спросил Бейли.

Ферн фыркнула и рассмеялась, ей пришлось достать платок и вытереть нос.

— Неудивительно, что тебе нравится Эмброуз, — сказал Бейли, внезапно став серьезным. — Он лучший парень из всех, кого я знаю. Если бы я мог стать кем-то, я бы стал Эмброузом Янгом. А ты?

Ферн пожала плечами. Она, как обычно, мечтала стать красивой.

— Пожалуй, я бы хотела выглядеть как Рита, — честно призналась она. — Но внутри хотела бы остаться собой. А ты разве нет?

Бейли на секунду задумался:

— Да. Я крутой. Но Эмброуз тоже. Я бы все равно поменялся.

— А я бы просто поменяла лицо.

— Но ведь Господь дал тебе это лицо! — крикнула из кухни Рейчел.

Ферн закатила глаза. У ее матери слух был как у летучей мыши, даже в шестьдесят два года.

— Ну и что! Если бы я могла — взяла бы себе другое, — возразила Ферн. — Может, мы с Эмброузом были бы отличной парой.

Она тогда и не думала о Шекспире. Эмброуз и впрямь был слишком красив, чтобы обратить на нее внимание.

Ферн сначала не поняла, что он хотел сказать очередной цитатой, пока не посмотрела на витрину пекарни и не завизжала от восторга, как маленькая девочка, встретившая кумира. Полки были завалены сахарным печеньем: на яркой глазури Эмброуз нарисовал незатейливые рожицы — и хмурые, и улыбающиеся. Ферн купила десяток разных и решила, что сама не съест ни одного и другим не даст. Она хотела сохранить их на память о той ночи, когда ей удалось рассмешить Эмброуза Янга. Может, забавное лицо — это не так уж плохо?

Ферн отыскала маркер и написала прямо под сообщением Эмброуза: **«ПЕЧЬ ПЕЧЕНЬЕ ИЛИ КОРЧИТЬ РОЖИЦЫ?»** Затем она обвела «печенье», чтобы он понял: она заметила сюрприз, и чуть ниже пририсовала маленький смайлик.

ЕСТЬ ОЛАДЫИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Следующим вечером на доске появилось новое сообщение: **«ВАФЛИ ИЛИ ОЛАДЫИ?»** Эмброуз обвел оладьи. Примерно через час в дверях появилась Ферн в бледно-розовой футболке, белых джинсах и сандалиях. Кудряшки разметались по спине. Она уже сняла ярко-синий фартук супермаркета «Джоллис» и слегка подкрасила губы блеском. В голове Эмброуза крутилась одна мысль: есть ли у этого блеска вкус?

Он отвернулся.

— Привет! В общем... я тоже люблю оладьи. — Ферн скривилась так, словно призналась в чем-то стыдном или глупом.

Эмброуз понял, что ей по-прежнему немного страшно говорить с ним, но винить ее в этом было нельзя: сначала он вел себя не очень-то дружелюбно.

— Ты ведь завтра не работаешь? По выходным приходит миссис Любке? — продолжала она так быстро, словно заранее подготовила речь.

Он кивнул.

— Не хочешь поесть оладий? Мы с Бейли иногда ходим в «Ларрис» по ночам. В кафе после полуночи мы чувствуем себя по-настоящему взрослыми.

Ферн улыбнулась. Эту фразу она явно не готовила заранее. Эмброуз заметил ямочку на ее правой щеке и не мог отвести от нее взгляд. Ферн вдруг перестала улыбаться, и ямочка исчезла.

— Э-э, да, конечно, — поспешно ответил Эмброуз, осознав, что еще не сказал ни слова, и тут же пожалел, что согласился. Он не хотел идти в «Ларрис». Кто-нибудь мог его увидеть.

Ямочка вернулась. Ферн просияла и немного покачалась на носочках.

— Отлично. Я заеду за тобой в полночь, хорошо? Нам придется взять фургон Шинов. Ну, знаешь... из-за коляски. Ладно, пока. — Ферн скрылась за дверью.

Эмброуз улыбнулся. Она была невероятно милой. Как будто ему снова тринадцать и он идет на первое свидание в боулинг-клуб.

Есть что-то успокаивающее в полуночных оладьях. Эмброуза обдал аромат теплого масла, кленового сиропа и малины. Он обрадовался возможности насладиться едой в неурочное время и почти забыл о любопытных взглядах и безуспешных попытках окружающих вести себя так, будто с его лицом все в порядке. Бейли провел их в сонный зал, к столику в дальнем углу, где было достаточно места для его кресла. Ферн шла следом, а Эмброуз старался не смотреть по сторонам и не считать посетителей кафе. По крайней мере, за соседними столами никого не было. Ферн остановилась, позволяя Эмброузу выбрать место, и он скользнул на диван — туда, где мог сидеть, повернувшись к залу левым боком. Ферн уселась напротив, устраиваясь поудобнее. Ноги у Эмброуза не помещались под столом, он пытался передвинуть их и нечаянно задел теплую тонкую щиколотку Ферн. Она не отодвинулась. Бейли примостился сбоку. Ферн осторожно помогла ему положить руки на стол так, чтобы он мог есть. Она сделала заказ для них обоих — очевидно, Бейли доверял ее выбору.

Официантка смотрела на них удивленно. Вдруг Эмброуз понял, как странно они выглядят. За полночь, кафе почти опустело, их комичная компания отражается в темных окнах.

В черной кепке и черной футболке, с изуродованным лицом, Эмброуз выглядел довольно грозно. Не будь с ним парня на коляске и рыжеволосой девушки с хвостиками, он вполне походил бы на маньяка из фильма ужасов.

Коляска Бейли ниже, чем диваны, он горбился и казался меньше, чем был на самом деле. На нем была толстовка Hoosiers и бейсбольная кепка, надетая задом наперед. На плечи Ферн падали выющиеся хвостики. Эмброуз посмотрел на ее желтую майку и усмехнулся, глядя на надпись: «Я не коротышка, у меня идеальный рост». Он был абсолютно с этим согласен, ведь ему так хотелось поцеловать улыбающиеся губы Ферн и обнять ее тонкую талию. Она была похожа на Мэри-Энн из «Острова Гиллигана»,^[45] разве что та шатенка. Все в ней казалось ему привлекательным. Эмброуз мысленно вlepил себе пощечину и прогнал эти мысли. Это не свидание, это просто вечер оладий. Поцелуя на прощание не будет — ни сегодня, ни завтра, никогда.

— Не могу дождаться, когда принесут еду, — вздохнула Ферн, довольно улыбаясь, когда официантка ушла. — Я ужасно голодная.

Мягкий свет лампочки, висящей над головой Эмброуза, не позволял ему спрятаться от Ферн, сидящей прямо напротив. Он мог разве что отворачиваться к окну, чтобы она не видела шрамов. Но Эмброуз тоже был голоден, и в конце концов ему надоело об этом думать.

Он не бывал в «Ларрис» с тех пор, как выиграл чемпионат штата в выпускном классе. Тогда с ним были друзья, они наелись до отвала. Любой борец знает, что нет ничего лучше хорошего ужина. Сезон официально закончился, и большинству из них уже никогда не пришлось бы вставать на весы. Вскоре им всем станет грустно оттого, что дописана важная глава их жизни, но той ночью они просто праздновали. Как и Бейли, Эмброузу не нужно было смотреть в меню. Когда принесли его оладьи, он мысленно помянул друзей, наблюдая за тем, как стекают густой кленовый сироп и масло.

Эмброуз ел, не участвуя в разговоре, но Бейли болтал за троих. Он неплохо справлялся с едой, правда, руки у него время от времени соскальзывали со стола, и Ферн снова их поднимала. Когда он доел, Ферн помогла ему положить руки на подлокотники, но тут возникла новая проблема.

— Ферн, у меня чертовски чешется нос. — Бейли сморщился, пытаясь унять зуд.

Ферн подняла его руку. Заметив удивленный взгляд Эмброуза, пояснила:

— Я пробовала чесать ему нос, но ведь ему не угодишь! Уж лучше просто помогу.

— Да. Такая вот помощь, — добавил Бейли. — Кажется, я перепачкал пальцы сиропом. Теперь у меня нос липкий! — Он рассмеялся, а Ферн закатила глаза. Она намочила краешек салфетки в стакане с водой и вытерла кончик его носа.

— Лучше?

— Думаю, ты справилась. Видишь ли, Эмброуз, я уже много лет хочу лизнуть свой нос, но, увы, природа не наградила меня длинным языком. — Бейли тут же попытался засунуть кончик языка в левую ноздрю, при этом он скосил глаза, и Эмброуз невольно улыбнулся.

— Так что, поедешь завтра с нами? — Бейли перестал гримасничать. — Мы хотим сгонять в Сили на двойной сеанс. Ферн захватит садовые кресла и закуски, а я привезу замечательного себя. Что скажешь?

В Сили был старенький кинотеатр под открытым небом, весной и летом там по-прежнему собирались зрители. Люди ехали несколько часов просто для того, чтобы насладиться фильмом, лежа на крышах своих фургонов или устроившись на передних сиденьях в автомобилях.

Будет темно. Никто его не увидит. Звучало... неплохо. Он так и слышал, как друзья смеются над ним: Эмброуз тусит с Бейли и Ферн. О,

как низко пали великие!

* * *

Эмброуз не мог сосредоточиться на фильме. Динамики дребезжали, ближайшая колонка стояла справа, и речь актеров невозможно было разобрать — правое ухо не слышало. Ферн сидела между ним и Бейли. Она подносила брату попкорн и колу. Эмброуз оставил попытки следить за сюжетом и стал думать о том, как здорово было сидеть на свежем воздухе рядом с Ферн и вдыхать запахи попкорна и лета. Прошрое он провел в госпитале. Двумя годами ранее — в Ираке... Нет, только не вспоминать Ирак. Не сейчас.

Бейли и Ферн смеялись, они отлично проводили время. Эмброуз дивился их невинности и той простоте, с которой они наслаждались самыми незначительными радостями. Над одной из сцен Ферн смеялась так сильно, что нечаяно хрюкнула. Бейли завывал и хрюкал до самых титров, просто чтобы подразнить ее. Она посмотрела на Эмброуза и закатила глаза, словно умоляя спасти ее от дурачка слева.

К концу первого фильма небо затянули тучи, и второй отменили из-за приближающейся грозы. Ферн заторопилась, собирая кресла и мусор. Она закатила Бейли в машину как раз тогда, когда прогремел гром и упали первые капли дождя. Они заехали на заправку на окраине Ханна-Лейк чуть за полночь, и, прежде чем Эмброуз успел отстегнуть ремень, Ферн уже выпрыгнула из машины. Под ливнем она побежала платить за бензин. Энергии у нее, конечно, хоть отбавляй, но вдруг она думает, что Эмброузу нужна помощь, как Бейли? Ему стало противно. Меньше всего он хотел производить такое впечатление.

— У Ферн синдром дурнушки, — вдруг сказал Бейли. — Он же СД.

— Ферн не дурнушка, — нахмурился Эмброуз, мгновенно отвлекаясь от невеселых мыслей.

— Сейчас нет. Но когда-то была, — просто ответил Бейли. — Кривые зубы, очки с толстенными линзами. Она всегда была тощей и бледной. Непривлекательной. Совсем.

Эмброуз с отвращением посмотрел на Бейли, но тот, к его удивлению, рассмеялся.

— Ты не можешь ударить человека в инвалидной коляске, Эмброуз. Я шучу. Я просто хотел посмотреть на твою реакцию. Ферн вовсе не была уродиной, просто сама себя такой считала. Она до сих пор не осознала, что

переходный возраст уже позади и теперь она красавица. И не менее прекрасна душой — это преимущество синдрома дурнушки. Видишь ли, невзрачным девушкам приходится работать над собой, ведь они не могут взять внешностью. Не то что мы с тобой — красавчики. — Бейли ехидно улыбнулся и поиграл бровями. — Ферн даже не подозревает, что красива и поэтому бесценна. Не упusti свой шанс.

Эмброуз злился: он определенно не хотел, чтобы им манипулировали, даже Бейли Шин. Он молча вышел из фургона и, обогнув машину, подошел к бензоколонке: ему не нравилось сидеть в тепле, пока Ферн мокла под дождем. Июньский дождь был теплым, но лил как из ведра.

Ферн выбежала и увидела Эмброуза у колонки.

— Я справлюсь, садись в машину! Ты промокнешь! — крикнула она и, перепрыгивая через лужи, побежала к нему.

Загорелся дисплей колонки, Эмброуз снял заправочный пистолет и сунул его в бак. Ферн, съездившись, стояла рядом, явно не желая оставлять его одного. Она привыкла опекать брата. Но Эмброуз не Бейли.

— Полезай в фургон, Ферн. Я умею заправлять машину, — рявкнул он.

Ее футболка промокла насквозь и прилипла к груди. Эмброуз стиснул зубы и крепче сжал пистолет. Он признался себе, что всякий раз, оказываясь рядом с Ферн, с трудом отводит от нее взгляд.

На заправку въехал старый грузовик, и Эмброуз инстинктивно опустил голову, чтобы спрятать лицо. Хлопнула дверца, и за спиной раздался знакомый голос:

— Эмброуз Янг? Ты?

Он неуверенно обернулся.

— Это ты! Черт бы меня побрал. Как дела, парень? — Это был Симус О’Тул, отец Бинса.

— Мистер О’Тул, — Эмброуз кивнул, протягивая свободную руку.

Симус пожал ее и, скользнув взглядом по лицу Эмброуза, непроизвольно поморщился: в конце концов, этот парень пострадал от той же бомбы, что унесла жизнь Бинса. Его губы дрогнули, и он выпустил руку Эмброуза. Повернувшись, сказал что-то женщине, сидевшей в его машине.

Заправочный пистолет щелкнул, бак наполнился, Эмброузу не терпелось удрать, пока мистер О’Тул не видит. Он вернул пистолет на место и засунул руки в карманы. Тут из машины вышла Луиза О’Тул. Она была ниже Ферн на пару дюймов, метр пятьдесят, не больше. Низкий рост Бинс унаследовал от матери. Эмброуз узнал его в тонких чертах ее лица, и от этого его затошнило. Почему он просто не остался дома?

Луиза О’Тул была столь же вспыльчива, сколь мягок был ее муж. Бинс

говорил, что отец каждый вечер пил из-за матери. Видимо, это был единственный способ справиться с ней. Луиза запрокинула голову, чтобы посмотреть Эмброузу в глаза. Оба молчали. Ферн и Симус смотрели на них, не зная, что делать.

— Это ты виноват, — наконец сказала Луиза на своем ломаном английском. — Ты виноват во всем. Я говорила ему не идти. Но он пошел. За тобой. Теперь он мертв.

Симус неловко извинился, схватив жену за локоть, но она стряхнула его руку и сама пошла к грузовику. Ни разу не обернувшись, она забралась внутрь и резко захлопнула дверь.

— Она тоскует, парень. Скучает по нему. Не слушай ее, — сказал Симус, но оба они знали, что это ложь.

Мистер О'Тул похлопал Эмброуза по плечу и кивнул Ферн, а потом сел в машину и уехал, так и не заправив бак. Эмброуз, насквозь промокший, стоял как вкопанный посередине заправки. Наконец он сдернул кепку, в ярости кинул ее подальше и зашагал прочь от Ферн. Она побежала за ним — спотыкалась, просила подождать, но он не обращал на нее внимания. Ему нужно было уйти. Далеко бы Ферн не убежала, в машине ее ждал Бейли.

СОБРАТЬ ПАЗЛ ИЗ ТЫСЯЧИ КУСОЧКОВ

Эмброуз шел под дождем почти полчаса. В ботинках хлюпала вода. Он пожалел, что выбросил кепку. Под каждым случайным фонарем он чувствовал себя уязвимым, неспособным защититься, спрятаться. Лысая голова беспокоила его почти так же сильно, как шрамы на лице. Поэтому, когда сзади его осветили фары автомобиля, он не остановился, надеясь, что его вид испугает людей и заставит их дважды подумать, прежде чем напасть на него или, того хуже, предложить подвезти.

— Эмброуз! — Это была Ферн, напуганная и огорченная. — Эмброуз? Я отвезла Бейли домой. Пожалуйста, сядь в машину. Я отвезу тебя куда скажешь... Хорошо?

Она взяла старенький отцовский седан. Эмброуз часто видел его во дворе церкви.

— Послушай, я тебя не оставлю. Если нужно — я буду ехать следом всю ночь.

Он вздохнул. Ферн выглядывала в окно, наклонившись через сиденье — очень бледная, тушь под глазами растеклась, волосы прилипли ко лбу, футболка — к груди. Она даже не переоделась.

Наверное, Ферн поняла, что победила, — она открыла дверцу прежде, чем Эмброуз потянулся к ручке. Тепло в салоне окутало, словно наэлектризованное одеяло, и он невольно вздрогнул. Ферн потерла его предплечья так, будто спасала от мороза, а не от дождя. Потом припарковала машину на обочине и достала что-то с заднего сиденья.

— Вот. Укутайся! — велела она, бросая ему на колени полотенце. — Захватила его, когда пересаживалась в эту машину.

— Ферн. Хватит. Я в порядке.

— Ты не в порядке! Она не должна была так говорить с тобой! Я ненавижу ее! Я забросаю камнями ее дом, выбью все окна. — Голос Ферн дрогнул, и Эмброуз понял, что она вот-вот расплачется.

— Она потеряла сына, — тихо сказал Эмброуз.

Его собственная злость рассеялась, как только простая истина сорвалась с языка. Он обернул полотенцем ее волосы так, как когда-то свои. Ферн замерла: она не привыкла к прикосновениям мужских рук.

— Я никого не навещал. Не видел семью Гранта, Джесси... Марли с малышом. Мама Поли прислала мне корзину с гостинцами, когда я лежал в госпитале. Но у меня челюсть едва шевелилась, и я почти все раздал. Она и открытку отправила — пожелала мне скорее поправиться. Наверное, они с Поли похожи: оба добрые, все прощают. Но и с ней я не виделся толком, хотя она работает в пекарне. Луиза первая, с кем я столкнулся. Все произошло именно так, как я и ожидал... Знаешь, я этого заслуживаю.

Ферн не стала с ним спорить. Он чувствовал, что ей очень хочется, но она лишь вздохнула и отодвинула его руки от своей головы.

— Зачем ты вообще пошел в армию, Эмброуз? У тебя ведь была стипендия. В смысле... мне понятны патриотизм и желание служить родине, но... разве ты не хотел заниматься борьбой?

Он никогда ни с кем не говорил об этом, никогда не облакал чувства в слова, а сейчас решил:

— В классе мы сидели в последнем ряду — Бинс, Грант, Джесси, Поли и я. Они смеялись и шутили, когда вербовщик рассказывал нам о службе. Не потому что считали его слова глупыми... вовсе нет. Просто они думали, что армия — это цветочки по сравнению с занятиями у мистера Шина. Всякий борец знает, что нет ничего хуже, чем наматывать круги по залу после жесткой тренировки. Бежишь голодный, уставший, все мышцы ноют, но при этом знаешь, что если не надорвешь как следует задницу — плохо будет всей команде. Тренер снова всех заставит бежать, заметь он, что кто-то не выложился по полной. Армия нам казалась не сложнее спортивного сезона. Мы не боялись, когда записывались в добровольцы. Других парней это, должно быть, пугает. Мне, например, это казалось возможностью сбежать, провести чуть больше времени с друзьями. Я не очень-то хотел поступать в колледж и знал, что весь город рассчитывает на меня: если я провалюсь, не выступлю как следует за Пенн-Стейт, то всех подведу. Бинса уговорить было проще, чем остальных. Потом уже он всех убеждал. Поли записался последним. Четыре года ходил на борьбу только потому, что мы его позвали. Ему не нравилось бороться, но делал он это чертовски хорошо. К тому же рос без отца, и мистер Шин вроде как заменил его. Поли мечтал стать музыкантом и объехать с гитарой весь мир, но был слишком хорошим другом, любил нас, поэтому, как всегда, согласился. — Голос Эмброуза дрогнул, он яростно потер щеку, словно хотел стереть конец своей истории, переписать то, что случилось потом.

— И вот мы собрались. Мой отец плакал, мне было стыдно. Джесси надрался в ночь перед отъездом, Марли забеременела. Он так и не увидел своего малыша. Надо сходить проведать его, но я не могу... Грант был

единственным, кто воспринимал сборы всерьез. Он признался мне, что никогда прежде не молился так сильно, как перед отъездом в Ирак, а молился он постоянно. Вот почему я больше ни о чем не прошу Бога. Раз Грант погиб, я не хочу тратить время на молитвы.

— Но ведь Господь сохранил тебе жизнь, — возразила Ферн, дочь пастора до мозга костей.

— Думаешь, Бог меня спас? — скептически посмотрел на нее Эмброуз. — А как, по-твоему, чувствует себя мать Пола Кимбэлла? Или родители Гранта? Родители Джесси? Марли? Им от этого легче? Что почувствует их сын, когда подрастет и поймет, что у него был папа, которого он никогда не увидит? Мы знаем, что по этому поводу думает Луиза О’Тул. Если Бог спас меня, почему он не спас ребят? Что, моя жизнь важнее?

— Конечно, нет. — Ферн тоже повысила голос.

— Пойми, мне проще не втягивать в это Бога. Если он тут ни при чем, я могу смириться. Это жизнь: особенных нет, но в то же время особенные все — такой расклад я могу принять. Но я никогда не смирюсь с тем, что одни молитвы услышаны, а другие нет. Это порождает во мне злобу, безысходность, отчаяние! Так я жить не могу.

Ферн кивнула. Она не стала спорить, но спустя пару мгновений заговорила:

— Мой отец всегда цитирует Писание. Ищет в нем ответы на то, чего он не понимает. Я часто слышала от него такие слова: «Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших». [\[46\]](#)

— Что это значит? — вздохнул Эмброуз, пыл его поубавился.

— Думаю, это значит, что нам не дано понимать всего. Порой на некоторые вопросы сложно найти ответы. Не потому, что их в принципе нет, а потому, что, даже отыскав истину, мы ее не поймем.

Эмброуз внимательно слушал.

— Может, есть высший замысел, в котором мы — лишь маленькие части пазла. По одному из тысячи других ты ни за что не догадаешься, как будет выглядеть целая картинка. Даже рисунок на коробке не подскажет, — осторожно говорила Ферн, сомневаясь, что смысл слов понятен Эмброузу. — Быть может, каждый из нас — кусочек такого пазла. Никто не знает своей истинной роли, не знает, чем все обернется. Возможно, чудеса, которые с нами случаются, — лишь вершина коварного айсберга, а трагедии чуть позже обернутся благом.

— Ты странная, — мягко ответил Эмброуз. — Я видел, какие книги ты читаешь. На обложках — девушки с грудью наружу, а парни рвут на себе майки. И при этом цитируешь Библию. Не думаю, что до конца разгадал тебя.

— Библия меня успокаивает, а романы дарят надежду.

— Серьезно? На что же ты надеешься?

— На то, что в ближайшем будущем я буду не только обсуждать Библию с Эмброузом Янгом. — Ферн сильно покраснела и опустила голову.

Он не знал, что ответить. В неловком молчании Ферн завела машину и вырулила на дорогу. Эмброуз вспомнил слова Бейли о синдроме дурнушки. Может, Ферн подкатывала к нему только потому, что он был уродлив и она думала, что не найдет парня получше. А может, у него теперь тоже этот синдром, и он радовался даже тем крохам внимания, которые оказывала хорошенькая девушка? Но нет, Ферн на самом деле щедрая. Решение оставалось только за ним.

— Почему? — прошептал он, глядя перед собой.

— Что «почему»? — Она спросила непринужденно, но Эмброуз все же понял: ей стыдно, она явно не привыкла откровенничать с парнями.

— Почему ты ведешь себя так, будто я прежний? Как будто хочешь, чтобы я тебя поцеловал. Словно ничего не изменилось со школы.

— Некоторые вещи не изменились, — тихо ответила Ферн.

— Это нонсенс, Тейлор! — рявкнул Эмброуз, хлопнув рукой по бардачку так сильно, что Ферн подскочила. — Изменилось все! Ты красива — я отвратителен и больше тебе не нужен. А вот ты мне чертовски нужна!

— Ты считаешь, что любви достойны только красивые люди? — огрызнулась Ферн. — Я л-любила тебя не только за красоту! — Она произнесла слово на букву «л» вслух, хоть и запнулась на нем.

Въехав во двор дома Янгов, Ферн резко затормозила. Эмброуз покачал головой. Когда он стал шарить в поисках ручки на дверце, терпение Ферн лопнуло. Прилив злости придал ей достаточно храбрости, чтобы высказать все те слова, на которые в иной ситуации она бы не решилась. Схватив Эмброуза за руку, Ферн заставила посмотреть ей в глаза.

— Я была влюблена в тебя с тех пор, как ты помог мне похоронить паука в саду. Ты пел со мной так, словно это была «О благодать»,^[47] а не песня про Итси-Битси. Я любила тебя с тех пор, как ты начал цитировать мне «Гамлета», с тех пор, как сказал, что любишь колесо обозрения больше, чем американские горки, потому что мы должны наслаждаться каждым моментом, а не мчаться по жизни на полной скорости. Я перечитывала твои записки Рите. Мне казалось, это частички твоей души, и

каждое слово сияло блаженным светом. Они писались не для меня, но это было не важно. Я влюбилась в каждое слово, в каждую мысль, в тебя... Очень сильно!

Эмброуз понял, что непроизвольно задержал дыхание, и шумно выдохнул, не сводя глаз с Ферн, которая говорила уже шепотом.

— Когда я слышала о взрыве в Ираке... Ты знал, что сначала позвонили моему отцу? Он сообщал весть семьям вместе с офицерами.

Эмброуз покачал головой — он не знал, потому что никогда не хотел знать, как в городе встречали новость о смерти его друзей...

— Я только о тебе и думала. — Ферн едва сдерживала слезы. — Мое сердце болело и за других... особенно за Поли. Но думать я могла только о тебе. Мы не сразу узнали, что с тобой стало. Я пообещала себе, что, если ты вернешься, я не побоюсь признаться тебе в своих чувствах. Но мне по-прежнему страшно. Насильно мил не будешь.

Эмброуз привлек ее к себе. Объятия вышли неловкими: на обоих была мокрая одежда. Но Ферн положила голову ему на плечо, и Эмброуз погладил ее по волосам, поражаясь тому, насколько приятнее заботиться о ком-то, чем получать внимание самому. Мама, папа, врачи заботились о нем все то время, что он находился в больнице. У него же не было возможности кого-нибудь утешить, разделить с кем-либо беду.

Немного погодя Ферн отстранилась и вытерла слезы. Эмброуз не ответил ей взаимным признанием, надеясь, что она и не ждет. Он не понимал своих чувств. Словно связанный миллионом узлов, не хотел произносить слова, в которых не был уверен. Но его тронула ее смелость, и, несмотря на смущение и отчаяние, он ей верил. Верил: она любила его. Может, когда-нибудь все узлы распутаются, и этот момент окончательно свяжет их жизни. А может, она просто позволит ему уйти.

Удивительно, но после признания общаться с Эмброузом стало проще. Он больше не скрывал лицо, не прятался постоянно на кухне, чаще улыбался, смеялся, дразнил Ферн. Однажды вечером он застал ее за кассой с книгой.

Ферн читала романы с тринадцати лет. Она влюбилась в Гилберта Блайта, героя «Энн из Зеленых Крыш»,^[48] и с тех пор жаждала все новых и новых сюжетов, а потом наткнулась на книги издательства «Арлекин».^[49] Мать упала бы в обморок, узнай, сколько запретных любовных романов прочла ее дочь летом перед восьмым классом. С тех пор Ферн встречалась с миллионами книжных бойфрендов.

В тот день Эмброуз выхватил у нее книжку. В ужасе она попыталась ее отнять, не желая, чтобы он увидел то, чем она так увлеклась, а он просто поднял книгу к самому лицу и обхватил Ферн свободной рукой. Эмброуз напоминал большого и сильного вола — любые попытки высвободиться из его объятий были совершенно напрасными. Она сдалась и затаила дыхание в ожидании взрыва хохота, щеки ее пылали.

Янг несколько минут читал в тишине.

— Что ж. — Казалось, он был немного смущен. — Это... интересно. — Эмброуз немного ослабил хватку, Ферн тотчас вынырнула из-под его руки, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо и глядя куда угодно, но не на друга.

— Что именно интересно? — живо спросила она, забыв о смущении.

— И часто ты такое читаешь? — вопросом на вопрос ответил Эмброуз.

— Эй, не списывай эти книги со счетов, пока сам не прочитаешь хоть одну до конца, — мягко возразила Ферн и пожала плечами.

— Но ведь это все... ты не пробовала ничего из того, о чем здесь пишут. Или пробовала? — Эмброуз ткнул ее пальцем в бок.

Ферн скривилась и хлопнула его по руке.

— Так пробовала? — не унимался Эмброуз, не сводя с нее глаз.

— Пробовала что? — удивленно прошептала Ферн.

— Что ж, давай поглядим. — Он пролистал несколько страниц. — Как насчет этого? — Он начал читать — медленно, томно, сердце Ферн бешено заколотилось. — «Он толкнул ее на подушки и провел рукой по гладкой

коже. Ее грудь вздымалась в лихорадочном предвкушении...»

Ферн в отчаянии бросилась на Эмброуза и на этот раз выбила книжку у него из рук, отчего та перелетела через несколько касс и шлепнулась в продуктовую тележку.

— Так пробовала или нет? — Голос его был совершенно серьезен, но по взгляду Ферн понимала: он смеется над ней.

— Да! — выпалила она. — Конечно! Много раз. Это было... прекрасно! Мне очень понравилось! — Ферн схватила тряпку и принялась полировать безупречно чистую кассу.

Эмброуз подошел ближе и прошептал ей на ухо:

— С кем же тебе было так хорошо?

Волосы, выбившиеся из ее хвоста, щекотали щеку. Ферн бросила тряпку и, возмущенная, обернулась, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Перестань! Ты меня смущаешь.

— Знаю, — усмехнулся Эмброуз. — Не могу ничего поделать, ты слишком милая.

Слова вырвались совершенно случайно, и он напрягся, а потом, внезапно смутившись, отвернулся.

Монотонная музыка в магазине сменилась композицией Барри Манилоу,^[50] и Ферн тут же пожалела, что так резко ответила Эмброузу: нужно было разрешить ему еще немного ее подразнить. Он вел себя так непринужденно и вот теперь снова закрылся. Не сказав больше ни слова, Янг пошел в пекарню.

— Не уходи, — окликнула его Ферн. — Ты прав. Все это мне незнакомо. Ты единственный, кто меня целовал. И ты был пьян, так что можешь дразнить меня этим сколько хочешь.

Эмброуз обернулся. Он несколько секунд размышлял над ее словами, а потом спросил:

— Ты с упоением читаешь романы и пишешь поразительные любовные письма. — Сердце Ферн замерло. — Как тебе удалось закончить школу и ни с кем не поцеловаться?

Ферн сглотнула, сердце заколотилось снова. Эмброуз смотрел на нее, очевидно, дожидаясь ответа.

— Это довольно легко, если ты рыжая тощая девчонка в очках и с брекетами, — сухо ответила она как ни в чем не бывало.

Эмброуз снова улыбнулся и немного расслабился.

— Так поцелуй на озере был первым?

— Да. Мой первый поцелуй украл единственный и неповторимый Эмброуз Янг. — Ферн улыбнулась и наигранно похлопала ресницами.

Но он не засмеялся. И даже не улыбнулся. Его глаза что-то искали в лице Ферн.

— Смеешься надо мной?

Ферн отчаянно замотала головой. Ну почему она вечно несет чушь!

— Нет! Прости, глупо получилось. Я только хотела, чтобы ты снова улыбнулся.

— Да, это, должно быть, весело, — сказал Эмброуз. — Единственный и неповторимый Эмброуз Янг... да. Этим и впрямь можно гордиться. Поцелуй уродливого подонка, которого половина города не желает видеть.

Он ушел, больше не взглянув на нее. Барри Манилоу плакал о девушке по имени Мэнли, и Ферн была готова заплакать вместе с ним.

* * *

Ферн закрыла магазин в полночь, как делала это всегда с понедельника по пятницу. Она не боялась ехать домой на велосипеде так поздно, даже не смотрела по сторонам, открывая тяжелую дверь служебного входа и запирая ее. Мысленно она была уже дома и продолжала писать свой роман.

— Ферн? — Кто-то окликнул ее слева.

Она не успела ничего понять, как ее прижали спиной к стене. Ударившись головой, она поморщилась.

Парковка для покупателей плохо освещалась, а на служебной фонарей не было вовсе. Ферн никогда на это не жаловалась. Лунный свет почти не освещал человека, но все же она узнала широкие плечи и скрытое тенью лицо.

— Эмброуз?

Он осторожно коснулся ее ушибленного затылка. Макушкой она едва доставала ему до плеча. Ферн запрокинула голову, чтобы разглядеть выражение его лица, но ничего не увидела. Лишь на мгновение она испугалась: вдруг пострадало не только его лицо и травмы оказались куда более глубокими? Но сомнения прошли сразу же, когда Эмброуз ее поцеловал.

Страх сменился удивлением, а потом... потом Ферн утонула в ощущениях от этого поцелуя. Колючая щетина, теплое дыхание, губы с привкусом корицы и сахара — наверное, недавно он пробовал выпечку. Эмброуз как будто не был уверен, что Ферн не оттолкнет его, — нежность плохо сочеталась с такой страстью. Но Ферн не вырвалась, и он облегченно вздохнул. Руки, державшие ее лицо, расслабились и опустились ей на

плечи. Он привлек ее ближе, на этот раз поцелуй был увереннее.

Трепещущее тепло поползло по ее напряженному телу. Она узнала его — это было желание. Влечение. Страсть? Она никогда не испытывала страсти. Только читала о ней. Чувствовать ее самой было так необычно. Она приподнялась на носочки и обхватила ладонями лицо Эмброуза, не желая больше его отпускать и надеясь, что он будет рядом еще хоть минуту. На ощупь его правая щека отличалась от левой, но сейчас это было не важно. Эмброуз резко сжал ее руки в своих.

— Вот. Гораздо лучше, чем в первый раз, — прошептал он.

У Ферн кружилась голова. Опыаненная поцелуем, она не могла найти слов. Эмброуз отпустил ее и ушел в пекарню, даже не попрощавшись. Ферн провожала его взглядом до самой двери, и когда та захлопнулась, ее сердце полетело следом, как преданный щенок.

Одного поцелуя недостаточно.

* * *

На следующий день около полуночи Бейли Шин въехал в пекарню так непринужденно, словно был ее владельцем. Очевидно, его впустила Ферн, но сама она будто пропала — Эмброуз убедил себя, что ему все равно. Вместе с Бейли вбежал кот. Он следовал за хозяином и чувствовал себя так же уверенно.

— Сюда нельзя с животными, Шин.

— Я в инвалидной коляске, чувак. Ты запретишь моему коту-поводырю сопровождать меня? Вообще-то тебе он тоже может пригодиться. Одно из преимуществ моего жалкого положения в том, что обычно я получаю все, что захочу. Слышал, Дэн Гейбл? Он назвал тебя животным. Вперед, мальчик. Задай ему жару!

Кот невозмутимо обнюхивал полку.

— Ты назвал кота Дэн Гейбл?

— Да. Дэн Гейбл Шин. Он у меня с тринадцати лет. В тот мой день рождения мама отвезла нас с Ферн на ферму, и мы выбрали себе по котенку. Я назвал своего Дэн Гейбл, а она свою — Нора Робертс.

— Нора Робертс?

— Ага. Кажется, это какая-то писательница. К несчастью, Нора Робертс залетела и умерла при родах.

— Писательница?

— Нет! Кошка. Ферн никогда не везло с питомцами. Она окружает их

любовью и заботой, а они в благодарность отбрасывают копыта. Она слишком открытая.

Это в ней Эмброузу и нравилось — ни капли притворства. Но он не собирался признаваться в этом Бейли.

— Я пытался обучить Дэна Гейбла борцовским приемам — просто чтобы он соответствовал имени, но пока он умеет только растягиваться. Хотя, знаешь, растяжка — это ведь основа основ. И это даже больше, чем я сам могу сделать, — усмехнулся Бейли.

Дэн Гейбл — борец, олимпийский чемпион. За всю Олимпиаду^[51] он не уступил ни одного очка противнику. Когда он закончил Айова-Стейт, у него было всего одно поражение. Дэн тренировал «Айова Хоукайс» и стал настоящей легендой спорта, но Эмброуз сомневался, что Дэн был бы польщен, узнай он, что в его честь назвали кота.

Дэн Гейбл-кот потерял о ногу Эмброуза, но потерял к нему интерес, как только Бейли постучал по колену кончиками пальцев. Кот тут же запрыгнул на него, Шин похвалил его и погладил.

— Говорят, животные — хорошее лекарство. Вообще-то я хотел щенка. Ну, знаешь, лучший друг человека — пес, верный парню, который не может ходить. Всем достать носовые платки. Но мама была против. Она села за кухонный стол и заплакала, когда я попросил собаку.

— Почему? — удивился Эмброуз. Насколько он знал, Энджи Шин — прекрасная мама. Странно, что они с Майком не подарили сыну щенка, например, на Рождество.

— Ты знаешь, что я даже задницу сам подтереть не могу? — спросил Бейли, глядя Эмброузу в глаза.

— Э-э-э...

— А еще, если наклонюсь вперед за чем-нибудь слишком сильно, то не могу выпрямиться. Как-то раз я полчаса проболтался, пока мама не вернулась домой и не усадила меня нормально.

Эмброуз молчал.

— Моя хрупкая мать может поднять меня под руки и усадить на стул в душе. Она моет меня, одевает, чистит зубы и причесывает. Делает все. Они с отцом по очереди переворачивают меня по ночам с одного бока на другой, потому что сам я это сделать не могу, а если долго лежу в одном положении, у меня все затекает. И так каждую ночь с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать.

У Эмброуза ком стоял в горле, но Бейли не унимался:

— Поэтому, когда я сказал, что хочу щенка, это стало последней каплей. Она не могла заботиться о ком-то еще. Мы нашли компромисс. За

котом не нужен особый уход. Ферн обычно кормит его и меняет в лотке опилки. Думаю, у них с мамой договор на этот счет, но ни одна не признается.

— Черт! — Пораженный, Эмброуз провел рукой по бритой голове. Он не находил слов.

— Когда ты вернешься в спорт, Броузи?

Так его звали только друзья. Наверное, Бейли сделал это специально.

— Я хочу снова увидеть тебя в строю. Мне мало кота, названного в честь олимпийского чемпиона.

Дэн Гейбл мяукнул и спрыгнул с колен Бейли, как будто обиделся.

— Вот так легко он меня бросает, — вздохнул Бейли.

— Я ничего не вижу правым глазом и не слышу правым ухом, Бейли. Я не замечу противника! Меня свалят с ног прежде, чем я пойму, что происходит. К тому же у меня плохо с равновесием. Все полетело к чертям. Не очень-то хочется проигрывать на глазах у сотен людей.

— Будешь просто печь кексы?

Эмброуз зло посмотрел на Бейли, и тот улыбнулся:

— Сколько ты выжимаешь от скамьи, Броузи?

— Может, перестанешь меня так называть?

Бейли искренне удивился:

— Почему?

— Потому что ну... ну... просто зови меня Эмброуз.

— Так сколько? 200, 250 килограммов?

Эмброуз смерил его испепеляющим взглядом.

— Только не говори, что ты не поднимал штангу, — сказал Бейли. — Я же вижу. У тебя, конечно, хорошее телосложение от природы, но ты весь словно выточен. У тебя приличный вес, а его дают мышцы.

«И это мне говорит парнишка, который в жизни не поднял ни одной гантели», — подумал Эмброуз, качая головой и отправляя очередной противень с кексами в духовку.

— Так в чем дело? У тебя прекрасное тело, большое и сильное. Ты не должен прятать его от мира, чувак.

— Если бы я плохо тебя знал, то подумал бы, что ты на меня запал.

— Ты каждый вечер стоишь голым перед зеркалом и напрягаешь мышцы? Тогда иди сниматься актером в фильмах для взрослых. Хоть какая-то польза будет от мускулов.

— Вот снова ты рассуждаешь о том, чего не понимаешь, — возразил Эмброуз. — Ферн читает любовные романы, а ты вдруг записался в Хью Хефнеры. ^[52] Ни ты, ни она не вправе учить меня жить.

— А Ферн учила? — удивился Бейли, проигнорировав слова Эмброуза.

— Писала мне мотивирующие послания.

— Ах, да. Это на нее похоже. А что именно? Верь в себя? Мечтай? Женись на мне?

Эмброуз расхохотался.

— Ну же, Броуз... Эмброуз, — поправил Бейли. — Разве ты не думал вернуться? Летом спортзал моего отца открыт для всех. Он от счастья штаны намочит, если ты изъявишь желание потренироваться. Думаешь, ему не трудно? Когда он слышал... Джесси, Бинс, Грант, Поли... они были дороги не только тебе. Он воспринимал их как своих детей. Все мы их любили. — Голос Бейли задрожал. — Ты хоть раз об этом задумывался?

— Думаешь, я не понимаю? Еще как понимаю! — воскликнул Эмброуз. — В этом и проблема, Шин. Если бы только я их потерял... Если бы только мне было больно — было бы легче...

— Но мы не только их потеряли, — перебил его Бейли. — Тебя тоже! Тебе хоть раз пришло в голову, что весь город по тебе скорбит?

— Они скорбят по звезде, по своему Гераклу. Вряд ли я вернусь в борьбу, Бейли. Им нужен парень, побеждающий в каждом бою, у которого есть шанс попасть в олимпийскую сборную. А не лысый урод, который и свистка не услышит, если он прозвучит не с той стороны.

— Я только что рассказал, что не могу сам ходить в туалет. Мне приходится звать маму, когда нужно спустить штаны, высморкаться или помазать дезодорантом подмышки. Уже в школе мне нужна была чья-то помощь. Почти во всем! Мне было стыдно. Я злился. Но это был, черт возьми, единственный выход! Во мне не осталось гордости, Эмброуз. Совсем. Пришлось выбирать между гордостью и жизнью. Ты тоже должен сделать выбор: можешь беречь свою гордость и торчать здесь, печь кексы, жиреть и стариться — все очень быстро махнут на тебя рукой. Или променяй гордость на секунду унижения — и верни свою жизнь.

ЗАБРАТЬСЯ ПО КАНАТУ

Бейли никогда не ходил к памятнику Поли, Джесси, Бинсу и Гранту, и Эмброуз понимал почему. Холм, на котором его поставили, был слишком крут для инвалидной коляски — ни взобраться, ни спуститься. Город вроде собирал деньги на то, чтобы заасфальтировать тропинку, но пока руки до этого не дошли.

Когда Бейли рассказывал о памятнике, Эмброуз понял, как сильно тот хотел к нему подняться. Когда-нибудь он отвезет его туда, но сейчас пойдет один. Он откладывал это почти шесть месяцев — с тех пор, как вернулся в Ханна-Лейк. Но разговор о кексах, унижении, отсутствии гордости у Бейли убедил его: настало время действовать.

Эмброуз начал взбираться на холм, на вершине которого, с прекрасным видом на город, были похоронены его друзья. Их могилы расположились в ряд: четыре белых надгробия, глядящих на школу, где они вместе боролись и играли в футбол, где постепенно выросли. Рядом с могилами стояла скамья, а за поляной раскинулись густые деревья. Здесь было хорошо — тихо и спокойно. На могилах лежали цветы, несколько записок и плюшевые игрушки. Сюда приходят часто, и это приятно, но Эмброуз надеялся, что сегодня побудет с друзьями наедине.

Поли и Грант лежали в центре, Бинс и Джесси — по левую и правую сторону. Забавно. В жизни было примерно так же: Поли и Грант — остов их компании, Бинс и Джесси — эмоциональная поддержка. Они вечно на все жаловались и не стеснялись говорить в лицо, что ты козел, но в конце концов именно на них всегда можно было рассчитывать. Эмброуз присел на корточки и прочел слова, написанные на надгробиях.

Коннор Лоренцо «Бинс» О’Тул

8 мая 1984–2 июля 2004

Mi hijo, Mi corazon^[53]

Пол Остин Кимбэлл

29 июня 1984–2 июля 2004

Любимый друг, брат и сын

Грант Крейг Нильсон
1 ноября 1983–2 июля 2004
Навсегда в наших сердцах

Джесси Брукс Джордан
24 октября 1983–2 июля 2004
Отец, сын, солдат, друг

«Бороться до конца» — гласила надпись на каменной скамье. Эмброуз провел по ней пальцем. Так всегда говорил мистер Шин, точнее, кричал во время боя. Тренеру не важен был результат. Он хотел, чтобы его парни боролись до финального свистка.

Эмброуз присел на скамью и окинул взглядом долину, город, где прожил всю жизнь, за исключением года, который все изменил. Он поговорил с друзьями — не потому, что верил, будто они его слышат, а потому, что хотел высказаться.

Он передал им слова Бейли — о том, что нужно вернуть свою жизнь. Он не был уверен, что до конца понимает значение этой фразы. Иногда жизнь нельзя вернуть — только начать новую, но он не знал, как будет выглядеть его. Он вспомнил Ферн. Может быть, она станет частью этой новой жизни, но о ней Эмброуз не упомянул. Еще слишком рано. Его друзья слишком часто смеялись над рыжей девчушкой, не воспринимая ее всерьез, поэтому, чтобы защитить Ферн, он оставил мысли о ней при себе, в самом сердце.

Когда солнце начало опускаться за верхушки деревьев, Эмброуз побрел вниз по склону холма. Он был рад, что наконец нашел в себе силы сюда взобраться.

* * *

В спортзале пахло потом, хлоркой и воспоминаниями. Хорошими воспоминаниями. Два длинных каната висели по углам — на них он взбирался тысячу раз. На полу лежали маты — толстые резиновые полотна с кругами, отметками внутренней зоны, и линиями, с которых начинался бой. Мистер Шин подметал их, как делал, должно быть, больше тысячи раз — за свою-то тридцатилетнюю карьеру.

— Здравствуете, тренер, — тихо сказал Эмброуз, вспоминая, сколько раз отказывал тренеру после того, как вернулся домой.

Погруженный в свои мысли и не ждавший гостей, мистер Шин удивленно поднял голову.

— Эмброуз! — Его лицо засветилось такой искренней радостью, что Эмброуз жадно сглотнул. Зачем было так долго отворачиваться от своего старого тренера?

Майк Шин прекратил подметать и оперся на метлу.

— Как поживаешь, солдат?

Эмброуз поморщился. Вина и скорбь, как тяжелые цепи, сопровождали это слово. Его гордость за служение родине была стерта потерей друзей и виной, которую он чувствовал за их смерть. Пусть герои носят этот титул. Он этого недостоин.

От Майка не ускользнули эмоции гостя — он прищурился. Сердце тренера дрогнуло. Эмброуз Янг — феномен, настоящий монстр спорта. Любой тренер мечтал взять его в свою сборную. Не потому, что его победы могли принести славу, а потому, что воспитание будущей легенды захватывало и вдохновляло. Возможно, Эмброуз снова мог стать звездой. Но, глядя на него, мнущегося у дверей, Майк Шин начал в этом сомневаться.

Тренер увидел иронию в том, что Эмброуз лишился волос. Обычно он все схватывал на лету и выполнял все требования тренера, но стричься отказался наотрез. Он пообещал мистеру Шину убирать волосы в хвост на время тренировок и на соревнованиях. Тренер пошел на это при условии, что Эмброуз станет для всех примером в остальном. Если другие ребята начнут отпускать волосы, халтурить на тренировках или неуважительно относиться к команде, Янг будет лично за это отвечать — и подстрижется. Эмброуз выполнил свою часть уговора. Он стал капитаном. В дни соревнований он приходил в школу в парадных брюках и белой рубашке с галстуком и настаивал, чтобы другие парни одевались так же. Он всегда первым приходил на тренировку, а уходил с нее последним, работал лучше всех и уверенно вел команду. Мистер Шин всегда считал эту сделку лучшей в своей жизни.

Теперь Эмброуз был лысым. Вместе с волосами пропала его целеустремленность и уверенность в себе. Единственным зрячим глазом он нервно озирался по сторонам. Тренер невольно подумал, бывает ли такая вещь, как второй шанс. Телом Эмброуз мог быть все так же силен, но вот духом...

Эмброуз подошел к тренеру, сжимая в руках форму и чувствуя себя самозванцем, хотя любил это место больше всего на свете.

— Я говорил с Бейли. Он сказал, что вы будете здесь.

— Да? Ну что ж, так и есть. Хочешь потренироваться? Тряхнуть стариной? — Майк Шин задержал дыхание.

Эмброуз кивнул. Один раз. И тренер с облегчением выдохнул.

— Хорошо. Давай немножко разомнемся.

* * *

— Можешь записаться на балет или какую-нибудь гимнастику, — предложил мистер Шин, когда Эмброуз в десятый раз потерял равновесие и рухнул на мат. — Мы советовали это многим футболистам со слабым вестибулярным аппаратом. Но ты, пожалуй, будешь смотреться слишком странно в пачке среди маленьких девочек — они решат, что хореограф ставит с ними «Красавицу и Чудовище».

Эмброуз опешил от этих слов. Тренер не стеснялся называть вещи своими именами. Бейли такой же.

— Ты снова научишься держать равновесие, если продолжишь тренировки. Включится мышечная память. Твое тело знает, что делать, — уверял тренер. — Ты просто сомневаешься в себе. Черт возьми, да заткни ватой второе ухо и проверь, не легче ли тебе будет бороться, совсем ничего не слыша.

На следующий вечер Эмброуз последовал его совету. Полное отсутствие слуха немного исправило положение. То, что он видел лишь одним глазом, тоже не было помехой: Эмброуз боролся с противником, не спуская с него рук. Мир знал и слепых, и глухих борцов, даже борцов без ног. Поблажек им никто не делал, но и со счетов не сбрасывал. Если ты готов соревноваться, тебя пускают на мат, и пусть побелит сильнейший. Этот спорт поощрял индивидуальность. Приходи, превращай свои слабости в достоинства и побеждай. Все просто.

У Эмброуза никогда раньше не было слабостей. Для него такая борьба была в новинку. Тренер Шин гонял его до изнеможения, потом заставлял отрабатывать те же улары с другой стороны, а напоследок требовал взбираться по канату. Одно дело лезть вверх, когда в тебе метр шестьдесят роста и пятьдесят шесть килограммов веса, но совсем другое — когда ты вымахал до ста девяноста и вешишь чуть меньше сотни. Эмброуз терпеть не мог канаты. Но все же забирался наверх. Каждый вечер.

ФЕЙЕРВЕРКИ ИЛИ ПАРАДЫ?

* * *

— Как думаешь, Шин захочет пойти с нами? — спросил Эмброуз Ферн, когда она вышла на крыльцо.

Он был рад, что Ферн выбрала фейерверки. На парадах довольно скучно, палит солнце, люди недоуменно таращатся друг на друга, а фейерверки на школьном поле в День независимости всегда устраивают отличные.

— Бейли в Филадельфии.

Эмброуз втайне обрадовался: ему нравился Шин, но он хотел побыть с Ферн наедине.

— Пройдемся пешком? — предложила она. — Погода славная, да и поле не так далеко.

Эмброуз согласился.

— Что Бейли делает в Филадельфии? — спросил он немного погодя.

— Каждый год в День независимости Бейли с родителями ездит в Филадельфию. Они идут в Музей искусств, и Майк на руках несет Бейли по лестнице из семидесяти двух ступенек. Это как сцена из «Рокки». ^[54] Энджи помогает Бейли поднять руки, и вместе они кричат: «Еще один год!» Бейли обожает Рокки. Ты удивлен?

— Нет, совсем нет, — ответил Эмброуз, поджав губы.

— Впервые они отправились в отпуск в Филадельфию, когда Бейли было восемь. Он тогда еще сам взбирался по ступенькам. У них в гостиной есть фото, на котором он танцует с поднятыми руками.

— Я видел, — сказал Эмброуз, осознав теперь значимость фотографии, стоявшей на самом видном месте в доме Шинов.

— Они так здорово провели время, что на следующий год поехали снова, и Бейли опять взобрался по ступеням. Поездка становилась для них год от года все важнее. Когда Бейли исполнилось одиннадцать, он не смог подняться ни на одну ступеньку. Тогда дядя Майк взял его на руки.

— Еще один год?

— Да. Бейли уже бросает вызов статистике. Большинство детей с Дюшенном не доживают до его возраста. А если и доживают, то выглядят не такими здоровыми, как Бейли. Двадцать первый день рождения стал для него знаковым событием, он закатил грандиозную вечеринку. Надеюсь, он продолжит бить рекорды.

Эмброуз расстелил одеяло на краю поля, подальше от других людей. Ферн уселась возле него, и почти сразу раздались первые залпы. Эмброуз лег на спину, вытягиваясь во весь рост и занимая большую часть маленького одеяла. Ферн тоже осторожно прилегла — она еще никогда так не проводила время с парнем.

Они не держались за руки, Ферн не положила голову ему на плечо, хотя ей очень хотелось. Большую часть своей жизни она хотела, чтобы он увидел ее настоящую. Не рыжие волосы и не веснушчатый нос, не очки, которые делали ее глаза похожими на «чокопай», не брекететы и не худобу. Теперь же, когда она преобразилась, — веснушки не в счет — Ферн мечтала, чтобы он заметил ее карие глаза, не спрятанные за очками, оформившуюся фигуру, ровные и белые зубы.

Любовь к Эмброузу словно стала ее частью. Слушая патриотическую музыку, сопровождавшую залпы фейерверков, Ферн была счастлива, что Эмброуз сейчас рядом, что судьба свела их вместе, что, кажется, она ему нравится и он вернулся к ней, в их родной город. И постепенно возвращается к себе. На глаза Ферн навернулись слезы и теплыми ручейками потекли по щекам. Чтобы не привлекать внимание Эмброуза, она не вытирала их, а просто смотрела на снопы огней, взрывающиеся и расцветающие в небе.

Не напоминают ли Эмброузу эти взрывы о войне? Может, в этот момент он не с ней, а где-то в Ираке, в воспоминаниях о придорожных бомбах и друзьях, не вернувшихся домой. Ферн потянулась и положила руку на его большую ладонь, пальцы которой тут же сомкнулись вокруг ее, нежно, словно он держал раненую птицу. Они посмотрели фейерверк до конца, не говоря ни слова. Ферн украдкой любовалась профилем Эмброуза: в темноте, между вспышками, лицо его казалось не менее прекрасным, чем было раньше. Отсутствие волос его совсем не портило.

После грандиозного финального залпа зрители стали расходиться. Никто не заметил Ферн и Эмброуза за дорожками для бега и воротами. Когда все разошлись и дымка в небе рассеялась, воздух наполнился ночными звуками: стрекотали сверчки, ветер мягко шелестел в кронах деревьев, росших по краю поля. Ферн и Эмброуз лежали неподвижно, не

желая нарушать тишину. Им нравилось думать, что мир вокруг них замер.

— Ты красивый, — тихо сказала Ферн, повернувшись к нему.

Секунду он молчал, но не отстранился, не застонал и не стал с ней спорить.

— Думаю, эти слова больше подходят тебе, чем мне, — наконец сказал он, тоже поворачиваясь к ней.

Лицо Ферн было залито лунным светом: темные озера глаз, маленький нос, чувственные губы, приподнятые брови — она не совсем поняла, о чем он.

— Знаешь, говорят, красота в глазах смотрящего? — продолжил Эмброуз.

— Ага.

— Я всегда думал, это означает, что у всех разные вкусы, предпочтения... понимаешь? Одни парни смотрят на женские ноги, другие предпочитают блондинок, третьим нравятся девушки с длинными волосами, и все в таком духе. Я никогда особенно об этом не задумывался до твоих слов. Может быть, ты видишь во мне красоту, потому что сама прекрасна?

— Внутренне?

— Да.

Ферн помолчала, думая над его словами, а потом прошептала:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду... и мне приятно. Но мне было бы намного приятней, если бы ты — хоть раз — счел меня красивой и внешне.

Эмброуз усмехнулся, но тут же посерьезнел. Кажется, она не шутит и не флиртует. Черт. Снова этот синдром дурнушки. Он не знал, как заставить ее поверить в то, что она больше чем просто красива, поэтому поцеловал ее — осторожно, не так, как той ночью, когда случайно толкнул к стене. Пусть Ферн почувствует его нежность. Эмброуз почти сразу же отстранился, не позволяя себе потерять голову. Он тихо восхищался Ферн, а не норовил сорвать с нее одежду. К тому же не до конца понимал, жаждет ли она поцелуя или просто отвечает на него из жалости. От этой мысли ему стало горько.

Ферн раздраженно вздохнула и села, проводя рукой по волосам. Они скользнули сквозь пальцы и упали ей на спину. Эмброузу захотелось зарыться лицом в эти локоны и вдохнуть их запах, но, кажется, он ее чем-то обидел.

— Прости, Ферн.

— За что? — сорвалась она, уставившись на него с такой злостью, что

он поморщился. — Почему ты извиняешься?

— Ты расстроилась.

— Меня бесит, что ты отстранился! Раздражает твоя осторожность!

Немного удивленный, Эмброуз тут же улыбнулся: ему понравилось то, что он услышал, но улыбка померкла, когда он начал объясняться:

— Ты такая маленькая, Ферн. Хрупкая. Все это для тебя непривычно. Я не хочу показаться слишком настойчивым, не хочу сделать тебе больно. — Это страшнее, чем просто от нее уйти. Он не пережил бы. Он потерял слишком многих.

Ферн села перед ним на колени, у нее дрожал подбородок. Она взяла его лицо обеими руками, и когда он попытался увернуться, не отпустила, заставляя посмотреть себе в глаза.

— Эмброуз! Я всю жизнь ждала того момента, когда ты меня захочешь. Если ты будешь обнимать меня так робко — это хуже, чем если бы ты совсем меня не обнимал. Уж будь добр убеди меня в своей искренности.

— Я боюсь сделать тебе больно, — хрипло повторил он.

— Тогда не делай, — прошептала она.

Боль можно причинить разными способами. Эмброуз это знал, но оставил попытки увернуться и поплыл по течению. Он давно никому не позволял к себе прикасаться. Маленькие руки Ферн пробуждали в нем бурные чувства. Она заставляла его дрожать, все внутри него завибрировало, как воздух перед грозой. Ее руки переместились на его шею — с одной стороны гладкую, а с другой испещренную шрамами. Она не отдернула пальцев, но провела ими по каждому, будто запоминая, а потом наклонилась и поцеловала подбородок. Затем снова — уже с другой стороны, давая понять, что в этих поцелуях нет жалости, только желание. Эмброуз поддался ее ласке, теряя над собой контроль.

Ферн легла на спину, Эмброуз склонился над ней и провел ладонью по лицу. Его губы не встретили сопротивления — он просто потребовал поцелуя, и она ответила, раскрываясь перед ним, отдавая в его власть свое тело. Эмброуз почувствовал, как ее руки скользнули под его футболку, пальцы коснулись спины — и у него перехватило дыхание. На мгновение он прервал поцелуй, закрыв глаза, вдохнув сладкий запах ее шеи. Ферн возбужденно дышала и, казалось, тоже теряла контроль. Нежно, почти по-матерински, она поцеловала его голову, водя по ней руками. Очередная попытка совладать с собой провалилась: Эмброуз накрыл рукой ее грудь, лаская большим пальцем скрытое от глаз. Ему хотелось стянуть с нее блузку.

Но Ферн никто больше не целовал, и, прежде чем зайти дальше, он хотел подарить ей еще больше поцелуев: она их заслуживала. С сожалением он опустил руку и обнял ее за талию. Ферн выгнулась под ним, протестуя, и вздохнула так, что кровь у него закипела, а сердце бешено заколотилось. Ее губы, нежные, ищущие, вновь встретились с его губами, и Эмброуз Янг понял, что влюбился в Ферн Тейлор.

* * *

— Смотрите, кто пришел! — крикнул Бейли, въезжая в магазин.

Следом вошла улыбающаяся Рита с сыном на руках. Ферн радостно завизжала и подлетела к подруге. Она забрала у нее белокурого мальчика и стала осыпать его личико поцелуями. Очевидно, Беккера не было в городе, и Рита, когда возвращалась домой от матери, увидела Бейли. Он убедил ее: караоке и немного танцев — то, что ей сейчас нужно.

И вот уже Бейли с Таем на коленях под оглушительную музыку катался между рядами супермаркета, приводя малыша в восторг. Рита улыбалась и бегала за ними. Как и Ферн, она изменилась. Эмброуз не понимал, как можно было столь сильно преобразиться за несколько лет, учитывая, что Беккер Гарт, например, остался прежним. Только теперь его главной жертвой стала жена. Рита была красива, но выглядела измотанной и подавленной. Эмброузу показалось, что ей неловко встречаться с ним взглядом, поэтому он ушел в пекарню.

— Эмброуз? — В дверях улыбалась Ферн.

Он улыбнулся в ответ, наслаждаясь тем, как она на него смотрит.

— Выйди к нам, всего на минутку.

— На минутку? Мне здесь нравится больше, — мягко возразил он.

— Мы ставим диски с лучшими хитами Шина и Тейлор, все наши любимые песни. Я хочу с тобой потанцевать.

Эмброуз застонал. Ох уж эти Ферн и Бейли. Конечно, у них был диск с лучшими хитами. И он бы с радостью потанцевал с Ферн — он бы делал с ней все что угодно, но только на кухне, где никто бы их не увидел.

Ферн начала тянуть его обеими руками, упрашивая пойти.

— Следующая песня — моя самая-самая любимая.

Эмброуз вздохнул и двинулся за ней. Интересно, что это за самая-самая. Теперь он хотел знать о Ферн все.

— Как-то раз я сказала Бейли, что если умру раньше него — а это была его самая большая мечта лет в десять, — он просто обязан поставить

эту песню на моих похоронах. И заставить всех танцевать. Слушай! Только попробуй сказать, что от нее на душе не становится лучше.

Она с нетерпением ждала его реакции, и Эмброуз прислушался к первым тактам. Бейли и Ферн завывли в унисон с Принцем и начали неистово танцевать. Рита засмеялась, завопила и немедленно присоединилась к ним с Тайлером на руках. Эмброуз не танцевал, но с удовольствием следил за шоу.

У Ферн напрочь отсутствовало чувство ритма, да и Бейли был не лучше. Он двигал свою коляску взад-вперед, качал головой и наслаждался моментом. Рита танцевала вокруг Бейли, но ее движения казались скованными, вряд ли ей было действительно весело. Ферн трясла попой и качала локтями, невпопад щелкая пальцами и прихлопывая, искренне и непринужденно. Эмброуз смеялся на ней — да, именно над ней, — а она смеялась в ответ. Ферн знала, что танцует ужасно, что такими движениями ей его не соблазнить, но все равно продолжала — просто ради удовольствия.

И все же каким-то чудом это случилось: он влюбился. Отчаянно. В ее свет, очарование, энтузиазм и способность радоваться простым вещам. Влюбился в ее характер. Он хотел броситься к ней, поднять ее над землей так, чтобы она болтала ногами, и целовать до тех пор, пока оба не задохнутся.

— «И твой поцелуй!..» — Ферн допела финальную строчку и замерла в нелепой позе, тяжело дыша, а потом расхохоталась. — Самая. Классная. Песня. На свете. — Она глубоко вздохнула, широко раскинув руки и не обращая внимания на следующий трек.

— Пойдем-ка со мной. Мне нужно кое-что показать тебе на кухне, — твердо сказал Эмброуз, хватая Ферн под руку и утягивая ее за собой так же, как она сделала это несколько минут назад.

Бейли и Рита продолжали танцевать — теперь под «Pressure» Дэвида Боуи.

— Куда? Скоро же будет медляк! А я о-о-очень хочу с тобой потанцевать! — упиралась Ферн.

Но Эмброуз крепко обхватил ее и ввалился в кухню, на ходу погасив свет. Поцелуем прервал удивленный вздох. Прижав одну руку к ее бедру, он притянул Ферн к себе, а другую руку положил на ее затылок. Сопротивления больше не осталось.

Бейли оказался тяжелее, чем предполагал Эмброуз, да еще и долговязым — его сложно было удержать, но он подхватил его на руки и уверенно, не спеша, двинулся по протоптанной дорожке. Он пробежал десятки миль в полном обмундировании, с семьюдесятью килограммами на спине, так что отнести Бейли на вершину холма и потом спуститься с ним не составляло большого труда. Они шли к могилам ребят, Эмброуз во второй раз, Бейли — в первый. От коляски они отказались сразу: по узкой тропе катить ее невозможно. Майк Шин не в силах был поднять сына на холм. Только Эмброуз. Энджи Шин предложила Янгу взять их фургон, но он отказался — усадил Бейли на пассажирское сиденье своего старенького пикапа, крепко затянув ремнями безопасности. Шин начал заваливаться на бок, он не мог держать спину, но Эмброуз положил подушку между ним и дверью, чтобы тот мог лечь на нее.

Эмброуз видел: Энджи переживала, что они не берут с собой кресло. Она помахала им, натянуто улыбнувшись, и Эмброуз осторожно выехал со двора. До холма было рукой подать, но Бейли, похоже, нравилось ехать на переднем сиденье, и он попросил Эмброуза включить погромче радио и открыть окна.

Когда они взобрались на вершину, Янг осторожно усадил Бейли на каменную скамью и сам сел рядом, придерживая его сбоку. Какое-то время они молчали: Бейли читал надписи на надгробиях, Эмброуз глядел поверх могил, предаваясь тяжелым воспоминаниям, от которых с радостью избавился бы навсегда.

— Хочу, чтобы меня похоронили вместе с ними. Я знаю, что это военный мемориал. Но меня можно закопать, например, здесь, прямо возле скамейки.

Эмброуз рассмеялся, на это Бейли и рассчитывал. Но его немного волновало, что возможность его кончины все принимали так легко.

— Но меня похоронят на городском кладбище. Мои бабушки и дедушки там, да еще парочка других Шинов из прошлых поколений. Мне даже место выбрали, — легко продолжал Бейли.

Эмброуз не удержался:

— Как ты так живешь, глядя смерти в лицо все эти годы?

Бейли пожал плечами и с любопытством посмотрел на него:

— Ты так говоришь, будто смерть — самая ужасная в мире вещь.

— Разве нет? — Эмброузу не приходило в голову, что может быть хуже.

— Не думаю. Умереть легко. Жизнь — вот это сложная штука. Помнишь ту девочку из Клермонта, которая пропала лет десять назад, когда с семьей отправилась в поход? — спросил Бейли, прищурившись. — Мои родители и родители Ферн помогали в поисках. Все думали, девочка упала в ручей или просто заблудилась. Но в тот выходной в кемпинге было много людей, полиция предполагала, что ее могли похитить. На четвертый день поисков мать девочки молилась, чтобы нашли хотя бы тело дочери. Тело. Она надеялась, что ее малышка умерла быстро, от несчастного случая, а не страдала. Только представь, каково это — знать, что над твоим ребенком где-то издеваются, а ты ничего не можешь сделать.

Эмброуз в смятении смотрел на Бейли.

— Ты чувствуешь вину, потому что выжил, а они погибли. — Бейли кивнул на могилы. — Может, Бинс, Джесси, Грант и Поли смотрят на тебя сверху и качают головой: «Бедный Броузи. И зачем только он остался жив?»

— Мистер Хилди говорил мне, что истинные счастливыцы — те, кто не возвращается, — вспомнил Эмброуз. — Но вряд ли ребята смотрят на меня из какого-нибудь волшебного рая. Они мертвы. Их больше нет. А я есть. Точка.

— Думаю, в глубине души ты в это не веришь, — тихо заметил Бейли.

— Почему я, Бейли?

— А почему бы и нет? — огрызнулся друг, отчего Эмброуз вздрогнул, словно Бейли уличил его в преступлении. — А почему я? Почему жизнь усадила меня в чертову коляску?

— А Поли и Грант? Джесси и Бинс? Почему несчастье случается с такими хорошими людьми?

— Потому что несчастье может случиться со всеми, Броузи. Мы так погружены в мысли о своих проблемах, что не замечаем, с каким дерьмом приходится сталкиваться другим.

Эмброуз ничего не ответил, и Бейли, казалось, не хотел нарушать молчание.

— Тебе нравится Ферн, не так ли? — в конце концов снова заговорил он. Его взгляд был полон тревоги.

— Да. Мне нравится Ферн, — кивнул Эмброуз, все еще думая о друзьях.

— Почему?

— Что «почему»? — Эмброуза сбивал с толку его тон.

— Почему тебе нравится Ферн?

Он уставился на Бейли, не совсем понимая, к чему тот клонит. Его немного раздражало, что Бейли считает себя вправе говорить с ним об этом.

— Она не из тех девушек, с которыми ты обычно встречался. Мы с ней как-то говорили об этом. Ей кажется, она недостаточно для тебя хороша... Говорит, ты терпишь ее, потому что она на тебя вешается. Я себе даже представить не могу Ферн, которая на кого-то вешается! Она очень скромная, когда дело доходит до парней.

Эмброуз вспомнил ночь после фейерверков и как Ферн целовала его. Тогда она не казалась скромной... Но это замечание он решил оставить при себе.

— Думаю, поэтому Ферн всегда так любила читать. Книги позволяют нам быть кем угодно, ненадолго убежать от себя. Знаешь, как она любит всякие романы? — добавил Бейли.

Эмброуз кивнул и улыбнулся, вспомнив ее смущение, когда он схватил ее книжку. Может, именно романы сделали ее такой страстной и чуткой. От одних только мыслей о Ферн в нем проснулось желание ее увидеть.

— А ты знаешь, что она их еще и пишет?

Эмброуз удивленно посмотрел на усмехающегося Бейли:

— Серьезно?

— Да. Думаю, уже шестую книгу закончила. Она рассылает свои рукописи в издательства лет с шестнадцати. Пока ей никто не предложил контракт, но уверен, она своего добьется. Она очень неплохо пишет. Чересчур слащаво на мой вкус, но это же Ферн! У нее даже есть псевдоним. Родители об этом не знают.

— Псевдоним?

— Ай, лучше пусть сама о нем расскажет. Я и так разболтал слишком много.

Эмброуз кивнул, представив, как именно будет выпытывать секреты у малышки Ферн. В нем снова проснулось желание, и он едва не застонал.

— Мне всегда нравилось читать. Но я предпочитаю немного другие книги. Любовные романы для меня пытка, понимаешь? — добавил Бейли.

Эмброуз кивнул, думая о фейерверках. О том, как хорошо было лежать рядом с Ферн под взрывающимися огнями, о сладком запахе ее кожи и мягких волнах волос. Да, он понимал, что такое пытка.

— Ну, давай, скажи мне правду, чувак. Какие у тебя планы? Я не смогу

надрать тебе задницу, но я пойму, если ты солжешь. Ферн правильно думает? Ты просто берешь то, что дают?

— Эй, Бейли! Ты напоминаешь мне Бинса... — Эмброуз поморщился от боли, словно тот коснулся свежей раны. Но его уход от ответа лишь подтверждал опасения Бейли.

— Если ты дурачишь мою сестру и не влюблен в нее по уши, я найду способ поквитаться с тобой! — Бейли начинал волноваться, и Эмброуз положил руку ему на плечо, чтобы успокоить.

— Я люблю Ферн, — признался он, понизив голос. Его пробрала легкая дрожь. Он действительно ее любил. — Я постоянно о ней думаю. Мне плохо, когда ее нет рядом... Но когда я с ней, мне тоже плохо — от мысли, что она отказывается от чего-то большего. Посмотри на меня, Бейли! Ферн может заполучить кого угодно. А я?..

Бейли рассмеялся, потом громко застонал.

— У-у-у! Да ты большой ребенок! Думаешь, я пожалею тебя, Эмброуз? Не дождешься. Знаешь, это напоминает мне одну пьесу. Парень по имени Сирано де Бержерак^[55] родился с большим носом. Казалось бы, кому какое дело? Однако Сирано так и не сошелся с любимой девушкой, потому что считал себя уродом. Это самая большая глупость, какую я когда-либо слышал! Он позволил носу помешать своему счастью!

— А не Сирано, случайно, писал любовные послания от имени красавца? Кажется, даже фильм такой есть.

— Он самый. Ничего не напоминает? Кое-кто писал тебе письма и подписывался Ритой. Прямо как Сирано. В этом есть какая-то ирония, не находишь? Ферн тогда думала, что недостаточно хороша для тебя. Теперь ты думаешь, что недостаточно хорош для нее. Вы оба совершенные дураки! Ду-ра-ки! — Бейли с отвращением произнес это по слогам. — «Я урод! Я не достоин любви!» А-а-а! — передразнил он высоким заунывным голосом и разочарованно покачал головой.

Переведя дух, он продолжил: — А теперь ты говоришь мне, что боишься открыться Ферн, потому что больше не выглядишь как звезда Голливуда? Блин, чувак! Ты все еще похож на героя фильма... который прошел войну. Девушкам это нравится! Я даже подумывал проехаться с тобой по стране, рассказывая встречным девчонкам, что мы оба искалеченные ветераны. У тебя изуродовано лицо, а я в инвалидной коляске. Как думаешь, они повелись бы? Может, даже мне перепадет. Жаль только, что сиськи я не смогу пощупать.

Эмброуз поперхнулся, смеясь над пошлой шуткой Бейли, но тот и бровью не повел.

— Я бы что угодно отдал за то, лишь бы повторить сюжет «Чумовой пятницы», ^[56] Эмброуз. Всего на один день я бы поменялся с тобой телами — и не терял бы ни секунды. Навалил бы Беккеру пару раз, забросил бы Риту на плечо и наяривал не останавливаясь, пока мы оба не могли бы пошевелиться. Вот что бы я сделал.

— Рита? Тебе нравится Рита?

— Я люблю ее. Всегда любил. А она вышла замуж за придурка. Это даже утешает, если рассуждать как эгоист. Стань она женой классного, доброго, заботливого парня, я бы чувствовал себя куда несчастнее.

Эмброуз снова рассмеялся:

— Ты просто нечто, Бейли! Твоя логика бесподобна.

— Это забавно. Ирония судьбы. Ферн говорила, что Рита всю жизнь убегала от парней, которые ей прохода не давали. У нее не было возможности остановиться и понять, кто она и какому парню можно позволить себя поймать. Странно, что мы с Ритой стали друзьями, ведь у меня никогда не было возможности за ней побегать. Может, в этом и причина? Я не мог за ней бегать, и ей не пришлось от меня убегать.

Немного погодя Эмброуз взял Бейли на руки. Они спускались с холма, погруженные каждый в свои мысли о жизни и смерти, каждый таил в сердце свою надежду.

ЗАСТАВИТЬ ЧТО-НИБУДЬ ИСЧЕЗНУТЬ

Майк удивился, когда в субботу вечером в спортзал вместе с Бейли проскользнула Ферн. Он сначала нахмурился, но, увидев, как улыбнулся ей Эмброуз, постарался скрыть свое недовольство. Ребята стали заворуженно наблюдать, как Эмброуз тренируется. Но если для Бейли магия заключалась прежде всего в надежде на возвращение любимого борца к соревнованиям, то для Ферн — в запахе мужчины, каждом его движении, в том, что он вообще вернулся домой.

Бейли регулярно заявлялся на тренировки в последнее время, а вот Ферн сегодня пришла впервые. Она старалась не грызть накрашенные с утра ногти — боролась с дурацкой привычкой. Войдя, она неотрывно смотрела на Эмброуза и надеялась, что не мешает ему своим присутствием. С него градом катился пот. Серая майка промокла насквозь, он то и дело вытирал полотенцем лысую голову. Майк Шин давал ему все новые и новые указания, подбадривал, поправлял. Когда Эмброуз упал на мат в конце тренировки, тренер нахмурился, задумчиво закусив губу.

— Тебе нужен партнер. Кто-то, с кем можно отработать удары... Это совсем не то, что бороться с воздухом. Ты должен тренироваться как следует, чтобы прийти в форму. Помнишь, как злился Бинс, когда в девятом классе не мог участвовать в соревнованиях до середины сезона? Он тренировался с командой, но не ездил с нами на турниры и в первые несколько матчей после возвращения буквально умирал. Черт, да его даже Грант уложил, чего прежде не бывало. Помнишь, как это его задело?

Слова тренера отчетливо разнеслись по залу. Эмброуз напрягся, Бейли потупился, а Ферн не удержалась и принялась-таки грызть ноготь. Майк наконец понял, что сказал, и провел рукой по коротким волосам. Он продолжил так, будто предыдущих слов не было.

— Мы подыщем тебе противников, Броуз. В школьной команде есть пара рослых парней, с которыми ты мог бы поработать. Им это тоже пойдет на пользу.

— Не нужно. — Эмброуз покачал головой и начал собираться. — Я здесь не для этого, тренер. Не надо планов. Мне просто не хватало тренировок. Вот и все. Я не вернусь в спорт. Нет смысла.

Майк Шин заметно сник, Бейли вздохнул. Ферн просто ждала,

наблюдая за Эмброузом. Она заметила, как у него тряслись руки, пока он развязывал борцовки, как отвернулся от тренера, чтобы не видеть его огорчения.

— Хорошо, — мягко сказал Майк. — На сегодня все?

Эмброуз кивнул, не поднимая глаз. Майк достал из кармана ключи.

— Бейли, ты поедешь домой с Ферн? — спросил он сына.

— Ферн пришла пешком — колеса только у меня, — сострил Бейли, как всегда, пытаясь разрядить обстановку. — Но я бы поехал с тобой, пап, если ты не против.

— Я отвезу Ферн, — отозвался Эмброуз.

Он так и не двигался с места, стараясь ни на кого не смотреть. Он словно не мог дождаться, когда его оставят в покое. Ферн не поняла, почему он хочет, чтобы она задержалась, но промолчала.

— Только выключите свет и закройте дверь, — тихо попросил тренер Шин, придерживая дверь для Бейли.

Эмброуз и Ферн остались одни. Он жадно глотнул воды из бутылки, побрызгал на лицо и голову, вытерся полотенцем, но так и не поднялся на ноги. Затем стянул пропитанную потом майку — типично мужским движением, не свойственным девушкам. Красоваться перед Ферн Эмброуз явно не собирался, и чистая голубая футболка быстро сменила серую. Он даже надел беговые кроссовки и зашнуровал их, но по-прежнему сидел, обхватив руками колени и склонив голову, точно пряча глаза от слепящих ламп под потолком.

— Выключишь свет, Ферн? — Он заговорил так тихо, что она секунду сомневалась, правильно ли расслышала.

Ферн кивнула и пошла к двери, справа от которой тянулись выключатели. Эмброуз так и не двинулся с места.

— Ты идешь? — спросила она.

— Просто выключи.

Зал погрузился во тьму. Ферн помедлила, гадая, не хочет ли Эмброуз, чтобы она оставила его в этой темноте. Но тогда зачем он обещал отвезти ее домой?

— Мне уйти? Я сама доберусь... здесь недалеко.

— Останься. Пожалуйста.

Эмброуз вел себя странно, отчужденно, казался таким несчастным. Но он попросил ее остаться, и этого Ферн было достаточно. Она осторожно пошла назад, к нему.

— Ферн? — окликнули немного правее.

Ферн опустилась на четвереньки и поползла.

— Ты где? — Голос Эмброуза смягчился, стал теплее.

Приблизившись, Ферн дотронулась до его колена. Эмброуз взял ее за руку и потянул к себе на мат. Они легли рядом. Было так странно чувствовать его прикосновения в этой непроглядной темноте. Ощущения Ферн обострились; дыхание Эмброуза одновременно будоражило и... успокаивало ее. Будоражило — потому что она не знала, что произойдет дальше, успокаивало — потому что было ровным и горячим: вдох — выдох. А потом он приблизился вплотную и коснулся губами ее приоткрытых губ.

Он целовал Ферн так, словно тонул, а она была воздухом, так, словно падал, а она была спасительной землей. Может, он целовал так всех, даже Риту. Ферн целовалась только с ним, ей не с кем было сравнивать. Она вряд ли могла отличить плохой поцелуй от хорошего, но это было и не важно. Ей казалось, будто и мир вокруг, и ее собственное сердце вот-вот вспыхнут. Это все, что она понимала.

Но ничего вокруг не вспыхивало, зал по-прежнему окутывала темнота. Мир не полыхал огнем, маты не плавились, но Ферн знала: едва закончится этот поцелуй, от нее прежней останется лишь горстка пепла. Пути назад не будет. Эмброуз изменит ее навсегда, отнимет шансы на счастье с кем-нибудь другим. Даже если бы до этого ее целовали тысячи мужчин, она знала это.

У Ферн вырвался сдавленный, почти жалобный стон. Хотелось разодрать одежду на Эмброузе, хотелось убедиться, что он настоящий и, главное, что он *ее*, пусть даже всего на миг. Она прижималась к нему все теснее, вдыхая запах его тела, смешанный со свежестью недавно выстиранной майки. Она целовала солоноватую, неровную от шрамов кожу. И вдруг в распаленном рассудке мелькнула мысль, обдавшая острым колючим холодом.

— Почему ты целуешь меня только в темноте? — неуверенно прошептала она, оторвавшись от его губ.

Эмброуз по-прежнему прижимал ее к себе. Обнимал, но его осторожные прикосновения совсем не были откровенными. И все же Ферн дрожала, тщетно пытаясь примирить в себе желание и необходимость узнать ответ.

— Ты боишься, что нас увидят вместе? — Ферн склонила голову Эмброузу на грудь. Но ответное растерянное молчание сковывало льдом.

— Ферн...

— Почему ты целуешь меня только в темноте? — повторила она тихо. — Ты меня стыдишься?

— Я целую тебя не только в темноте... или?..

— Да... только так.

Снова тишина, прерываемая лишь его дыханием.

— Так что?.. Стыдишься?

— Нет. — Эмброуз сглотнул, снова нащупал ее руки в темноте. — Я стыжусь не тебя. А себя.

— Почему?.. — Впрочем, она догадывалась об ответе.

Пальцы Эмброуза легко коснулись ее лица, очертили скулы, остановились возле губ. Она отодвинулась, правда, хотелось, наоборот, прижаться еще ближе.

— Даже со мной? Ты не хочешь, чтобы я тебя видела?

— Я не хочу, чтобы ты думала о том, как я выгляжу, когда целую тебя.

— А ты думаешь о том, как выгляжу я?

— Да, — хрипло выдохнул он. — О твоих длинных рыжих волосах, о твоих губах, о том, какая ты... хрупкая, нежная. Мне так хочется касаться тебя, Ферн. Я... даже забываю, что уродлив, одинок и вконец запутался в своей жизни.

Мир вокруг вновь запылал невидимым огнем. Ферн с трудом сглотнула, ощущая головокружение. Ей всегда казалось, что мужчины говорят такие слова женщинам лишь на страницах книг. Неужели... неужели и в жизни может быть так? Может быть... с ней?

— С тобой я чувствую себя в безопасности, Ферн. Ты заставляешь меня забыть все ужасы. И когда я целую тебя, я не могу остановиться. Все остальное кажется неважным. Это единственное, что не дает мне сойти с ума с тех пор, как...

— С тех пор, как тебя ранили? — Она все не могла перестать думать о его словах — распаленная, но испуганная, тронутая до глубины души, но сомневающаяся.

Он вдруг крепко выругался. И это прозвучало как пощечина.

— С тех пор, как погибли мои друзья, Ферн! С тех самых пор, как четверо моих самых близких друзей погибли у меня на глазах! Я выжил. Они нет. Я здесь, а их нет! Я заслужил это лицо!

Эмброуз не кричал, но Ферн почти физически ощущала его глухую, злую боль. Ее собственное сердце билось неровно, лихорадочно. Ферн ошеломила услышанная брань, но куда сильнее — это черное отчаяние. Хотелось метнуться к двери и включить свет, чтобы вместе с темнотой оборвать мучительный разговор. Но она даже не понимала, в какой стороне выключатели.

— Рядом с тобой я забываю, что Бинс не войдет сюда, застав нас

врасплох. Забываю, что Грант, как пушинка, не взлетит по этому канату. Что Джесси не попытается в очередной раз надрать мне зад, потому что в глубине души верит, что он лучше меня... Сегодня я почти ожидал найти Поли спящим в углу на матах. Если его не было на уроке, он мог быть только здесь!

Резкий, какой-то будто заржавелый, слишком долго сдерживаемый всхлип вырвался вдруг из груди Эмброуза. Ферн не знала, плакал ли он хоть раз в жизни. Этот отчаянный всхлип рвал ей душу. Она коснулась пальцами губ Эмброуза и в следующий миг снова была в его объятиях. Они крепко прижались друг к другу. Так и сидели, позволяя густой темноте впитать их горе.

— Здесь я был счастлив. В этом пропахшем потом зале, с друзьями. Дело не в соревнованиях, не в наградах, а в том, как я чувствовал себя... — Эмброуз уткнулся в ее шею и с трудом продолжил: — Я не хочу, чтобы тренер кого-то сюда привел — он их не заменит. Я не хочу видеть никого другого. Мне иногда кажется... что ребята все еще здесь. Чертовски больно. Но это приятная боль... Они со мной, пока я слышу их голоса.

Ферн прижала его к себе, гладя спину и плечи, надеясь облегчить боль. Но Эмброуз хотел не этого. Он поднял голову, и его дыхание снова коснулось ее губ.

— Пожалуйста... заставь меня все забыть.

И желание победило скорбь.

ПЕРЕПЛЫТЬ ОЗЕРО ХАННА-ЛЕЙК

— Знаешь, тебе ведь придется помочь мне раздеться. Не думаю, что Эмброуз справится. К великолепию моего обнаженного тела нужно привыкнуть.

Эмброуз, Бейли и Ферн были на озере Ханна-Лейк. Поездка получилась спонтанной: стояла жара, и у Ферн с Эмброузом выдался выходной. По пути они заехали за продуктами, но, оказалось, забыли захватить из дома купальники.

— Ты не будешь голым, Бейли. Прекрати, ты пугаешь Эмброуза. — Ферн подмигнула Эмброузу и добавила: — Поможешь мне занести его в воду, а там я сама справлюсь.

— Эй! — делано возмутился Бейли.

Ферн засмеялась и потрепала его за щеку. Эмброуз подошел к Бейли, взял его под руки и приподнял, чтобы Ферн могла стянуть с него штаны.

— О'кей, посади его ненадолго, — произнесла она.

Бейли походил на немощного старика с брюшком. Он игриво похлопал себя по животу:

— Этот малыш помогает мне плавать. И не дает свалиться с кресла.

— Это правда, — добавила Ферн, снимая с его ног ботинки и носки. — Ему повезло, что он пухлый. Живот помогает ему поддерживать туловище. И он действительно умеет держаться на воде. Смотри.

Ферн аккуратно отставила ботинки Бейли и сняла с себя кроссовки. Она была одета в шорты и бирюзовую майку и, увы, даже не задумалась о том, чтобы их снять. Эмброуз расшнуровал ботинки и расстегнул молнию джинсов. Тотчас Ферн отвела взгляд, шея и щеки ее порозовели. Оставшись в боксерах, Эмброуз поднял Бейли и тронулся к воде. Ферн шла рядом, засыпая его инструкциями, как правильно держать Бейли, как отстегнуть его, чтобы он не завалился вперед и не смог перевернуться на спину.

— Ферн, я сделал это! — воскликнул Бейли, как только Эмброуз его освободил.

Бейли стал раскачиваться почти в сидячем положении, ноги выше головы, плечи выдавались высоко над поверхностью воды.

— Я свободен! — закричал он.

— Он кричит так всякий раз, когда оказывается в воде, — улыбнулась

Ферн. — Наверно, это потрясающие ощущения — плавать, когда тебя никто не держит.

— Воздушные змеи или воздушные шары? — тихо сказал Эмброуз, наблюдая за Бейли.

«Плавать, когда тебя никто не держит». Похожие слова он произнес, когда Ферн давным-давно задала ему этот вопрос. Каким же он был глупцом. Что хорошего в полете, когда на другом конце веревки никого нет? Или в том, чтобы плавать, когда некому помочь тебе выбраться на сушу?

Эмброуз попытался лечь на воду, но его ноги были тяжелыми, как якоря. Вместо этого он стал барахтаться, и символизм происходящего не ускользнул от него.

— Слишком много мускулов? — Бейли крикнул. — Бедный Броузи. Боюсь, в этом раунде победил Бейли Шин.

Наконец Ферн окунулась в воду. Лежа на спине и пытаясь удержаться на плаву, она неотрывно смотрела на облака, пальчики ног, окрашенные в розовый, торчали над водой.

— Видишь корвет? — Ферн показала на пушистую тучку и тут же начала тонуть.

Эмброуз успел подхватить ее под спину. Бейли наморщил нос, пытаясь разглядеть в облаках машину. Эмброуз увидел ее, но к тому моменту облака немного сместились и больше напоминали «фольксваген-жук».

— Я вижу нашего математика, мистера Хилди! — рассмеялся Бейли.

Он не мог показать на нужное облако пальцем, и Ферн с Эмброузом пришлось лихорадочно изучать небо в попытке «поймать» мистера Хилди, пока он не обернулся чем-то или кем-то другим.

— Хм-м-м. Я вижу Гомера Симпсона, — пробормотала Ферн.

— Скорее уж Барта... или, может быть, Мардж, — усмехнулся Эмброуз.

— Забавно, каждый видит что-то свое, — заметила Ферн.

Постепенно облачные фигуры стали бесформенными и уплыли вдаль. Эмброузу это кое-что напомнило.

— Как думаешь, почему Саддам приказал увешать своими портретами весь город? Куда ни глянь, везде эта уродливая рожка. Статуи, плакаты, баннеры — везде, черт побери, — сказал Поли.

— Он ведь Саддам Великолепный, — сухо ответил Эмброуз.

— Так он устрашал народ. — У Гранта, как всегда, нашелся умный ответ. — Он хотел казаться богоподобным, чтобы проще было управлять

массаами. Кого, думаешь, эти люди боятся больше — Саддама или Бога?

— Ты хотел сказать — Аллаха, — поправил Поли.

— Точно. Аллаха. Саддам хотел, чтобы люди думали, будто он и Аллах — это одно и то же, — подытожил Грант.

— Интересно, что подумал бы Саддам, увидев нас сейчас в своем бассейне? Чертовски хороший бассейн, надо сказать! — Джесси по грудь стоял в воде, раскинув руки и разглядывая богато украшенный фонтан, видневшийся поблизости.

— Он был бы не против. Он же сама щедрость — пригласил бы нас прийти еще, как только пожелаем, — сказал Эмброуз.

Шутки про Саддама не утихали целый день. Отряд обосновался возле захваченного Республиканского дворца. Парням из Пенсильвании^[57] редко удавалось насладиться купанием, поэтому сейчас они радовались так же, как если бы плавали дома, в родном озере Ханна-Лейк, а не в огромном бассейне, окруженном фонтанами, пальмами и куполообразными зданиями.

— Думаю, Саддам заставил бы нас поцеловать его кольца, а потом отрезал бы нам языки, — присоединился к разговору Бинс.

— Тебе бы это пошло на пользу, — заметил Джесси.

Бинс набросился на друга, и они начали бороться прямо в воде. Эмброуз, Поли и Грант смеялись и подначивали их, но сами не тратили время на дурачества. Наслаждаясь купанием, они покачивались на воде и глядели в небо, ничуть не отличавшееся от того, что раскинулось над их родным городком.

— Вокруг столько портретов Саддама, что каждый раз, закрывая глаза, я вижу его лицо, будто оно выжжено на веках, — пожаловался Поли.

— Радуйтесь, что тренер Шин не запугивал нас таким же образом во время сезона. Только представьте: портреты тренера со сверкающими глазами везде, куда ни глянь, — рассмеялся Грант.

— Странно, но, когда я пытаюсь представить себе его лицо — да вообще чье-нибудь лицо, я не могу. Я пытаюсь вспомнить детали, но... не получается. Вроде не так много времени мы здесь — всего-то с марта. — Эмброуз покачал головой, не веря сам себе.

— Самые долгие месяцы в моей жизни, — вздохнул Поли.

— Ты не можешь вспомнить лицо Риты... Но, готов поспорить, ты отлично помнишь ее без одежды, так ведь? — Бинс перестал дуться на Джесси и снова начал без умолку болтать.

— Я никогда не видел Риту без одежды, — сказал Эмброуз. Его не

заботило, поверят ли ему друзья.

— Да ладно тебе! — опешил Джесси.

— Правда. Мы встречались-то около месяца.

— Это ведь уйма времени! — воскликнул Бинс.

— Кто-нибудь чует запах бекона? — Поли демонстративно принялся, напоминая Бинсу, что он снова ведет себя по-свински.

Бинс брызнул в него водой, но в драку не полез. От упоминания бекона все поняли, что проголодались. Они выбрались из бассейна и побрели к сложенной поодаль одежде. На небе не было ни облачка — никаких лиц или фигур, способных пробудить что-то определенное в памяти Эмброуза. Но внезапно он вспомнил одно лицо. Ферн Тейлор — веснушчатая, с чуть вздернутым подбородком, закрытыми глазами и влажными длинными ресницами. Ее мягкие розовые губы, припухшие и дрожащие. Такой она была после того поцелуя.

— Вы когда-нибудь смотрели на картину так долго, что краски смешиваются и вы перестаете понимать, на что именно смотрите? Ничего не видите, просто завитки красок? — спросила Ферн.

Эмброуз снова взглянул в лицо, которое вспомнил однажды в далеких землях. И он, и Бейли молчали, отыскивая что-нибудь интересное в облаках.

— Думаю, с людьми так же. Когда ты смотришь на них по-настоящему, перестаешь замечать, какой у них нос или зубы, не замечаешь и следов от прыщей, и ямочку на подбородке. Все это сливается, и внезапно ты видишь другое: красоту, которая обретает совершенно новый смысл.

Ферн не сводила глаз с неба, а Эмброуз — с нее. Она говорила не о нем. Она просто размышляла вслух. Просто была собой.

— Это работает и по-другому, — подхватил Бейли. — Уродство определяется поступками. Беккер вовсе не урод внешне. Как и я — не красавец.

— Ты прав, мой качающийся на волнах друг. Чертовски прав, — серьезно сказала Ферн.

Эмброуз прикусил язык, чтобы не засмеяться. Вот чудики. Такая странная парочка. И тут же ему захотелось плакать. Этим он напомнил сам себе пятидесятилетнюю даму, которая умилялась картинкам котиков с жизнеутверждающими цитатами и пускала слезу во время рекламы пива. Ферн превращала его в нытика и сводила с ума, как и ее «качающийся на волнах друг».

— Что случилось с твоим лицом, Броузи? — добродушно

поинтересовался Бейли, как обычно перескочив с темы на тему.

Ладно, может, от «качающегося на волнах друга» Эмброуз был и не в таком восторге.

— Его снесло взрывом, — коротко ответил Эмброуз.

— В прямом смысле? То есть я хочу деталей. Тебе ведь сделали несколько операций, да?

— Правая половина моей головы расплавилась вместе с ухом.

— Ну, не велика потеря, правда? В том ухе было полно цветной капусты, насколько я помню.

Эмброуз усмехнулся, покачав головой. На цветную капусту становились похожи уши борцов, которые не надевали шлемы во время турниров. У Эмброуза никогда не было травм, но дерзкая шутка Бейли его повеселила.

— Это ухо — протез.

— Гонишь! Дай посмотреть! — Бейли забарахтался, и Эмброуз поддержал его, чтобы тот не ушел под воду, затем снял накладное ухо, и Ферн с Бейли ахнули.

— Круто!

Точно, чудики. Но Эмброуз почувствовал облегчение от реакции Ферн. Он дал ей достаточно поводов, чтобы с криками убежать прочь, а она и глазом не моргнула. Он стал дышать посвободнее.

— Поэтому у тебя больше не растут на голове волосы? — настал черед Ферн проявлять любопытство.

— Слишком много шрамов и трансплантатов. Вот сюда вшили металлическую пластину, которая соединяется со скулой и челюстью. В тот день у меня местами отслоилась кожа. — Эмброуз провел пальцем вдоль длинного шрама. — Врачи вернули ее на место, но перед тем, как меня ударило более крупным осколком, мне в лицо попала горсть шрапнели, так что кожа, которую они натянули, стала похожа на швейцарский сыр. Шрапнель же осталась внутри, поэтому щека такая неровная.

— А глаз?

— Большой кусок шрапнели попал и в глаз. Они сохранили глазное яблоко, но зрение вернуть не смогли.

— Металлическая пластина в черепе? Звучит серьезно. — Бейли широко распахнул глаза.

— Да. Можете звать меня Железным Дровосеком, — тихо сказал Эмброуз, вспоминая прозвище, данное ему друзьями. Старая боль снова сковала грудь.

— Железный Дровосек? — переспросил Бейли. — Да, ты порядком

проржавел. Твой вчерашний захват был просто ЖА-ЛОК.

Ладонь Ферн сжала руку Эмброуза. И уже от этого боль, вызванная воспоминаниями, отступила. Эмброуз обнял Ферн и притянул к себе. Может, Железный Дровосек возвращался к жизни. Может, У него все-таки было сердце.

Они плавали около часа: Бейли — покачиваясь на воде, Ферн и Эмброуз — плескаясь, смеясь и брызгаясь. Когда Бейли начал жаловаться, что превращается в изюм, Эмброуз отнес его в кресло и вместе с Ферн растянулся на камнях, чтобы солнце высушило одежду. На Ферн одежды было больше, и сохла она дольше. Плечи, нос и ноги у нее порозовели. Волосы превратились в упругие темно-рыжие колечки и лезли в глаза. Она мечтательно смотрела на Эмброуза, проваливаясь в дрему. Он вдруг почувствовал странный спазм в груди. Это случалось все чаще и чаще, просто оттого, что Ферн рядом.

— Броуз? — Голос Бейли прервал его мысли.

— Да?

— Мне нужно в туалет.

Эмброуз замер, понимая, к чему он клонит.

— У тебя два варианта: по-быстрому отвезти меня домой или составить мне компанию в лесу. — Бейли кивнул в сторону деревьев, окружавших озеро. — Надеюсь, ты прихватил туалетную бумагу. В любом случае перестань смотреть на Ферн так, будто хочешь ее съесть. Я от этого становлюсь голодным, а я не ручаюсь за свое поведение, когда голоден и хочу в туалет.

И настроения как не бывало.

22 ноября 2003

Милая Марли!

Я никогда не писал тебе записок, ведь так? А ты знала, что Эмброуз в выпускном классе обменивался любовными посланиями с Ритой Мардсен, а потом узнал, что их писала вовсе не Рита? Это была Ферн Тейлор, рыжая девчонка, которая тусуется с сыном нашего тренера, Бейли.

Когда все только начиналось, Поли посоветовал Эмброузу цитировать стихи. Но потом, мне кажется, Эмброуз и сам втянулся. Ему нравилась эта переписка, пока Рита не бросила его, признавшись, что все это время он общался с Ферн. Эмброуз тогда очень разозлился. Мы дразнили его до самого выпускного. Представь себе Эмброуза с Ферн! Забавно, правда? Хотя он так не считает. Он до сих пор притихает, когда мы упоминаем ее. Кстати, все это наводит меня на мысль, что у меня всегда были проблемы с коммуникацией. Но как же далеко некоторые готовы зайти, чтобы порадовать другого парой строк. Вот сегодня мы охраняли военнопленных, которых скоро должны вывезти из Багдада. Иногда мы ждем по несколько недель, пока для них появятся места. Так эти иракцы, чтобы общаться друг с другом, делают глину, смешивая чай с грязью и песком, потом пишут записки на обрывках салфетки или ткани, кладут их в глиняные шарики (мы называем их чайными камнями) и высушивают. А когда наши не смотрят, оставляют шарики в разных тайниках.

Я вдруг задумался: а что бы я написал тебе, будь у меня лишь обрывок бумаги? «Я люблю тебя» — слишком банально. Но это так. Я люблю тебя и малыша Джесси, хоть я его еще и не видел. Не могу дождаться, когда наконец вернусь домой. Я постараюсь стать лучше. Кажется, мне есть к чему стремиться.

Вот твое первое любовное письмо. Надеюсь, оно тебе понравится. Грант исправил в нем ошибки. Хорошо иметь умных друзей.

Эмброуз стоял у дома Ферн и гадал, как бы попасть внутрь. Можно бросить камешек в ее окно. Можно спеть серенаду, разбудив при этом всех соседей... и ее родителей, что не входило в его планы. А добраться до Ферн очень хотелось. Было уже за полночь, но ночные смены в пекарне порядком подпортили режим сна Эмброуза. Он не мог ложиться вовремя, даже когда не работал. Он в принципе плохо спал, вернувшись из Ирака. Врач сказала, что кошмары — это нормально, что у него посттравматическое стрессовое расстройство. Еще бы, Шерлок. Но сегодня ему не давало спать именно желание увидеть Ферн. Она попрощалась с ним и повезла Бейли домой всего несколько часов назад. Всего несколько часов, но он уже соскучился.

Он достал телефон — гораздо более практичный способ коммуникации, чем швыряние камней или подражание Ромео.

«Не спишь?» — отправил он сообщение, надеясь, что телефон Ферн лежит рядом с ее кроватью. Всего двадцать секунд спустя его мобильный завибрировал. «Не сплю». — «Можно тебя увидеть?» — «Да, где ты?» — «Снаружи». — «У моего дома?» — «Да. Страшно? Думал забраться к тебе в окно, но монстры обычно появляются из-под кровати или из шкафа». Теперь ему было гораздо проще шутить о своем лице, с Ферн легко. Она не ответила на последнее сообщение; в ее комнате зажегся свет. Прошло несколько минут. Она там наряжается? Может, спала без одежды. Черт. И почему он не полез в окно?

Но вот Ферн высунулась из окна и, хихикая, поманила Эмброуза к себе. Забравшись в комнату, он нащупал ногами пол и выпрямился. Одеядо было отброшено, постель примята. Ферн привстала на цыпочки, словно была несказанно рада встрече, и ее волосы — багряные завитки — игриво рассыпались по плечам. Они плясали вокруг ярко-оранжевого топа, который она надела вместе с шортами дико неподходящего цвета, отчего стала похожа на полураздетого клоуна. Правда, от клоунов у Эмброуза никогда не захватывало дух. Так почему же сейчас не хватало воздуха и так сильно хотелось обнять ее? Он притянул Ферн к себе.

— Я всегда мечтала, чтобы красивый парень забрался ко мне, в окно, — довольно прошептала Ферн, утыкаясь в его плечо и обнимая в ответ так крепко, словно не могла поверить, что он настоящий.

— Бейли сказал мне, — отозвался Эмброуз.

— Что? Вот предатель! Он нарушил кодекс лучшего друга — правило о неразглашении тайных фантазий! Теперь мне стыдно!

Ферн вздохнула, но в ее голосе не было и тени стыда. Снова встав на цыпочки, она поцеловала Эмброуза в шею и в подбородок — выше не доставала.

— Ты мог бы войти через дверь, — промурлыкала она после недолгого молчания.

— Мне показалось, что уже слишком поздно. А я хотел увидеть тебя.

— Ты ведь уже видел меня сегодня. На озере. Я даже сгорела на солнце, могу доказать.

— Я хотел увидеть тебя еще раз, — прошептал Эмброуз. — Не мог ждать до утра.

Ферн зарделась. Она ведь тоже хотела быть с ним каждую минуту. Так приятно было осознать, что это чувство взаимно!

— Ты, наверное, устал, — как всегда, заботливо сказала Ферн, подвела его к кровати и заставила сесть.

— Из-за ночных смен я не сплю, даже когда не работаю, — признался Эмброуз. Он не стал упоминать о кошмарах. Чуть погодя добавил: — Поделишься еще какими-нибудь фантазиями, пока я здесь? Может, привяжешь меня к кровати?

Ферн хихикнула:

— Эмброуз Янг. В моей постели. Не думаю, что мои фантазии могут зайти еще дальше.

Он ласково смотрел на Ферн, изучая ее черты в слабом свете ночника.

— Почему ты всегда называешь меня полным именем? Постоянно говоришь: Эмброуз Янг.

Ферн на мгновение задумалась, прикрыв глаза, пока он нежно рисовал пальцами круги на ее спине.

— Для меня ты всегда был Эмброузом Янгом... не Эмброузом, не Броузом, не Броузи. Эмброуз Янг. Как какая-нибудь суперзвезда или актер. Я не называю Тома Круза только по имени. Он всегда для меня Том Круз. Уилл Смит, Брюс Уиллис. Для меня ты из той же компании.

И снова этот образ Геракла. Ферн смотрела на него так, будто он мог убивать драконов и бороться со львами. Даже теперь, когда от его славы не осталось и следа.

— Почему родители называли тебя так? — тихо спросила она, будто убаюканная его прикосновениями.

— Это имя моего родного отца. Мать думала, что так ему будет до меня хоть какое-то дело.

— Который работал моделью? — затаив дыхание, спросила Ферн.

Эмброуз вздохнул:

— Да. Он был моделью. Моя мать так и не забыла его, хотя у нее был Эллиот, который боготворил ее и готов был ради нее на все. Он даже женился, когда она вынашивала меня. Даже позволил ей назвать меня именем мужчины из рекламы нижнего белья.

Ферн усмехнулась:

— Тебя, я гляжу, это не беспокоит.

— Нет. Благодаря матери у меня есть Эллиот. Он лучший отец, какого только можно желать.

— Поэтому ты остался, когда она уехала?

— Я люблю маму, но она заблудилась по жизни. Я не хотел пропасть вместе с ней. А такие люди, как Эллиот, никогда не пропадут. Даже если мир пошатнется, Эллиот знает свое место в нем. С ним я всегда чувствовал себя в безопасности...

Тут Эмброуз вдруг понял, что Ферн была чем-то похожа на Эллиота — такая же основательная, спокойная, немного замкнутая.

— А мне дали имя в честь девочки из книги «Паутина Шарлотты».^[58] Помнишь эту историю? Маленькая девочка Ферн спасла от смерти крошку-поросенка. Бейли говорил, что меня следовало назвать Уилбур, я ведь сама была щуплой, как тот поросенок. Он даже звал меня так, когда хотел подразнить. А я сказала маме, что меня нужно было назвать Шарлоттой, как паучиху. Мне нравилось это имя. И Шарлотта была доброй и мудрой. К тому же так звали главную героиню одного из моих любимых романов.

— У Гранта была корова по кличке Шарлотта. Мне больше нравится имя Ферн.

Она улыбнулась:

— А Бейли назвали в честь Джорджа Бейли из «Этой прекрасной жизни». Энджи обожает этот фильм. Ты должен как-нибудь послушать пародию Бейли на Джимми Стюарта.^[59] Это уморительно.

— Кстати, об именах и романтических историях. Бейли сказал мне, что ты пишешь под псевдонимом. Меня терзает любопытство.

Ферн громко застонала и погрозила кулаком в сторону дома Бейли:

— Будь проклят твой длинный язык, Бейли Шин. — Она с опаской посмотрела на Эмброуза. — Ты решишь, что я какая-нибудь маньячка. Но запомни: я придумала это альтер эго, когда мне было шестнадцать, а тогда я и правда была чуточку не в себе... Ладно, сейчас я тоже одержима.

— Чем? — не понял Эмброуз.

— Тобой...

Ферн уткнулась лбом ему в грудь, произнося это, но Эмброуз все равно услышал ее глухой ответ. Он рассмеялся и приподнял ее подбородок, чтобы видеть лицо:

— Я все еще не понимаю, какое отношение это имеет к твоему псевдониму.

Ферн вздохнула:

— Эмбер Роуз.

— Эмброуз?

— Нет, Эмбер Роуз!

— Эмбер Роуз? — пробормотал Эмброуз.

— Да, — тихо-тихо ответила Ферн.

Он долго смеялся, а когда успокоился, прижал Ферн к подушкам и нежно поцеловал. Сейчас он не был настойчивым: боялся к чему-либо ее принуждать, куда-то спешить. Но Ферн сама подалась ему навстречу, забираясь маленькими ладошками под ткань футболки. Он застонал; ему, конечно, хотелось большего. Ферн стянула с него майку: ей тоже не терпелось стать ближе, еще ближе. От ее запаха, дыхания и прикосновений нежных губ Эмброуз терял голову. Но тут он довольно сильно ударился затылком об изголовье кровати — и распаленный рассудок чуть прояснился. Он встал и поднял футболку с пола.

— Я должен идти, Ферн. Не хочу, чтобы твой отец застал меня в постели дочери полуголым. Он меня убьет. А твой дядя ему охотно поможет. Знаешь, я по-прежнему боюсь тренера Шина, хоть я теперь и в два раза больше него.

Ферн что-то пробормотала, явно протестуя, потянулась к нему и схватила за ремень. Эмброуз рассмеялся и, покачнувшись, оперся рукой о стену. При этом случайно задел канцелярскую кнопку, и та упала куда-то за кровать. Эмброуз подхватил слетевший листок бумаги и взглянул на него. Невольно он начал читать быстрее, чем задумался, дозволено ли ему это.

Если мы — создания Божьих рук,
Он смеялся, нас всех творя?
Над ушами, которым неведом звук,
Над глазами, что смотрят зря?
Над ногами, что сделать не могут шаг
И не смогут уже вовек?
Завиток кудрей — это чей-то знак?
Где тут Бог, а где человек?

Если он придумал меня такой,
Он обязан держат ответ.
Для чего был вылеплен облик мой —
Или смысла в нем вовсе нет?
Я — досадный сбой, череда помех;
На беду, зеркала не врут.
Если это кара за прежний грех,
Почему я не помню суд?

Неужели скульптор наш близорук,
Или эти догадки зря?
Если мы — создания Божьих рук,
Он смеялся, меня творя?.. [\[60\]](#)

Эмброуз перечитал строки со странной дрожью. Это было чувство, что его... понимают. Стихи отражали его собственные переживания. Он даже не подозревал, что Ферн чувствует то же. Сердце сжалось.

— Эмброуз?

— Что это, Ферн? — прошептал он, протягивая ей листок.

Она посмотрела на него смущенно, неуверенно.

— Это я написала. Давно.

— Когда?

— После выпускного. Помнишь тот вечер? Я пришла с Бейли, и он тайне от меня попросил вас всех со мной потанцевать. Один из самых неловких моментов в моей жизни, но он хотел как лучше. — Тень улыбки скользнула по губам Ферн.

Эмброуз помнил. Ферн тогда была очень милой — почти красивой, и это смутило его. Он не пригласил ее на танец. А потом и вовсе ушел.

— Я обидел тебя, да?

Ферн пожала худенькими плечами и улыбнулась, но улыбка вышла неубедительной, а в глазах блеснули слезы. Даже спустя три года эти воспоминания причиняют ей боль.

— Я обидел тебя, — повторил он с искренним раскаянием.

Ферн дотронулась до его изуродованной шрамами щеки:

— Ты просто не видел меня, вот и все.

— Я был слеп. — Он накрутил на палец локон, упавший ей на бровь.

— Вообще-то... ты вроде как сейчас слеп, — осторожно пошутила

Ферн, пытаясь сгладить неловкость. — Может, поэтому я тебе и нравлюсь.

В чем-то она была права. Он наполовину ослеп, но, вопреки этому, а может, и благодаря, многие вещи стал видеть гораздо отчетливее.

Ирак

— Покажи татуху, Джесс, — не унимался Бинс, почти повиснув на приятеле.

Утром Джесси был у врача, набивающего татуировки, но, вернувшись, ничего не рассказал и не показал результата, к тому же был угрюмее, чем обычно.

— Заткнись, Бинс. Тебе обязательно знать все на свете? Вечно ты лезешь не в свое дело. — Джесси оттолкнул его.

— Все потому, что я тебя люблю. Я должен убедиться, что ты не сделал глупость, о которой будешь потом жалеть. Там единорог? Или бабочка? Ты ведь не набил имя Марли в бутонах роз? А если она больше не любит тебя, приятель? Вернешься, а она тусит с кем-то другим. Лучшие не марают кожу понапрасну.

Джесси выругался и толкнул Бинса так, что тот упал. Бинс с ответной руганью вскочил, и Грант, Эмброуз и Поли бросились разнимать друзей. Жара и постоянное напряжение действовали на нервы всем. Удивительно, что они еще вконец не переругались.

— У меня сын! Малыш, которого я еще не видел! А Марли — его мать, так что не смей нести чушь, засранец! Иначе я из тебя всю душу вытрясу.

Бинс замер. Злость его испарилась так же быстро, как вспыхнула. Эмброуз отпустил друга, поняв, что тот успокоился и больше не опасен.

— Джесс, чувак, извини. Я просто дурачился. — Бинс обхватил голову руками и отвернулся, явно злясь теперь на себя. Когда он снова посмотрел на Джесси, взгляд был полон сочувствия. — Дерьмово, друг, торчать здесь, когда у тебя дома такое. Прости. Я слишком много треплю языком.

Джесси пожал плечами, но так судорожно сглотнул, будто в горле застряла горькая пилюля. Если бы на нем не было защитных очков, ему бы не удалось скрыть навернувшихся слез. Он молча стал расстегивать бронежилет быстрыми, уверенными движениями пальцев. Ребята делали это по несколько раз в день, возвращаясь с задания на базу. Это стало такой же обыденностью, как шнуровка ботинок.

Джесси бросил жилет на землю, расстегнул липучки и молнию на рубашке и, оставив ее распахнутой, вытянул майку из брюк. Задрал ее, обнажив пресс и проработанные мышцы груди. Телесно Джесси был не менее красив, чем Эмброуз, и не уставал это подчеркивать. Прямо над сердцем была аккуратная черная надпись:

Мой сын

Джесси Дэвис Джордан 8 мая 2003

Несколько секунд он сжимал майку в кулаке, позволяя друзьям рассмотреть татуировку. Потом, не сказав ни слова, оделся.

— Круто, Джесс, — глухо прошептал Бинс.

Все закивали, но хранили молчание, ведь никакие слова не заставят Джесси или Бинса чувствовать себя лучше. Они продолжили идти в тишине. Поли подошел к Джесси и положил руку ему на плечо. Джесси не оттолкнул его. И тут в плывущем мареве пустыни Поли начал петь.

Я на сердце своем напишу твое имя,
Чтобы был ты со мной каждый миг.
Мы с тобою, не видевшись, стали родными,
Лишь слышался первый твой крик.

Я на сердце своем напишу твое имя,
Чтобы билось оно в унисон
И, стрелой пролетев над морями седыми,
До утра сторожило твой сон.

Я на сердце своем напишу твое имя,
Чтобы нас не могли разлучить.
Пусть минуют года, и мы станем другими —
Не порвется незримая нить. ^[61]

Когда Поли закончил, слова повисли в воздухе. Если бы кто-то другой попробовал запеть, это бы не сработало. Но у Поли было доброе сердце, он знал, как утешить друга. То, что он запел, никого не удивило.

— Это ты написал, Поли? — прошептал Грант. Его голос дрожал, и хотя все это заметили, никто не посмел шутить.

— Не-а. Это старая песня, ее частенько напевала моя мать. Я даже не помню, что за группа ее исполняла. Кажется, у них были длинные волосы, как у хиппи, и они носили носки с сандалиями. Но песня мне всегда

нравилась. Я только немного изменил первый куплет — специально для Джесси.

Какое-то время они шли в тишине, пока Эмброуз не начал насвистывать запомнившуюся мелодию. Тут Джесси попросил:

— Спой снова, Поли.

* * *

— Какое тату мне набить? Нет, серьезно. Сердце со словом «мама» внутри? Это не круто. Я не могу придумать ничего, что не смотрелось бы глупо на парне в инвалидной коляске, — пожаловался Бейли.

Они втроем — Эмброуз, Бейли и Ферн — ехали в Сили, в тату-салон «Инк Тэнк». Бейли умолял Ферн свозить его к мастеру со своего восемнадцатилетия. Пару дней назад, на озере, он снова об этом заговорил. Эмброуз решил к нему присоединиться — и Ферн оказалась в меньшинстве. Теперь на сидела за рулем.

— Броузи, ты мог бы набить копье, как у Геракла. Было бы круто, — предложил Бейли.

Эмброуз вздохнул. Геракл в нем умер, но Бейли упорно пытался вернуть его.

— А ты, Бейли, можешь набить букву S, как на щите у Супермена. Помнишь, как он тебе нравился? — оживилась Ферн.

— Я думал, ты фанат Человека-паука, — удивился Эмброуз, вспомнив, как Бейли огорчился, когда он раздавил паука много лет назад.

— Я довольно быстро разочаровался в паучьем яде, — отозвался Бейли. — Меня миллион разных букашек кусали — и без толку. Поэтому переключился на Супермена.

— Он решил, что мышечная дистрофия — результат воздействия криптонита.^[62] Он даже попросил маму сшить ему красный плащ с буквой S, — рассмеялась Ферн.

Бейли фыркнул.

— Он у меня до сих пор. Меня похоронят в этом плаще. Он офигенный.

— Ну а ты кто, Ферн? Чудо-женщина? — поддразнил Эмброуз.

— Супергерои не для Ферн, — отозвался Бейли. — Она хотела быть феей, чтобы летать, не отвечая при этом за спасение мира. Она даже сделала себе блестящие крылья из картона и приделала лямки, чтобы носить на спине.

Ферн пожала плечами:

— К несчастью, их у меня больше нет. Я их затащила.

Эмброуз молчал, слова Бейли крутились у него в голове: «Летать, не отвечая при этом за спасение мира». Может, они с Ферн и правда были родственными душами? Он прекрасно понимал ее желание.

— Как думаешь, Бейли, тетя Энджи не запретит нам видеться, когда узнает? — Ферн кусала нижнюю губу. — Не думаю, что родители оценят нашу затею.

— Нет. Я просто заведу пластинку «дайте умирающему ребенку то, что он хочет», — возразил Бейли. — Безотказно работает. А тебе, Ферн, стоит набить маленький папоротник^[63] на плече. Не слово, а настоящий лист.

— Хм... Пожалуй, у меня смелости не хватит. Но если бы я и решилась, то точно не на папоротник.

Они припарковались возле салона. Было тихо — очевидно, желающих сделать татуировку в полдень было не много. Бейли притих, и Эмброуз забеспокоился, не передумал ли он. Но когда Ферн отстегнула его кресло, он без промедления скатился по рампе.

Пока Ферн и Бейли с любопытством разглядывали салон, Эмброуз морально приготовился к тому, что на него будут таращиться. Но у парня, встретившего их, на лице было столько замысловатых татуировок, что увечья Эмброуза выглядели на его фоне попросту скучно. Окинув шрамы профессиональным взглядом, парень предложил немного их «приукрасить». Эмброуз отказался, но тут же почувствовал себя комфортнее.

Бейли попросил сделать ему татуировку на плече, чтобы она не терлась о спинку коляски. Он выбрал слова «Бороться до конца», выгравированные на скамье возле мемориала, — слова, которые его отец повторял сотни раз, они символизировали жизнь самого Бейли и были данью столь любимому им спорту.

Вдруг Эмброуз, к удивлению Ферн и Бейли, снял футболку и сказал мастеру, что тоже хочет кое-что набить. Это не был сложный дизайн, требовавший кропотливой работы; Эмброуз аккуратно вывел слова и, тщательно проверив написание, отдал листок художнику. Тот выбрал шрифт, перенес буквы через трафарет на кожу и без лишней болтовни начал работу.

Ферн замороженно наблюдала, как на левой стороне груди Эмброуза одно за другим появляются имена погибших друзей. Поли, Грант, Джесси, Бинс — простые черные буквы в ряд. Когда мастер закончил, Ферн обвела

имена пальцем осторожно, стараясь не дотрагиваться до чувствительной кожи. Эмброуз вздрогнул. Ее руки были словно бальзам, целительный и болезненный одновременно.

Они расплатились, поблагодарили мастера и поехали домой. Вдруг Бейли спросил:

— Так ты чувствуешь себя ближе к ним?

Эмброуз смотрел в окно на проносящиеся мимо деревья и дома. Знакомые... знакомые, как его собственное отражение. Или, по крайней мере, то отражение, которое он видел в зеркале *раньше*.

— У меня месиво вместо лица. — Он встретил взгляд Бейли и провел пальцем по самому длинному шраму, протянувшемуся до уголка рта. — Никто не спросил меня, хочу ли я обзавестись шрамами. Это лицо каждый день напоминает мне об их смерти. Я просто хотел, чтобы что-то напоминало мне и об их жизни. Джесси как-то сделал себе похожую. Я уже давно об этом подумывал.

— Здорово, Броузи. Правда. — Бейли мечтательно улыбнулся. — Это, пожалуй, самое страшное — мысль, что все забудут обо мне, когда я умру. Не родители, конечно. И не Ферн. Но как такому, как я, остаться в памяти людей? В конце концов, значила ли моя жизнь хоть что-то?

В старом синем фургоне повисла тишина. Пустые утешения и слова поддержки были сейчас бессмысленными. Ферн слишком сильно любила Бейли, чтобы гладить его по голове, когда он нуждался в чем-то большем.

— Я добавлю тебя к этому списку, — неожиданно пообещал Эмброуз, по-прежнему глядя на него сквозь зеркало заднего вида. — Когда придет время, я и твое имя набью над сердцем.

Бейли часто заморгал. Они ехали в тишине несколько минут. Ферн смотрела на Эмброуза с такой любовью и признательностью, что он был готов всю спину отдать под эпитафии.

— Спасибо, Броузи, — прошептал Бейли.

И Эмброуз начал напевать.

* * *

— Спой ее снова, пожалуйста, — попросила Ферн, осторожно водя пальцем по длинному шраму, рассекавшему лицо Эмброуза.

Эмброуз позволил ей касаться его, больше ничего не боясь и ни о чем не вспоминая. Она дотрагивалась до кожи с такой любовью, что прикосновения даже успокаивали.

— Тебе нравится, когда я пою? — сонно спросил он.

Совсем скоро предстояло тащиться на работу. Выходной был у Ферн, но не у него, а поездка в тату-салон заняла весь день. Они уже расстались с Бейли, а вот прощание друг с другом затянулось — парочка любовалась летним закатом, сидя на батуте во дворе Ферн. Вокруг было темно и тихо, жара ушла на цыпочках вслед за солнцем, из-за чего Эмброуз клонило в сон. Он спел колыбельную — ту самую, которой научил их Поли в первые месяцы службы в Ираке, перед лицом бесконечной пустыни и бесчисленных дней до возвращения домой.

— Я люблю, когда ты поешь...

Голос Ферн вернул его к реальности. Она начала напевать, делая паузы, когда забывала слово, чтобы он допел за нее. Потом она замолчала, и он сам закончил песню:

Я на сердце своем напишу твое имя,
Чтобы нас не могли разлучить.
Пусть минуют года, и мы станем другими —
Не порвется незримая нить.

Он пел ее уже в третий раз. Когда он закончил, Ферн прижалась к нему поближе, словно тоже была не прочь вздремнуть. Батут чуть качнулся, и она скатилась в середину. Эмброуз гладил ее волосы, слушая тихое, ровное, медленное дыхание. Он думал, каково было бы всегда спать рядом с ней. Может, тогда ночи стали бы другими и свет победил бы удушливую темноту в сердце? Вчера он целый час провел у психолога. Она приятно удивилась «улучшению его душевного здоровья». И все это благодаря крохотной таблетке по имени Ферн. Он даже не сомневался, что она согласится, предложи он ей убежать куда-нибудь вместе. Она бы вышла за него не раздумывая... Его сердце заколотилось от этой мысли. Хотя... им тогда пришлось бы взять с собой Бейли!

— Ты когда-нибудь слышала историю о мужчине, который выбирал себе жену? — тихо спросил Эмброуз.

Ферн покачала головой, продолжая лежать, потом тихонько зевнула.

— Нет.

— Ему нужно было выбрать: взять в жены девушку неземной красоты или невзрачную, но с прелестным голосом. Он решил жениться на той, которая чудесно поет, ведь голос живет дольше, чем красота, верно?

— Верно. — Голос Ферн зазвучал бодрее, она явно заинтересовалась.

— И вот женится он на дурнушке. Они играют свадьбу, пируют, проводят вместе первую брачную ночь...

— Это анекдот?

Эмброуз, проигнорировав вопрос, продолжал:

— На следующее утро муж поворачивается в кровати, видит молодую жену и кричит. Она просыпается и спрашивает его, что случилось. Он зажмуривается и просит: «Пой! Ради всего святого, пой!»

Ферн застонала, давая ему понять, что история глупая, но потом захохотала, и Эмброуз засмеялся вместе с ней. Они валялись на батуте во дворе пастора Тейлора, беззаботные, как дети. Но в голове Эмброуза промелькнула мысль, не настанет ли день, когда Ферн зажмурится и попросит его запеть.

У Бейли было мало свободы, но на коляске он мог доехать до заправки Боба на углу, до «Джоллис», чтобы повидаться с Ферн после работы, или до церкви, чтобы попытаться дядю Джошуа на тему очередной теологической гипотезы. Терпеливый пастор, как правило, охотно говорил с людьми, но Бейли готов был поклясться, при его появлении дяде Джошуа хотелось сбежать.

Бейли знал, что не стоит разезжать по улице так поздно, но в этом была своя прелесть. В двадцать один год уже не надо соблюдать комендантский час. Единственное, за что Бейли чувствовал укол совести, так это за то, что по возвращении домой приходилось будить мать или отца, чтобы они помогли ему улечься. Это немного омрачало удовольствие от ночных прогулок. Но ему не терпелось отправиться в магазин — увидеть Ферн и Эмброуза. Им не помешала бы компания. В воздухе почти искрило всякий раз, как эти двое оказывались вместе, и Бейли был уверен, что совсем скоро станет «пятым колесом» на колесах. Он усмехнулся — любил подтрунивать над собой. На самом деле Бейли искренне радовался, что ребята нашли друг друга. Когда-нибудь его не станет. Но теперь у Ферн был Эмброуз, и он мог за нее не беспокоиться.

Сегодня он рискнул — попробовал ускользнуть из дома без фонаря, но мама выскочила следом. Может, «случайно» оставить его в магазине? Бейли усмехнулся, чувствуя себя бунтарем. Он ненавидел эту штуковину. Тротуар освещали уличные фонари — так зачем еще и прожектор на лбу?

Лавка Боба Спиди была по пути, и Бейли решил заехать — просто так. Он терпеливо дождался, пока Боб выйдет из-за кассы и откроет ему дверь.

— Привет, Бейли. — Боб моргнул, стараясь не смотреть на спящий свет фонарика.

— Ты можешь его выключить. Просто нажми на кнопку сверху, — объяснил Бейли.

Боб попробовал, но кнопка не работала. Тогда он просто развернул фонарь на голове Бейли так, чтобы лампочка оказалась на затылке.

— Так сойдет. Чем я могу тебе помочь? — вежливо спросил Боб.

— Мне нужна упаковка из двенадцати и что-нибудь пожевать, — с серьезным видом сказал Бейли.

Боб приоткрыл рот и неуверенно переступил с ноги на ногу:

— Эм-м. Хорошо. У тебя с собой документы?

— Да.

— Ладно. Что ж... какие тебе?

— «Старберст» вроде бы идут по двенадцать штук в упаковке? А жую я обычно «Риглис». Мятные, пожалуйста.

Боб крикнул, его большой живот затрясся над брючным ремнем.

— А я ведь повелся на минуту, Шин! Я даже представил, как ты катишь по дороге с сигаретой в зубах и банкой пива на коленях.

Боб пошел за Бейли вдоль стеллажей, прихватывая его покупки. Бейли притормозил у полки с презервативами.

— Это мне тоже понадобится, Боб. Самая большая упаковка.

Боб приподнял бровь, но на этот раз не купился. Бейли хихикнул и покатился дальше. Через десять минут он уже снова ехал по улице с покупками, засунутыми в боковой карман. Боб смеялся и махал на прощание: Бейли развеселил его. Правда, Боб вдруг запоздало вспомнил, что не поправил фонарь у Бейли на голове. Лампочка по-прежнему светила на затылке.

Бейли решил проехать по Центральной и свернуть на Мейн-стрит, вместо того чтобы срезать через 2-ю Ист-стрит. Добираться до «Джоллис» предстояло долго, но ночь была славная, ветерок приятно обдувал лицо, времени впереди достаточно. Пусть голубки наслаждаются друг другом лишних десять-пятнадцать минут до его приезда. Тишина нравилась Бейли, одиночество — еще больше. Он пожалел, что не попросил отца вставить ему в уши наушники, чтобы послушать немного Саймона и Гарфанкела.^[64] Но Бейли был слишком увлечен безуспешными попытками сбежать без фонаря.

На Мейн-стрит было пусто, Бейли отражался в черных окнах пустых зданий. «Mi Cocina»,^[65] мексиканский ресторанчик Луизы О'Тул, тоже был закрыт, гирлянды и связки жгучего перца качались на ветру, стучаясь о горчично-желтую вывеску. Но рядом работал круглосуточный бар «Джеррис Джойнт» — об этом гордо сообщала оранжевая неоновая вывеска. Возле входа было припарковано несколько развалюх.

До Бейли донеслась тихая музыка. Он прислушался, пытаясь разобрать песню, и уловил что-то еще. Плач. Откуда здесь ребенок? Бейли удивленно огляделся. Вокруг не было ни души. Он покатился дальше. Миновав несколько машин, он снова услышал плач. Чуть в стороне от бара стоял джип Беккера Гарта — высокий, с черепом на заднем стекле. Как

оригинально. Бейли закатил глаза. Вот же кусок дерьма. Снова плач. Точно, ребенок. Бейли съехал с тротуара и приблизился к джипу. Тут ему стало жутко до дрожи: плач доносился именно из машины Беккера. Передняя дверь была приоткрыта. Подъехав ближе, Бейли разглядел светлые локоны, разметавшиеся по сиденью.

— О нет. О нет, Рита! — простонал Бейли, пристраивая свою коляску рядом с джипом.

Подняв руку так высоко, как только мог, он с силой дернул дверцу машины. Та медленно распахнулась. Сердце Бейли ушло в пятки: Рита лежала без сознания. Голова свесилась, пальцы судорожно цеплялись за дверную ручку. Очевидно, она пыталась выбраться, но не смогла. Двухлетний Тайлер сидел рядом, сунув палец в рот.

— Рита! — позвал Бейли. — Рита!

Она не шевелилась. Бейли позвал еще раз, шепотом, в надежде, что она ответит. Он не видел крови, но был уверен: Беккер Гарт что-то сделал с женой. Тай всхлипнул, и Бейли тоже захотелось заплакать. Он не мог помочь ни Рите, ни Таю. Но ведь Рита наверняка хотела бы, чтобы о ее сыне позаботились.

— Малыш Тай, привет, дружок, — ласково заговорил Бейли, стараясь не выдавать страха. — Это я, Бейли. Хочешь прокатиться со мной на коляске? Ты ведь любишь кататься с Бейли, правда?

— Мама. — Малыш всхлипнул и потер кулачками глаза.

— Мы быстро покатаемся. Давай покажем маме, как быстро мы умеем кататься. — Бейли не мог взять Тая на руки и просто поманил его. — Держись за меня и залезай в кресло. Ты ведь помнишь как?

Тай перестал плакать и посмотрел на коляску большими голубыми глазами. Бейли подъехал ближе, распахивая дверь шире. Тай уже мог забраться к нему, если бы захотел.

— Ну же, Тай. У меня есть кое-что вкусное. Ты съешь конфетку, а Бейли тебя покатает. Пусть мама поспит.

Голос дрогнул на последних словах, но фокус с конфетой сработал. Тайлер сполз на пол машины и, перебравшись через подлокотник коляски, уселся к Бейли на колени. Он сунул руку в маленький пакет и победно выудил упаковку «Старберст». Бейли отъехал от джипа. Нужно было вызвать помощь. Он очень боялся, что Беккер выскочит из бара и увидит его. Или, хуже того, уедет с Ритой.

— Держись за Бейли, Тай.

— Покатаемся быстро?

— Да. Мы с тобой покатаемся очень быстро

Тай не знал, что значит держаться. Бейли управлял коляской и одновременно набирал 911 на мобильном, примотанном к подлокотнику. Включив громкую связь, он обхватил левой рукой Тайлера, съехал с гравия и вырулил на тротуар. Оператор службы спасения наконец ответила. Бейли вывалил на нее подробности случившегося. Ему едва удавалось ехать ровно. Тай опять начал плакать.

— Простите, сэр, я вас не слышу.

— Рита Мардсен... Рита Гарт. Она без сознания в машине своего мужа. Он уже избивал ее и, думаю, сейчас тоже что-то с ней сделал. Его джип припаркован возле «Джеррис Джойнт» на Мейн-стрит. Мужа зовут Беккер Гарт. Их двухлетний сын тоже был в машине. Я услышал, как он плачет, и забрал ребенка, но не решился остаться с Ритой, потому что ее муж может вернуться в любую минуту.

— У нее есть пульс?

— Я не знаю! — беспомощно воскликнул Бейли. — Я не смог до нее дотянуться!

Оператор, похоже, не понимала его.

— Послушайте, я в инвалидной коляске. Я не могу поднять руки. Мне повезло, что ребенок выбрался из машины. Пожалуйста, отправьте туда полицию и скорую помощь!

— Назовите номер автомобиля.

— Я не могу! Я уже отъехал!

Бейли остановился и немного развернул коляску, взвешивая, стоит ли возвращаться, чтобы ответить на вопросы оператора. От увиденного его сердце сжалось. Со стоянки выезжала машина с зажженными фарами, похожая на джип Беккера.

— Он вышел! — взвизгнул Бейли и пустился по улице на предельной скорости.

Нужно было переехать на другую сторону, но он боялся попасть в свет фар Беккера. Джип приближался. Тай кричал, чувствуя панику Бейли; оператор службы спасения пыталась добиться ответов на вопросы и твердила: «Сохраняйте спокойствие».

— Он догоняет! Меня зовут Бейли Шин, у меня на руках Тайлер Гарт. Я в инвалидной коляске еду по Мейн в сторону Центральной улицы Ханна-Лейк. Беккер Гарт избил свою жену и преследует нас. Мне нужна помощь!

Каким-то чудом Беккер проехал мимо. Очевидно, он не думал, что

парень в инвалидной коляске может чем-то ему грозить. Он всегда недооценивал Бейли. Но едва тот выдохнул, как Беккер ударил по тормозам и резко развернул машину. Он помчался навстречу, и Бейли понял, что Беккер обязательно заметит ребенка у него на коленях. Бейли рванул через проезжую часть, проносясь прямо перед носом у джипа. Единственным шансом спасти Тая было добраться до Боба.

Джип снова пронесся мимо, и Беккер затормозил так, что колеса завизжали. Он не ожидал от Бейли такой прыти.

— Я поворачиваю на Центральную в сторону лавки Боба Спиди! — прокричал Бейли, надеясь, что оператор его услышит.

Тай в ужасе надрывал легкие. Но, по крайней мере, он крепко, как детеныш шимпанзе, вцепился в Бейли и его больше не нужно было держать.

Бейли не мог спрятаться: крик Тая выдавал их, да и было уже слишком поздно. Беккер Гарт повернул и теперь ехал по Центральной, светя фарами им в спину. Джип подъехал к Бейли слева. Окно открылось, но Бейли не взглянул на Беккера. Он внимательно смотрел на дорогу перед собой.

— Шин! Куда, черт побери, ты собрался с моим ребенком?

Бейли продолжал давить на пульт управления, молясь, чтобы на пути не попало выбоин. В Ханна-Лейк их было больше, чем уличных фонарей, — опасный расклад для колясочника.

— Катись сюда, кусок дерьма!

Бейли не остановился. Джип подрезал его. Бейли вскрикнул и дернул коляску вправо. Она качнулась, и Бейли был уверен, что перевернется, но нет.

— Он пытается столкнуть меня с дороги! — прокричал он оператору службы спасения. — У меня на руках его ребенок, а он, черт возьми, пытается столкнуть меня с дороги!

Оператор что-то завопила в ответ, но Бейли не слышал ее из-за шума. Беккер Гарт был пьян, не в себе или и то и другое сразу. Бейли знал: они с малышом Таем в серьезной беде. Вряд ли он вообще переживет эту ночь. Преодолевая страх, Бейли осторожно замедлил ход инвалидного кресла и наконец почти полностью остановился. Нужно было хотя бы попытаться спасти Тая, пока это еще возможно. Бейли все равно не мог обогнать Беккера, и ему ничего не оставалось, кроме как ехать с безопасной скоростью. Беккера явно сбilo с толку столь неожиданное решение: он снова пронесся мимо, потом затормозил так резко, что джип немного развернуло. Бейли не хотел даже думать о том, как его лихачества могли покалечить непристегнутую, лежащую без сознания Риту.

Беккер опять помчался навстречу, на этот раз задним ходом; из-за света фар джип напоминал летящего демона. Бейли вильнул вправо, но коляска вылетела с дороги, соскользнув с размытого дождем склона в оросительный канал, тянувшийся вдоль улицы. Скорость была небольшая, но это не имело значения. Коляска рухнула в мутную воду. Тайлера отбросило в сторону.

Бейли оказался лицом в воде. Внезапная боль в мизинце, то ли вывихнутом, то ли сломанном, заставила острее почувствовать стук собственного сердца. Каждый удар отдавался в пульсирующем пальце, но Бейли понимал: это сейчас наименьшая из его проблем. Воды в канале было на фут максимум. Но этого хватило, чтобы полностью скрыть его голову. Бейли изо всех сил попытался оттолкнуться руками от дна, но не смог, как и перевернуться. Не смог ни сесть, ни выкарабкаться. Тай плакал где-то рядом. Звук приглушала вода, но Бейли почувствовал облегчение. Раз плачет, значит, жив.

Хлопнула дверца автомобиля. Крик ребенка стал отдаленнее, а потом вовсе исчез. Рев машины Беккера на секунду оглушил Бейли и тут же стих. Бейли захрипел. Попытался выдохнуть — нос и рот тут же наполнились грязью. Пульсирующая боль в пальце утихла вместе с сердцебиением.

ПРОКАТИТЬСЯ В ПОЛИЦЕЙСКОЙ ТАЧКЕ

Около полуночи, когда Ферн, погруженная в мысли об Эмброузе, возвращалась домой, мимо нее промчались две полицейские машины и скорая. Их сирены оглушительно выли в ночной тишине. «Должно быть, Дэн Гейбл снова застрял на дереве», — подумала Ферн и усмехнулась. Правда, скорая помощь для спасения кота показалась ей довольно странным выбором. В прошлый раз ограничились вызовом пожарных. Бейли наслаждался каждой минутой того представления. Может, поэтому он так и не доехал до магазина?

Ферн миновала 2-ю Ист-стрит и свернула на Центральную, гадая, где теперь происходило веселье. Вдоль улицы стояло столько полицейских машин, сколько она за всю свою жизнь не видела. Офицеры, кажется, что-то искали: лучи их фонарей метались из стороны в сторону. Ферн уже двинулась вниз по дороге, но тут раздался крик, и полицейские побежали на него.

— Я его достал! Достал!

Ферн притормозила и слезла с велосипеда, опасаясь столкнуться с человеком, которого поймала полиция. Но офицеры подзывали скорую. Прежде чем машина успела остановиться, из ее дверей уже выскочили двое врачей, побежали вдоль набережной и скрылись из виду. Ферн ждала. Несколько минут никто не появлялся. Когда она решила поехать дальше, полицейский что-то вытащил из канавы.

— Странно, — пробормотала Ферн, недоверчиво нахмурившись.

Она думала, что полицейские воспользуются носилками, но они катили пустую коляску и не вниз по склону, а вверх. И тут Ферн все поняла. *Это была коляска Бейли.* Ферн бросила велосипед и побежала. Уже возле самого места происшествия полицейские крепко схватили ее под руки, не пуская дальше.

— Бейли! — крикнула она, вырываясь.

— Мисс! Стойте! Не подходите!

— Это мой брат! Это ведь Бейли, да?!

Ферн заглядывала в лица всех офицеров, пока не нашла среди них Лэндона Кнадсена. Лэндон совсем недавно поступил на службу в полицию

Ханна-Лейк. Его ангелоподобная внешность — светлые кудри, румянец на щеках — очень странно сочеталась с формой и кобурой на поясе.

— Лэндон! Он в порядке? Что стряслось? Пожалуйста, дайте мне его увидеть! — Ферн захлебывалась вопросами, не дожидаясь ответов, словно знала: как только получит их, тут же пожалеет об этом.

Врачи уже тащили носилки вверх по склону, торопясь к открытым дверям ожидавшей их машины. Вокруг собралось много людей, а Ферн все еще была слишком далеко, чтобы разглядеть, кто лежал на них. Она снова посмотрела на Лэндона.

— Скажи мне!

— Мы пока не знаем, что произошло. Но это Бейли, — сочувственно ответил он.

* * *

Лэндон Кнадсен и незнакомый Ферн офицер постарше — очевидно, напарник Лэндона — отвезли ее к Шинам и сообщили Майку и Энджи, что их сын в Окружной больнице Клермонта. Энджи в пижаме и сонный Майк запрыгнули в свой синий фургон меньше чем за две минуты. Ферн тоже забралась туда и уже по дороге позвонила родителям. Потом она набрала Эмброуза. Сжато, без подробностей, потому что Энджи и Майк сидели рядом, она рассказала ему, что с Бейли что-то стряслось и они едут в больницу в Сили.

Полиция ничего им не объяснила, просто доставила в больницу в получасе езды на север от Ханна-Лейк. «Конвой» из машин с мигалками делал поездку еще напряженнее. Это были самые долгие полчаса в жизни Ферн. Все молчали. Строить предположения было страшно, поэтому ехали в тишине: Майк за рулем, Энджи — рядом, вцепившись в его руку, а Ферн дрожала на сиденье позади пространства, освобожденного для кресла Бейли. Ферн не рассказала, что видела это кресло, что его вытащили из канавы. Она боялась худшего, но мысленно убеждала себя, что все обойдется.

Они ворвались в приемный покой, и их провели в пустую комнату. Там усталый мужчина средних лет в зеленом хирургическом костюме (на бейдже было написано «доктор Норвуд») скорбно сообщил им, что Бейли больше нет. Бейли был мертв. Смерть зафиксировали сразу.

Первой не выдержала Ферн. У нее было чуть больше времени, чтобы все осознать. Она поняла все в ту же секунду, как увидела пустое кресло.

Энджи от шока ничего не могла вымолвить. А Майк сердито потребовал, чтобы его пропустили к сыну. Доктор отодвинул штору.

Лицо и волосы Бейли были в грязи, только кожу вокруг носа и рта очистили для реанимации. Он выглядел совсем иначе без своей инвалидной коляски, будто... Ферн совсем не знала его. Кто-то уложил тощие руки вдоль тела. Ферн вдруг вспомнила: Бейли называл свои руки — абсолютно бесполезные, непропорциональные по сравнению с телом — лапками тирекса. С одной ноги слетел ботинок, и носок тоже был в грязи. Рядом на каталке лежал налобный фонарь, по-прежнему включенный. Ферн не могла отвести от него глаз, будто это он был всему виной. Она протянула руку и попробовала выключить фонарь, но плоская кнопка не поддавалась.

— Мы довольно быстро его отыскиали благодаря фонарю, — сказал Лэндон Кнадсен. — Но недостаточно быстро.

— На нем был фонарь! Майк, на нем был фонарь! — Энджи упала на стул возле тела Бейли и сжала его безжизненную руку. — Как это могло случиться?

Майк Шин повернулся к полицейским — к Лэндону, которого тренировал в школе, к старшему офицеру, чей сын прошлым летом состоял в его секции. Со слезами на глазах, тоном, который на протяжении тридцати лет заставлял всех его борцов сидеть смирно и слушать, он потребовал:

— Я хочу знать, что произошло с моим сыном.

И, хотя это было нарушением протокола, полицейские рассказали ему то небольшое, что знали сами.

В службу спасения поступил звонок от Бейли. Он сообщил свое примерное местонахождение, а также то, что его преследуют. Диспетчер направил людей в указанном направлении, и через несколько минут кто-то заметил свет фонарика.

Ремни были повернуты так, что лампочка оказалась на затылке. Если бы она светила вперед, как положено, найти Бейли было бы сложнее. Полиция не могла однозначно подтвердить, что Бейли захлебнулся, врачи тоже. Чтобы установить причину смерти, собирались провести вскрытие.

Вскоре, посочувствовав утрате, все оставили Ферн и родителей Бейли за тонкой занавеской, отделявшей мир мертвых от мира живых.

* * *

Саре Мардсен не спалось — у нее давно были проблемы со сном. А

ведь когда умер ее муж Дэнни, она думала, что теперь будет спать без задних ног, освободившись наконец от тяжелого ухода за немощным. Муж еще и злился на каждого, кто пытался ему помочь.

Дэнни Мардсена частично парализовало после автокатастрофы, когда их дочери Рите было всего шесть. Пять долгих лет Сара заботилась о нем и девочке и день за днем задавалась вопросом, как вообще все это выдерживает. Мучения Дэнни стали мучениями для всей семьи. Когда он умер за день до Ритиногo одиннадцатилетия, Сара испытала облегчение. За него, за себя и за дочь, которая помнила отца только больным. Хотя, надо сказать, Дэнни Мардсен не был хорошим человеком и до аварии.

И все-таки Сара не могла спать спокойно — ни тогда, ни теперь, когда прошло больше десяти лет. Она тревожилась за дочь и внука: Рита выбрала мужа, очень похожего на покойного отца. Разница была лишь в том, что Беккер мучил ее еще и физически. Это стало причиной постоянных тревог Сары. Поэтому, когда ее телефон зазвонил посреди ночи, она молниеносно вскочила с постели и схватила трубку.

— Алло, — сказала Сара, молясь, чтобы Рита звонила просто так.

— Она не просыпается! — рявкнул из трубки Беккер.

Сара поморщилась, но лишь плотнее прижала трубку к уху.

— Беккер?

— Она не просыпается! Я зашел в «Джеррис» выпить пива, а когда вернулся в машину, она лежала там без сознания. Но она не пила!

Сара покачнулась и, охваченная страхом, оперлась на тумбочку.

— Беккер? — Она постаралась говорить спокойно. — Где ты?

— Я дома! Тай орет, я не знаю, что делать. Она не приходит в себя!

Казалось, будто Беккер пил в «Джеррис» не только пиво. Сару охватил такой ужас, что она согнулась пополам.

— Я еду! — Она сунула ноги в шлепанцы и на бегу схватила сумку. — Позвони 911, слышишь? Вешай трубку и звони 911!

— Она пыталась покончить с собой! Я знаю! Она хочет уйти от меня, — выл Беккер в трубку. — Я не позволю ей! Рита...

Связь оборвалась. Сара, дрожа и молясь, села в машину и выехала на улицу. Она набрала нужный номер и спокойно как могла продиктовала адрес Риты оператору службы спасения, повторив слова Беккера:

— Ее муж говорит, что она не приходит в себя.

ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДО ДВАДЦАТИ ОДНОГО

Эмброуз приехал на пару минут позже родителей Ферн, и все трое ввалились в приемный покой в тот момент, когда Риту Гарт завезли на каталке через вход для бригад скорой помощи. Рядом бежал врач, громко сообщая о ее состоянии. Риту отвезли на томографию, а медперсонал взялся за нового пациента. Пастор Джошуа и его жена стояли ошеломленные: в больницу попал уже второй дорогой им человек, при этом они еще ничего не знали о судьбе Бейли.

Вбежала Сара Мардсен с Таем на руках. Пижама малыша была перепачкана грязью. Следом тащился Беккер, обезумевший и напряженный. Увидев Эмброуза, он остановился, его лицо исказилось от страха и ненависти. Положив руки в карманы, Беккер с презрением отвернулся, а Янг прислушался к разговору.

— Сара, что стряслось? — Джошуа и Рейчел подбежали к ней, Рейчел взяла на руки Тая, Джошуа же обнял Сару за дрожащие плечи.

Сара ничего толком не могла сказать. Тогда Джошуа и Эмброуз отправились узнать, как дела у Бейли, а Рейчел осталась с Сарой и Беккером в приемной. Пастор Джошуа не видел страха, мелькнувшего на лице Беккера, и того, как его взгляд метнулся к выходу при упоминании Шина. Упустил пастор из виду и двух полицейских, стоявших в палате экстренной помощи, и служебный автомобиль, подъехавший к стеклянным дверям приемного покоя. Но Янг заметил все.

Войдя в маленькую комнату, где на больничной каталке с закрытыми глазами лежал Бейли, Джошуа и Эмброуз увидели его родителей и забившуюся в угол Ферн. Кто-то принес Энджи небольшую пластиковую ванночку с мыльной водой, и она нежно смывала с лица и волос сына ил и грязь — в последний раз. Бейли больше не проснется.

Эмброуз никогда прежде не видел мертвого человека. Мужчина лежал на груде обломков у южного входа в поселение. Тем утром их отряд патрулировал окрестности, и Поли с Эмброузом обнаружили его первыми. Лицо было сине-черным, в крови, запекшейся у рта и под ноздрями. Они бы его не узнали, если бы не волосы. Когда Поли понял, кто это, он отошел в

сторону, и его вырвало.

Они звали этого человека Космо — темные курчавые волосы торчали в разные стороны, прямо как у Космо Крамера, героя сериала «Сайнфелд».

[66] Он работал на Штаты — выдавал информацию о нужных людях, много улыбался и почти ничего не боялся. Его дочь Нагар была ровесницей сестры Поли, Кайли. Кайли даже написала Нагар пару писем, а Нагар отправила ей рисунки и несколько слов по-английски, которым научил ее отец.

Сначала парни нашли велосипед. Он тоже валялся за пределами базы. Колеса крутились на ветру, а руль ушел в песок. Сначала они зашли к Космо домой, удивившись, что он бросил велосипед посреди дороги, опоясывавшей периметр за оградой с колючей проволокой. А потом нашли его самого. В руках он сжимал американский флаг. Маленький, какими обычно размахивают на параде в День независимости. Послание яснее некуда: кто-то пронюхал, что Космо помогает американцам.

Поли это событие потрясло больше других. Он не понимал ненависти. Сунниты ненавидели шиитов. Шииты терпеть не могли суннитов. Вместе они ненавидели курдов. И, наконец, все они презирали американцев, хотя курды были чуть более терпимы, понимая, что надеяться могут, возможно, только на Америку.

— Помните, как в Ханна-Лейк сгорела церковь? Пастор Тейлор организовал сбор денег. Каждый внес столько средств, сколько мог, и церковь восстановили. Это была даже не католическая церковь, а методистская. Половина людей, которые помогали в строительстве, как и пастор Тейлор, не были методистами. Да многие из них вообще ни разу не ходили в церковь, — удивлялся Поли. — Но все друг другу помогали.

— В Америке тоже есть подонки, — осторожно напомнил Бинс. — Может, мы их и не видели в Ханна-Лейк. Но зло обитает повсюду, помни об этом.

— Не такое, — прошептал Поли. Этому светлому, невинному парню было сложно принять горькую правду.

Эмброуз не видел своих друзей после взрыва. Не видел их мертвыми. Застывшими, как Бейли. Это было невозможно: солдат не хоронили в открытых гробах, особенно тех, которые погибли от самодельной бомбы, способной взорвать двухтонный армейский вездеход. Но Бейли как будто уснул, а они... вряд ли. Глядя на свое изуродованное лицо, Эмброуз предположил, что их лица были разбиты, неузнаваемы.

В госпитале имени Уолтера Рида он видел сослуживцев, которые

получили еще более жуткие увечья, чем он: они были без рук и ног, с ожогами... Ему снились оторванные конечности, лужи крови, солдаты, блуждающие в клубах черного дыма после боя на улицах Багдада. Его преследовали образы друзей и мысли о том, что произошло с ними после взрыва. Они погибли мгновенно? Успели все понять? Чувствовал ли Поли, как его забирает Смерть? А Бейли? Чувствовал ли он?

Такая дурацкая, трагичная, бессмысленная смерть. Комок подступил к горлу Эмброуза, пока он смотрел на Бейли Шина, на грязь, спутавшую его волосы, на то, как Энджи его умывала. Тай был в той же грязи. Бейли мертв, Рита в реанимации, а брюки Беккера Гарта влажные и тоже вымазаны какой-то грязью. Он что-то сделал со своей женой. И с Бейли.

Эмброуза охватил ужас. Зло жило повсюду. И он столкнулся с ним здесь, в Ханна-Лейк. Он вышел из палаты. Ярость стучала в его висках и бурлила в венах. Эмброуз влетел в приемный покой, резко распахнув дверь, отделявшую зал ожидания от травматологии. Несколько человек, сидевших на металлических стульях, испуганно взглянули на изувеченного гиганта. Беккера здесь не было. Тай заснул на руках у Рейчел, которая все еще сидела с Сарой и не знала, что племянник мертв. Она вопросительно посмотрела на Эмброуза. В чертах ее лица Янг узнавал Ферн, в этот момент сидящую в палате с братом и совершенно опустошенную. Эмброуз хотел вернуться к ней, но у выхода из приемного покоя увидел Лэндона Кнадсена и его напарника.

— Кнадсен! — крикнул Эмброуз, решительно распахнув дверь.

Лэндон сделал шаг назад, а второй полицейский положил руку на кобуру.

— Где Беккер Гарт?

Лэндон не мог отвести взгляда от лица Эмброуза. Он впервые за три года увидел борца, который был его кумиром в старших классах.

— Мы не знаем, — признался Лэндон, качая головой и безуспешно пытаясь скрыть изумление. — Мы пытаемся понять, что вообще, черт возьми, происходит. У нас тут стояла еще одна машина, и не за всеми входами и выходами следили. Он ускользнул.

От Эмброуза не укрылась жалость во взгляде Лэндона, но он был слишком зол, чтобы придавать этому значение. За Беккером Гартом вели наблюдение. Это подтвердило его подозрения. Он указал полицейским на грязь, которую заметил на Тае и одежде Бейли, а также на «совпадение», что Бейли и Риту привезли в больницу с разницей в полчаса. Полицейских не удивили его выводы. Оба были на взводе. Такого в Ханна-Лейк не случалось никогда. Но Бейли Шин был мертв.

Рита пришла в сознание через несколько часов после операции. Она ничего не понимала, в глазах у нее стояли слезы от чудовищной головной боли. Врачи снизили внутричерепное давление и наблюдали за отеком. Теперь, когда Рита могла говорить, ей хотелось узнать, что случилось. Мама поведала о звонке Беккера в службу спасения и поездке в больницу с малышом Таем, о том, что Беккер не смог ее разбудить.

— Мне было нехорошо, — тихо ответила Рита. — У меня болела голова, меня тошнило. Я не хотела ехать в «Джеррис». Искупала Тая, надела на него пижаму, сама тоже хотела лечь спать, но Беккер не спускал с меня глаз. Он нашел мою заначку, мама. Он знает, что я хотела сбежать. Он уверен, что у меня роман с Эмброузом Янгом. — Речь Риты становилась медленнее: действовало обезболивающее. — Но Эмброуза любит Ферн... а он, кажется, любит ее.

— Как твоя голова? Доктор сказал, что у тебя черепно-мозговая травма, открылось внутреннее кровоотечение и образовалась... суб-дуральная гематома. Так он это назвал.

— Я сказала Беккеру, что хочу с ним развестись. Я сказала ему, мам. Он посмотрел на меня так, будто хотел убить. Я испугалась и убежала, а он догнал меня и ударил. Я упала на пол, прямо на плитку. Мне было так больно. Наверное, я потеряла сознание. У меня на затылке появилась огромная шишка... но крови не было.

— Когда это было?

— Кажется, в четверг.

Риту доставили в больницу в пятницу вечером. Сейчас утро субботы. Ее чудом удалось спасти.

— Мне снился Бейли. — Рита едва связывала слова, и Сара не стала ее перебивать, зная, что дочь скоро уснет. — Тай плакал, и тут появился Бейли и взял его покатасть. Он сказал: «Пусть мама поспит». Я так обрадовалась, потому что очень устала. Даже голову не могла поднять. Забавный сон, да?

Сара сжала руку дочери, едва сдерживая слезы. Придется рассказать Рите о Бейли, но не сейчас. Сначала Саре нужно разобраться с более важными делами. Когда дочь уснула, она позвонила в полицию.

Окно, как обычно, было открыто. Ветер шевелил шторы, и при каждом его порыве жалюзи легко ударялись о подоконник. Было еще не слишком поздно, едва стемнело, но Ферн, продержавшись на ногах почти тридцать шесть часов, просто упала на кровать. Однако сон ее прерывался: она то плакала, то просыпалась от головной боли.

Уехав из больницы и оставив Бейли с врачами, которым предстояло провести вскрытие и отправить его тело в морг, Ферн и ее родители провели день дома с Энджи и Майком. Они встречали сочувствующих соседей, с благодарностью принимая еду и соболезнования. Эмброуз вернулся в магазин, чтобы помочь отцу, а Ферн и Рейчел забрали Тая — Сара осталась с дочерью. Беккер пустился в бега, и никто не знал, где он.

Энджи и Майк еще не оправились от шока, но держались. Они больше утешали сами, чем нуждались в утешении. Приехали сестры Бейли с мужьями и детьми. Все с теплотой вспоминали его жизнь, скорбели о неожиданном уходе. В тот день нашлось место не только слезам, но и смеху. Пожалуй, смеялись даже больше, чем позволяли обстоятельства, но Бейли бы это понравилось. Ферн, окруженная людьми, которые любили его, и черпавшая силы в этих связях, тоже смеялась.

Когда Сара вернулась за Тайлером и сообщила, что Рита в порядке, Ферн ушла к себе. Но стоило ей остаться одной, как на нее нахлынули терзающие душу воспоминания: о словах, которые Бейли никогда больше не произнесет, о выражении лица, которого она уже не увидит, о местах, где они не побывают, и, наконец, о времени, которое они больше никогда не проведут вместе. Бейли больше нет. Эта боль оказалась острее, чем она могла себе представить.

В девять вечера Ферн почистила зубы, надела пижаму, умылась холодной водой — только затем, чтобы снова почувствовать, как опухшие глаза щиплет от слез. Она зарылась лицом в полотенце, словно пытаясь спрятаться от реальности. Заснуть не получалось. Горе лишь увеличивалось оттого, что его не с кем было разделить. Она хотела найти хотя бы временное облегчение, но его не было в ее маленькой темной комнатке. Когда громко звякнули жалюзи и свет уличного фонаря заплескался по стене, Ферн не стала поворачиваться к окну и открывать глаз, а лишь

тяжело вздохнула. Вдруг она почувствовала, что кто-то гладит ее волосы, и вздрогнула, но испуг быстро сменился благодарностью.

— Ферн?

Она знала, чья это рука, и лежала неподвижно, позволяя Эмброузу гладить ее по голове. Размеренные движения его ладони, большой и теплой, успокаивали. Ферн прижалась к нему и отыскивала — как всегда, в темноте — его глаза. Он сидел на корточках у кровати, широкие плечи очерчивал тусклый свет из окна. Его рука дрогнула, когда он увидел ее заплаканное лицо, но тут же продолжила монотонные движения, убирая огненные пряди с лица, ловя в горсть слезинки.

— Его больше нет, Эмброуз.

— Знаю.

— Это невыносимо. Мне так больно, что я тоже хочу умереть.

— Знаю, — тихо, но твердо повторил он, ведь понимал это, возможно, лучше всех.

— Как ты узнал, что нужен мне? — прошептала Ферн.

— Потому что ты нужна мне, — с горечью в голосе признался Эмброуз.

Ферн села, и он, опустившись на колени, обнял ее, притягивая ближе. Она была такой маленькой, а он таким большим. Ферн уютно устроилась у него на груди, обхватила его шею как ребенок, который сначала потерялся, а потом нашел того, кого любит больше всех на свете.

Для нее было свидетельством любви то, что Эмброуз так долго стоял на полу, обнимая ее и пропуская сквозь себя ее скорбь. Его боль в коленях сливалась с болью в сердце, но это чувство отличалось от того, что охватило его, когда он потерял в Ираке Бинса, Джесси, Поли и Гранта. Отравленную чувством вины, ее невозможно было унять. Боль от потери Бейли он мог взвалить на свои плечи и готов был сделать это за Ферн.

— Не люби я его так сильно, было бы легче. В этом вся ирония, — спустя какое-то время сказала она охрипшим от слез голосом. — Счастье общаться с Бейли, любить его составляет часть боли. Нельзя испытывать одно чувство, не испытав другого.

— Что ты имеешь в виду? — прошептал Эмброуз, прикоснувшись губами к ее волосам.

— Подумай же. Если бы не было горя, то не было бы и счастья. Я бы не чувствовала утрату, если бы не любила. Эту боль нельзя унять, пока Бейли живет в моем сердце. Если бы я его не знала, то не скорбела бы. Но лучше уж скорбеть по нему, чем никогда его не знать... Буду постоянно об этом себе напоминать.

Эмброуз поднялся, держа ее на руках, и устроился на кровати, прислонившись спиной к стене. Он гладил ее по волосам и слушал ее рассуждения. В конце концов они свернулись калачиком в ее постели. Ферн лежала у самого края, но Эмброуз крепко ее держал.

— Можешь заставить все это исчезнуть? — прошептала она, коснувшись губами его шеи.

Он замер. Смысл ее слов был так же очевиден, как и боль в ее голосе.

— Ты говорил, что, когда целуешь меня, боль уходит. Я тоже хочу, чтобы она ушла, — столь же непосредственно продолжила она. Дыхание щекотало его шею, и он блаженно закрыл глаза.

Он поцеловал ее веки, скулы и мочку уха, отчего Ферн задрожала и вцепилась в его футболку. Он убрал волосы с ее лица, чувствуя, как мягко они струятся сквозь пальцы. Поцелуем Эмброуз пытался прогнать ее воспоминания и скорбь — хотя бы на мгновение, как это делала она. Он чувствовал ее грудь, изгиб бедер — все тело и так хотел сделать следующий шаг. Но несмотря на то, что сердце бушевало в груди, лишь целовал и гладил ее. Эмброуз поддается искушению, когда боль ослабит хватку и Ферн будет искать не забытья, а счастья.

Он не хотел быть болеутоляющим на время. Он мечтал стать для нее исцелением. Они сблизятся в другое время, в другом месте. Сейчас Бейли заслонил собой все, заполнил каждый уголок комнаты, каждую частичку Ферн, Эмброуз не хотел делить ее с кем-то, занимаясь с ней любовью. Он подождет.

Когда она уснула, Эмброуз осторожно высвободился и укрыл ее одеялом, на секунду задержавшись, чтобы полюбоваться рыжими локонами на подушке, изгибом руки у подбородка. «Если бы я не любила его так сильно, было бы легче». Хотел бы он понять эту простую истину, когда очнулся в госпитале, полном искалеченных солдат, страдающих от боли, неспособный примириться со смертью друзей и со своим изувеченным лицом.

Он смотрел на нее, пораженный тем, что Ферн интуитивно поняла эту истину. Эмброуз пытался вырвать из сердца своих друзей, но, сделав это, он лишил бы себя радости любить, знать их и учиться у них. Если бы он не чувствовал боли, он не оценил бы вновь обретенной надежды и счастья, за которое хватался теперь что есть сил.

В день похорон Ферн стояла на пороге дома Эмброуза в девять утра. Он сказал, что заберет ее в девять тридцать, но она собралась раньше и от волнения не находила себе места. Сообщив родителям, что подождет их в церкви, она выскользнула из дома. Дверь открыл Эллиот.

— Ферн! — Он улыбнулся ей так, словно они вдруг стали лучшими друзьями. Очевидно, Эмброуз рассказал о ней отцу. Это хороший знак. — Здравствуй, милая. Эмброуз, кажется, готов. Проходи. Эмброуз! — позвал он. — Сынок, Ферн пришла. Ну, я пойду. Нужно по пути заехать в пекарню. Увидимся в церкви.

Он еще раз улыбнулся ей и, взяв ключи, вышел на улицу. Эмброуз выглянул из открытой двери: белая рубашка, заправленная в парадные темно-синие брюки. Привлекательный и неприступный. Левая половина лица — в пене для бритья.

— Ферн? Все в порядке? Я перепутал время?

— Нет. Просто... я уже готова. Не могла сидеть без дела.

Он понимающе кивнул и, когда она подошла, взял ее за руку.

— Как ты держишься, крошка?

Это нежное обращение звучало так по-новому и будто защищало ее. Оно успокоило Ферн, но в то же время ей снова захотелось плакать. Вцепившись в его руку, она сдерживала слезы изо всех сил — и так слишком много плакала в последние дни. Даже когда Ферн думала, что слез больше не осталось, они продолжали течь ручьем. Она накрасилась сегодня ярче обычного: подвела глаза и несколько раз накрасила тушью ресницы — просто потому, что так чувствовала себя сильнее. Теперь идея казалась не такой уж хорошей.

— Позволь мне. — Ферн потянулась к бритве, надеясь отвлечься.

Эмброуз отдал ей станок и присел на тумбочку.

— Они растут только слева. Я никогда не смогу отпустить усы или бороду.

— Хорошо. Мне нравятся чисто выбритые мужчины, — буркнула она, мастерски снимая густую белую пену.

Эмброуз наблюдал за ней, пока она орудовала станком. Ее лицо было слишком бледным, а под глазами залегли темные круги. Но черное платье подчеркивало достоинства фигуры и хорошо сочеталось с рыжими локонами. Эмброуз любил ее волосы. Он обнял ее за талию, и они встретились глазами. Ферн на секунду остановилась, чтобы не поранить его задрожавшими руками.

— Где ты этому научилась? — спросил Эмброуз, когда она закончила.

— Помогала Бейли бриться. Много раз.

— Ясно. — Эмброуз внимательно изучал ее, когда она взяла полотенце и стерла остатки пены, проводя ладонью по его щеке.

— Ферн... я могу сам.

— Но я хочу помочь.

Он был не против — ему нравилось ощущать на себе ее руки, нравилось, когда она касается его бедер своими. Но он не Бейли, и нужно напомнить ей об этом.

— Тебе будет трудно... не проявлять ко мне такую же заботу, какую ты проявляла к Бейли, — мягко сказал Эмброуз.

Ферн отложила полотенце, ее руки безвольно упали.

— Я не хочу, чтобы ты так со мной возилась, Ферн, хорошо? Заботиться о ком-то и опекать его — не одно и то же. Понимаешь?

— Иногда одно и то же, — прошептала она.

— Да. Бывает и так. Но не в этот раз. Не со мной.

Ферн растерялась. Она избегала его взгляда, как ребенок, которому сделали выговор. Тогда Эмброуз поцеловал ее, чтобы приободрить. Она вновь обхватила его лицо, и он тотчас забыл, что собирался сказать, как только их губы встретились.

Эмброуз не стал возобновлять этот разговор, он знал: Ферн необходимо время.

Когда Эмброуз поднялся на амвон, в церкви воцарилась тишина. Ферн затаила дыхание. Он терпеть не мог, когда на него таращились, но сейчас волей-неволей оказался в центре внимания. Множество людей, собравшихся в переполненной церкви, видели его таким в первый раз. Мягкий свет, проходя сквозь витражные окна, отбрасывал узоры на амвон и сиял вокруг Эмброуза. Он окинул всех взглядом. Тишина была такой оглушительной, что Янг испугался, не покинул ли его слух окончательно.

«Как же он красив», — подумала Ферн. Для нее Эмброуз был именно таким. Не в прямом смысле, теперь уже нет... Но он стоял выпрямившись, с высоко поднятой головой, в форме, крепкий и сильный. Когда он начал говорить, его взгляд оставался спокойным, а голос твердым.

— Мне было одиннадцать лет, и как-то Бейли Шин бросил мне вызов. Он хотел побороться со мной. — В зале засмеялись, но Эмброуз даже не улыбнулся. — Конечно, я знал Бейли, мы ведь вместе учились. Но вообще-то он был сыном мистера Шина. Тренера, на которого я хотел произвести впечатление. Я посещал его секцию с семи лет. Бейли тоже. Но он никогда не участвовал в боях, лишь валялся на матах и старался быть в центре событий. Я всегда думал, что ему попросту не хотелось бороться. Я понятия не имел, что он болен. Поэтому, когда Бейли вызвал меня на бой, я не знал, что и думать, но начал кое-что замечать: он ходил на носочках, ноги у него будто подкашивались, время от времени он терял равновесие, иногда даже падал. Сначала мне казалось, что он просто неуклюжий.

Все снова усмехнулись, на этот раз чуть тише.

— Иногда мы с друзьями подшучивали над Бейли. Мы ничего не знали. — Эмброуз почти перешел на шепот, а потом замолчал, чтобы взять себя в руки. — И вот мы стояли друг против друга — я и Бейли Шин. Он подстерег меня после тренировки и спросил, не хочу ли я с ним побороться. Я знал, что легко с ним справлюсь, но не был уверен, стоит ли соглашаться... Тренер мог разозлиться, ведь я был намного крупнее Бейли, да и вообще крупнее всех ребят. — Янг едва заметно улыбнулся. Атмосфера немного разрядилась. — Не знаю, почему я поддался на его уговоры. Может, из-за того, как он смотрел на меня. В его глазах было столько надежды, он то и дело оглядывался на отца, стоявшего в стороне с

группой старшеклассников. Я решил, что просто подурачусь с ним. Ну, знаете, позволю ему нанести мне парочку ударов — как мне, бывало, разрешали старшие ребята. Но прежде чем я успел опомниться, Бейли набросился на меня и вцепился в ногу. Он застал меня врасплох. Я знал, что делать, — распластаться на мате. Он опустился следом за мной. Если бы за нами наблюдал рефери, Бейли заработал бы два очка за тейкдаун. Это меня задело, и я выбрался из-под него, распаленный чуть сильнее, чем прежде. Мы стояли друг против друга, на его лице читался азарт. Бейли снова пошел в наступление, но на этот раз я был готов. Пригнувшись и поддев снизу, я опрокинул его. Тогда он упал на мат. Я навалился сверху. Он морщился и извивался подо мной, а я смеялся, потому что парень оказался совсем неплох в борьбе. Помню, как за секунду до того, как к нам подскочил тренер, у меня в голове промелькнуло: «Почему Бейли не занимается борьбой?»

Эмброуз сглотнул и посмотрел на Майка Шина. По щекам того катились слезы. Энджи тоже плакала, обхватив руку мужа.

— Я никогда не видел тренера таким злым и напуганным. Ни до того случая, ни после. Он начал кричать. Меня оттолкнул подбежавший с ним старшеклассник. Я испугался, а Бейли, сидя на мате, тяжело дышал и улыбался.

Послышался смех.

— Тренер Шин поднял Бейли, ощупывая его со всех сторон, очевидно, проверяя, не сломал ли я что. Бейли не обращал на него внимания — он смотрел на меня: «Ты вообще старался, Эмброуз? Не говори, что поддался мне, когда я сделал тейкдаун».

Снова смех и улыбки. Но Эмброуз, казалось, с трудом сдерживал слезы, и все тут же притихли.

— Бейли просто хотел бороться, показать себя. Тот день, когда он повалил меня, стал для него очень важным. Бейли любил борьбу. Он стал бы превосходным борцом, дай ему судьба такой шанс. Шанса не было, однако он не расстроился. Не обозлился. Не жалел себя. Когда я вернулся из Ирака, мистер Шин и Бейли пришли меня навестить. Я не хотел никого видеть, потому что был зол, утонул в жалости к себе — Эмброуз смахнул слезы. — Бейли при рождении не получил того, что я принимал как должное большую часть жизни. Мне досталось крепкое, здоровое тело, и оттого я преуспел в спорте. Я всегда был самым крупным, самым сильным. Многого в жизни я добился только благодаря врожденным качествам, но я не умел это ценить. Я чувствовал лишь постоянное давление со стороны и терпеть не мог завышенных ожиданий окружающих. Я никого не хотел

разочаровывать, но мне нужно было разобраться в себе. И потому три года назад я покинул город. Я хотел пойти своей дорогой... Пусть и на время. Я думал тогда, что еще успею вернуться к борьбе и заняться тем, чего ожидали от меня другие. Но такое редко срабатывает, не так ли? Бейли сказал, что мне следует вернуться в зал, что нам пора начать тренировки. Я тогда посмеялся, ведь он тренироваться вообще не мог, а я частично ослеп и оглох, последнее, чем я хотел заниматься, была борьба. Все, что я хотел, — это умереть, и мне тогда казалось, что, раз Поли, Грант, Джесси и Коннор были мертвы, я тоже этого заслуживал.

Печаль затопила церковь, почти заглушив скорбь по Бейли. Это была неизлечимая боль. Городу не удалось как следует ни оплакать ребят, ни отпраздновать возвращение одного из своих жителей. Из-за того, что Эмброуз не принимал случившегося с парнями, другие тоже не смогли смириться с этим.

Ферн обернулась и увидела мать Поли в толпе. Та сжимала руку своей дочери, склонив голову, поддавшись, как и другие, этому горю. Мистер Шин спрятал лицо в ладонях: его любовь к ребятам была столь же сильной, как и к собственному сыну. Ферн очень хотелось отыскать лица всех, кому они были дороги, посмотреть им в глаза. Вероятно, этого же хотел Эмброуз. Возможно, он понял: время пришло.

— Через два дня после смерти Бейли я пошел к тренеру. Я думал, он убит горем, чувствует то же, что чувствовал я весь последний год, тоскуя по друзьям. Я проклинал Бога, злился и сходил с ума. Но мистер Шин вел себя иначе. Он сказал мне: когда Бейли поставили диагноз, время для него будто остановилось, все вокруг замерло. Они с Энджи не знали, смогут ли когда-нибудь снова быть счастливыми. Я спрашивал себя об этом же. Но тренер удивил меня ответом: худшее, что только было в их жизни, оказалось и невероятным подарком. Бейли научил его смотреть на вещи трезво, жить настоящим и говорить слова любви часто и искренне. И, конечно, быть благодарным за каждый прожитый день. Болезнь сына сделала его терпеливым и стойким. Научила осознавать, что есть вещи поважнее боевых искусств.

Мистер Шин улыбнулся сквозь слезы.

— Еще тренер сказал, мол, Бейли мечтал о том, чтобы я произнес речь на его похоронах. — Эмброуз скорчил рожу, и публика засмеялась. Он подождал, пока все утихнут, и продолжил: — Вы знаете, я очень люблю борьбу. Благодаря ей я стал трудолюбивее, сдержаннее, научился по-мужски отвечать за свои поступки и по-мужски побеждать. Борьба сделала из меня хорошего солдата. Но, как и тренер, я стал понимать: есть вещи

важнее. Героизм в спортзале куда менее важен, чем героизм вне его, а Бейли Шин был героем для многих. Он был героем как для меня, так и для всей команды. Шекспир говорил: «Ограбленный, смеясь своей потере, у вора отнимает кое-что».^[67] — Эмброуз взглянул на Ферн и мягко ей улыбнулся, вспомнив их обмен цитатами из Шекспира. — Бейли тому доказательство. Он всегда улыбался, жизнь была в нем ключом. Мы не всегда можем управлять своей судьбой — иногда она дает нам тело калеки, лицо в шрамах, порой забирает у нас людей, которых мы любим и без которых не хотим жить. — Эмброуз вздохнул. — Нас ограбили. У нас украли внутренний свет Бейли, кротость Пола, прямоту Гранта, страсть Джесси и жизнелюбие Бинса. Но, несмотря на это, я решил улыбаться, как Бейли, назло вору. — Он окинул взглядом всех, кто его слушал, многих из кого знал всю жизнь, и заплакал. Но голос его уже не дрожал, когда он завершал свою речь.

— Я горжусь службой в Ираке. Но тем, как я ушел из дома и как вернулся, не горжусь. Во многом я подвел друзей. Не знаю, смогу ли простить себе их смерть. Я кое-чем обязан им и вам, поэтому сделаю все возможное, буду бороться и за вас, и за них — за сборную Пенн-Стейт. — Изумленные возгласы раздались в церкви, но Эмброуз продолжал, не обращая на это внимания: — Бейли верил, что я на это способен. И я докажу, что он был прав.

1995

— Сколько швов тебе наложили? — Ферн хотела, чтобы Бейли снял повязку с подбородка. Она прибежала сразу, как только услышала новость.

— Двадцать. Рана довольно глубокая. Я даже кость видел.

Казалось, Бейли был восхищен своей травмой, но его лицо тут же вытянулось. На коленях, как обычно, лежала книга, но читать ему не хотелось. Он полулежал в кровати. Временно покинутая коляска стояла в стороне. Несколько месяцев назад его родители купили специальную кровать: с продольными поручнями и кнопками, позволявшими поднимать верхнюю часть, чтобы Бейли без особых усилий мог сидеть, или нижнюю, и тогда можно было притвориться, что ты лежишь в ракете, запущенной в космос. Ферн и Бейли успели несколько раз так «полетать», пока тетя Энджи их не отругала и не запретила превращать кровать в космический корабль.

— Болит? — спросила Ферн. Наверное, поэтому, подумала она, Бейли был таким угрюмым.

— Нет. Мне сделали укол. — Он даже ткнул пальцем в то место.

— Что же тогда случилось, приятель? — Ферн забралась на кровать, пристраиваясь рядом с ним и отодвигая в сторону книгу, чтобы освободить себе место.

— Я больше не смогу ходить, — сказал Бейли, и у него задрожал подбородок, марлевая повязка вместе с ним.

— Но ты же можешь чуть-чуть ходить?

— Нет. Больше не могу. Я попробовал сегодня и упал. Сильно разбил подбородок.

Какое-то время он пользовался коляской только дома — берег силы, чтобы обходиться без нее в школе. Но потом расписание уроков стало слишком плотным, поэтому Энджи и Майк поменяли тактику: они отправляли его в школу в коляске и позволяли подниматься из нее по вечерам, когда хватало сил. Происходило это реже и реже, все чаще он и дома перемещался в коляске. Теперь без нее никуда.

— Ты помнишь свой последний шаг? — осторожно спросила Ферн, не особенно соображая в свои одиннадцать, что нужно избегать вопросов, на которые людям больно отвечать.

— Нет. Я бы отметил это в дневнике, если бы помнил.

— Могу поспорить, твоя мама хотела бы написать об этом в твоём детском альбоме. Она ведь наверняка отметила, когда ты начал ходить.

— Она, наверное, думала, что этих шагов будет больше. — Бейли сглотнул, и Ферн поняла, что он из всех сил старается не расплакаться. — И я думал, что их будет больше. Но, наверное, я их все прошел.

— Я бы поделилась с тобой своими шагами, если бы было можно, — произнесла Ферн, и ее подбородок тоже задрожал.

Они поплакали вместе с минуту — две несчастные маленькие фигурки на больничной койке, окруженные голубыми стенами и вещами Бейли.

— Может, я и не могу больше ходить, зато могу кататься. — Бейли утер нос и пожал плечами — вечный оптимист, презирающий жалость к себе.

Ферн кивнула и вдруг просияла, с благодарностью взглянув на его коляску:

— Ты не можешь ходить, но ты все еще можешь отрываться под рок-н-ролл, ^[68] — воскликнула она и, спрыгнув с кровати, включила музыку.

— Еще как могу, — рассмеялся Бейли. И он запел так громко, на сколько хватало легких, пока Ферн ходила, каталась, танцевала и прыгала за них обоих.

Могила Бейли была слева от могилы их с Ферн деда. Джессика Шин, которая умерла от рака, когда ее сыну Майку было всего девять, тоже лежала рядом. Рейчел, маме Ферн, исполнилось девятнадцать, когда ее мама умерла. Она помогала отцу воспитывать брата, пока тот не закончил школу и не уехал в колледж. И так вышло, что Рейчел относилась к Майку больше как мать, чем как сестра.

Дедушке Джеймсу Шину было около семидесяти, когда родились Ферн и Бейли, а умер он пять лет спустя. Ферн помнила его смутно — только седые космы и ярко-голубые глаза, цвет которых унаследовали и Майк с Рейчел, и Бейли. А вот кареглазая Ферн пошла в отца.

Когда пастор Тейлор начал трогательную прощальную речь, Ферн чувствовала, как вздрагивал Эмброуз: эти слова находили отклик в его сердце.

— Не думаю, что мы получим ответы на все вопросы. Нам не дано разгадать все «почему». Но я уверен, что все мы однажды, в конце жизни, обернемся и поймем: все то, что мы так умоляли Бога забрать у нас, за что мы его проклинали и из-за чего отрекались от него, было величайшим даром. — Пастор помолчал, собираясь с мыслями. Затем он взглянул на дочь. — Бейли был благословением, и я верю, что мы его еще увидим. Он ушел не навсегда.

Но сейчас Бейли с нами не было, и это «сейчас» тянулось бесконечно долго. Его отсутствие походило на огромную зияющую яму, вырытую для него же, — яму, которую нельзя не заметить. Пустоту, оставшуюся в сердце после ухода Бейли, предстояло заполнять гораздо дольше, чем могилу.

Ферн вцепилась в руку Эмброуза, и, когда ее отец произнес «Аминь», а люди начали расходиться, она осталась стоять как вкопанная. Ей было трудно двигаться, дышать, повернуться спиной к могиле брата. Один за другим к ней подходили люди, хлопали по руке, обнимали. Наконец остались только она, Эмброуз, Энджи и Майк. Солнечные лучи играли на земле, пробиваясь сквозь листву, плетя на траве витиеватое кружево и рассеиваясь над их головами. Энджи и Ферн обнялись, обеим было слишком больно.

— Я люблю тебя, Ферн. — Энджи приложила ладони к лицу

племянницы и поцеловала ее в щеки. — Спасибо за твою любовь к моему мальчику. Спасибо, что не бросала его и заботилась о нем. Какое счастье, что ты есть у нас.

Энджи посмотрела на Эмброуза, на его спокойное лицо, и сказала:

— Меня всегда поражало, как вовремя порой мы встречаем людей. Наверное, так Бог заботится о нас, своих детях. Когда-то он дал моему сыну Ферн, а сейчас ей самой нужен ангел-хранитель. — Она положила руки на широкие плечи Эмброуза и посмотрела в глаза, не стесняясь эмоций. — Ты и есть этот ангел-хранитель, мальчик.

Ферн покраснела до самых корней своих рыжих волос, Эмброуз же улыбнулся, но Энджи не закончила говорить и одной рукой притянула к себе Ферн. Эмброуз посмотрел поверх светлой головы Энджи и встретился взглядом со своим старым тренером. Глаза Майка Шина были красными от слез, влажные щеки блестели. Он кивнул, соглашаясь со словами жены.

— Бейли был готов к смерти больше, чем кто-либо другой. Он не хотел умирать, но и не боялся этого, — убежденно сказала Энджи, и Эмброуз снова посмотрел на нее. — Он был вполне готов к этому, и мы должны отпустить его. — Она снова поцеловала племянницу, глаза заблестели от слез. — Так надо, Ферн.

Энджи глубоко вздохнула и отпустила ребят. Затем привычно взяла под руку мужа, и вместе они покинули тихое местечко, где стоял гроб, где пели птицы, пророча вечную жизнь.

Ферн подошла к яме и, присев на корточки, достала из кармана своего черного платья пригоршню камней. Аккуратно она выложила буквы ПШ у изножья могилы.

— Прекрасный Шин. Прекрасный Бейли Шин. Таким я всегда буду его помнить.

* * *

— Он хотел, чтобы эта книга была у тебя. — Майк Шин вручил Эмброузу увесистый том. — Бейли выбрал новых хозяев для каждой вещи в своей комнате. Видишь? Она подписана.

На обложке с обратной стороны значилось: «Для Эмброуза». Это были мифы, которые Бейли читал в секции, когда познакомил Эмброуза с Гераклом.

— Я оставляю вас на минутку. Вроде бы я в порядке, но когда захожу сюда, снова вспоминаю, что его больше нет, и мне становится плохо. —

Отец Бейли попробовал улыбнуться, но губы его задрожали, и он вышел из комнаты.

Ферн подтянула ноги к груди, положила подбородок на колени и прикрыла глаза, пытаясь сдержать слезы. Энджи и Майк попросили их зайти, чтобы забрать вещи Бейли, которые он им оставил. Но это могло подождать.

— Ферн, мы можем уйти. Не обязательно прямо сейчас что-то уносить.

— Мне больно здесь находиться. Но и в другом месте не лучше. — Ферн пожала плечами. — Все в порядке. — Она вытерла щеки и показала на книгу, которую держал Эмброуз. — Почему он хотел, чтобы мифы остались у тебя?

Эмброуз листал страницы, глядя на могучего Зевса и пышногрудых нимф, пока не нашел картинку, о которой часто вспоминал даже много лет спустя. «Лицо героя». Как ясно теперь он это понимал! Печальное бронзовое лицо, рука лежит на разбитом сердце. Вина была тяжелым бременем даже для героя мифов.

— Геракл, — ответил Эмброуз, зная, что Ферн поймет.

Он протянул ей раскрытую книгу, плотные страницы колыхнулись, и на пол упал сложенный лист бумаги. Ферн подняла его и раскрыла.

— Это же его список, — удивленно прошептала она.

— Что за список?

— Датирован 22 июля 1994 года.

— Одиннадцать лет назад, — подсчитал Эмброуз.

— Нам было по десять. Для него то лето оказалось последним, — вспомнила Ферн.

— Последним?

— Перед тем, как он оказался в коляске. Все случилось тем летом. Болезнь обострилась.

— И что там? — Эмброуз уселся рядом, заглядывая в вырванный из тетради листок. Это был длинный список, написанный детским почерком: в одном столбце короткие предложения, в другом все расписано чуть подробнее.

— «Поцеловать Риту»? «Жениться»? — прочел Эмброуз. — Бейли, оказывается, любил ее уже в десять.

— Всегда. С первого дня знакомства, — усмехнулась Ферн. — «Есть олады каждый день». «Изобрести машину времени». «Укротить льва». «Подружиться с монстром». Разве скажешь, что ему десять?

Эмброуз тоже усмехнулся. Он пробежал глазами мечты маленького

Бейли:

— «Надавать задире». «Стать супергероем или суперзвездой». «Прокатиться в полицейской тачке». «Сделать татуировку». Обычный мальчишка.

— «Жить». «Быть храбрым». «Быть хорошим другом». «Всегда быть благодарным». «Заботиться о Ферн», — прошептала она.

— А может, и не обычный, — отозвался Эмброуз, почувствовав ком в горле.

Пару минут они сидели в тишине, держась за руки. Буквы расплывались перед глазами.

— Он успел так много из этого, Эмброуз, — всхлипнула Ферн. — Может, не в прямом смысле, но он справился... или помог справиться кому-то. — Она передала Эмброузу список. — Держи. Номер четыре: «Познакомиться с Гераклом». Для него Гераклом был ты.

Эмброуз вложил драгоценный листок меж страниц главы о Геракле, напоследок его глаза выхватили из списка слово: «Бороться». Бейли не пояснил его, ничего к нему не добавил. Он просто написал его и перешел к следующему пункту. Эмброуз закрыл книгу на странице о давних мечтах и древних героях.

Геракл пытался искупить свою вину за смерть жены и троих детей, за четыре оборванные им жизни. Кто-то может сказать: он не виноват, это было временное помутнение рассудка, посланное завистливой богиней. Но Геракл винил во всем только себя.

Однако Эмброуз не был богом, он не обладал суперспособностями, и это была не античная мифология. Порой он с ужасом ловил себя на мысли, что похож скорее на монстра, чем на героя. Четыре жизни, за которые он нес ответственность, больше не вернешь, и никаким трудом или наказанием вины не искупишь. Но можно просто жить. И продолжать бороться. Если где-то и существует мир, в котором его друзья живы, а Бейли снова на ногах, — когда раздастся свисток и заскрипят маты, они улыбнутся, зная, что Эмброуз делает это в их честь.

ПОЙМАТЬ ПЛОХОГО ПАРНЯ

Ферн вернулась к работе через несколько дней после похорон. Мистеру Моргану почти целую неделю приходилось ее заменять, так что он ее ждал не дождался. Работать гораздо лучше, чем торчать дома и хандрить, да и Эмброуз ждал бы ее после смены. К десяти вечера Ферн была изнурена. Янг взглянул на нее и тут же велел идти домой. Она расплакалась, но он поцеловал ее и утешил. Отчаяние сменилось страстью и разочарованием, отчего Эмброуз снова начал уговаривал ее пойти домой. Цикл замкнулся.

— Ферн, милая! Я не хочу заниматься с тобой любовью на полу пекарни. А если ты не унесешь отсюда свою прелестную задницу, именно это и случится. Иди же!

Эмброуз запечатлел поцелуй на кончике веснушчатого носа и мягко подтолкнул ее:

— Давай.

Выходя из пекарни через служебный вход, она все еще мечтала о жарком сексе на полу. Расставание было пыткой. Скоро Эмброуз уедет на учебу, и его отъезд вкупе со смертью Бейли ее просто подкосит. Она не представляла, что будет делать одна. В ней бушевали эмоции, ее так и подмывало вернуться к Эмброузу. Если она отправится следом за ним, как он отреагирует? Ферн могла бы поступить в колледж, взять кредит на обучение. Поселилась бы в общежитии, записалась бы на пару курсов, выполняла бы задания по вечерам и бегала бы за Янгом как собачка. Она и делала это всю жизнь.

Ферн решительно тряхнула головой, вздохнула, собирая волю в кулак, и направилась к своему велосипеду. Нет. Не стоит этого делать. В последнее время ее беспокоили мысли о будущем. Да, она всегда любила Эмброуза. Но если он хочет, чтобы она осталась в его жизни, пусть устраивает это сам. Пусть сам попросит ее поехать с ним. Ферн села на корточки перед велосипедом, пристегнутым к водосточной трубе, и щелкнула замком. Она глубоко задумалась и не сразу обратила внимание на шаги за ее спиной. Чьи-то сильные руки обхватили ее и толкнули на землю. Велосипед, качнувшись, упал рядом.

Однажды Эмброуз подстерег ее в темноте, но сейчас это точно был не

он. Он бы никогда не причинил ей боль. Руки, схватившие ее, были менее массивными, чем руки Эмброуза, да и все тело не было накачено, но, кто бы он ни был, он был гораздо крупнее Ферн и явно был настроен враждебно. Она отчаянно сопротивлялась незнакомцу, прижавшему ее лицо к тротуару.

— Где она, Ферн?

Беккер. От него разило пивом и блевотиной. От безупречности Беккера Гарта не осталось и следа — это напугало Ферн больше прочего.

— Я поехал к ее матери, но там темно и пусто. Я просидел там два дня. И дома ее нет! Я даже в свой дом попасть не могу, Ферн!

— Они уехали, Беккер, — прохрипела она, пытаясь совладать с паникой.

Беккер словно потерял рассудок после того, как столкнув Бейли в канаву, — это выдавал истеричный голос. Вряд ли Беккер знал о звонке Бейли в службу спасения, по мнению полицейских. Может, теперь, когда суматоха поутихла, он думал, что мог как ни в чем ни бывало вернуться домой?

— Где они?! — Беккер схватил Ферн за волосы и вдавил лицо в асфальт.

Ферн поморщилась, изо всех сил стараясь не закричать.

— Я не знаю, Беккер. — Ни за что на свете она не выдала бы Риту. — Они говорили, что уедут на пару дней отдохнуть. Они скоро вернутся.

Как только Риту выписали из больницы, Сара выставила свой дом на продажу, попросив риелтора сделать это анонимно. Рита была подавлена из-за смерти Бейли, и обе они боялись: исчезнувший Беккер не давал им почувствовать себя в безопасности ни дома, ни в городе. Именно поэтому они решили сжечь все мосты и исчезнуть, хотя бы временно, пока существовала угроза с его стороны.

Отец Ферн проследил за тем, чтобы большинство их вещей продали, а оставшиеся он надежно спрятал в церковной камере хранения. Пастор одолжил им две тысячи долларов, Ферн тоже поделилась сбережениями. Меньше чем через неделю они уехали. Ферн боялась за Риту, но она и не подозревала, что бояться ей нужно и за себя.

Ферн услышала щелчок, а потом почувствовала холодное лезвие у горла. Ее сердце бешено колотилось, кровь стучала в висках.

— Вы с Бейли настроили ее против меня! Ты постоянно давала ей деньги, а Шин хотел забрать моего ребенка! Ты знала об этом?

Ферн зажмурилась и про себя молила Бога, чтобы все это скорее закончилось.

— Она с Эмброузом?

— Что?

— Она с Эмброузом? — закричал он.

— Нет! Эмброуз со мной! — «Совсем рядом, в пекарне. И все же слишком далеко».

— С тобой? Думаешь, ты нужна ему, Ферн? Он тебя не хочет, он хочет Риту! Всегда ее хотел. Но теперь у него вместо лица черт знает что! — брызжа слюной, прошептал ей на ухо Беккер.

Холод лезвия... Беккер поднял нож к ее щеке.

— А порежу-ка я твое личико, чтобы вы подходили друг другу. Если скажешь мне, где Рита, я порежу только одну сторону — будешь выглядеть прямо как Эмброуз.

Она почти задыхалась от ужаса.

— Скажи мне, где Рита! — Беккера бесило молчание, и он ударил Ферн.

В голове у нее зазвенело, уши заложило, и она отключилась на несколько секунд. Беккер поднялся и потащил ее за длинные волосы, призывая встать, а затем повел через дорогу, к полю, которое упиралось в темную рощицу. Ферн извивалась, плача от боли. И тогда она начала звать Эмброуза.

* * *

«Ты это чувствуешь?»

Слова прозвучали в его голове так ясно, как будто Поли стоял с ним плечом к плечу и говорил на ухо. На ухо, которым Эмброуз не слышал. Потерев протез, он отошел от миксера и выругался. Подумав, что кто-то стоит сзади, он повернулся, но в пекарне никого не было, повсюду царила тишина. Он вслушался и почувствовал: тишина была напряженной. Его охватило странное, дурное, ничем не объяснимое предчувствие.

«Ты это чувствуешь?» — спросил Поли, перед тем как смерть разлучила друзей навсегда. Эмброуз вышел к задней двери и услышал крик Ферн. Вылетев наружу, он ощутил, как пульсирует кровь в висках. Первое, что он увидел, — валяющийся неподалеку велосипед. Как *велосипед* Космо. Улыбчивый Космо, который хотел, чтобы его семье ничего не угрожало, а страну освободили от террористов. Космо, погибший от рук злых людей.

— Ферн! — в ужасе заревел Эмброуз.

Тотчас буквально в ста метрах от себя он увидел, что кто-то схватил

Ферн и тянет за собой по полю. Эмброуз метнулся к ней, ярость закипела в его венах. Он добежал за считанные секунды, а когда Беккер заметил его, то заслонился Ферн, как щитом, и выставил нож вперед. Рука его дрожала.

— Она идет со мной, Эмброуз! — прокричал он. — И отведет меня к Рите!

Эмброуз не стал медлить, не позволив себе в очередной раз полюбоваться Ферн. Для Беккера Гарта все было кончено. Он убил Бейли Шина — оставил умирать в канаве, зная, что тот не выберется. Он терроризировал жену и мучил ребенка и теперь, словно тряпичную куклу, держал в своих лапах Ферн, прикрываясь ею от близкой расплаты.

Беккер выругался, понимая, что нож не спасет его в стычке с Эмброузом. Закричав, он оттолкнул Ферн и рванул что есть сил. Она вскрикнула, пошатнулась и ухватилась за Эмброуза, пытаясь остановить. Беккер споткнулся за пару мгновений до того, как Эмброуз бросился на него и повалил на землю. Головой Гарт ударился о землю подобно тому, как Рита — о плитку. Эмброуз дал волю кулакам, как тогда, в девятом классе, когда мерзавец решил поиздеваться над Бейли, закрыв его в мужской раздевалке.

— Эмброуз! — закричала Ферн, пытаясь оттащить его от Беккера, поймать кулаки, унять гнев.

Он схватился за длинные волосы Гарта — такие же, как когда-то были у него, потащил, а потом отшвырнул. Затем притянул к себе Ферн, едва державшуюся на ногах. Беккер рухнул на землю.

— Не дай ему уйти! Нельзя позволить ему найти Риту! — воскликнула она, цепляясь за Эмброуза.

Но Беккер и не собирался бежать. Эмброуз подхватил Ферн на руки и понес к магазину. Колесо велосипеда все еще медленно крутилось в воздухе.

Лицо и шея Ферн были в крови, на скуле — ссадины. Правый глаз опух. Аккуратно усадив ее на газон, он пообещал, что скоро вернется, схватил цепь для велосипеда и, достав телефон, набрал 911. Спокойно рассказывая диспетчеру о произошедшем, он связал Беккеру руки и ноги на случай, если тот придет в сознание до того, как приедет полиция. Он надеялся, что Гарт скоро очнется и почувствует, каково это — быть связанным по рукам и ногам в темноте, неспособным двигаться и знать: самому спастись не получится. Пусть поймет, как чувствовал себя Бейли в темной раздевалке. И в канаве, утопая в грязи.

Вернувшись к Ферн, Эмброуз упал на колени и нежно, бережно ее обнял. Целуя волосы, чувствуя, как начинает дрожать, он прошептал:

— Спасибо тебе, Поли.

Выпускной, 2002

Ферн в сотый раз поправила декольте и разгладила юбку, будто та успела помяться за те четыре секунды, на которые ее оставили в покое.

— У меня там нет помады, Бейли? — шепотом спросила она брата, обнажая идеально ровные белые зубы, ради которых три года мучилась с брекетами.

Бейли вздохнул и покачал головой:

— Все хорошо, Ферн. Ты отлично выглядишь. Расслабься.

Она сделала глубокий вдох и тут же принялась нервно покусывать губы, которые только что накрасила кораллово-красной помадой.

— Черт! Вот теперь точно помада на зубах, — простонала Ферн так тихо, чтобы слышал только брат.

— Я сейчас вернусь, ладно? Мне нужно в дамскую комнату на секундочку. Ты тут справишься без меня?

Бейли приподнял брови, словно хотел сказать: «Ты шутишь, женщина?» Не успела Ферн выйти, как он уже мчался на другой конец зала, к борцам. Эмброуз, Поли и Грант пришли одни. Бейли не понимал почему. Если бы он мог пригласить девушку, имел возможность обнимать ее, вдыхать запах ее волос, стоять — и танцевать — на своих двоих, он ни за что бы не упустил такого шанса. Бинс и Джесси пришли с девушками, которые теперь увлеченно вели серьезный разговор о туфлях, прическах и платьях, своих и чужих.

Друзья увидели, как Бейли мчится к ним, и улыбнулись, приветствуя его. Они всегда были ему рады.

— Отлично выглядишь, Шин, — присвистнул Грант.

Поли слегка расправил бабочку Бейли, а Эмброуз обошел коляску, оглядывая его со всех сторон.

— Ты пришел один, как и мы? — спросил Эмброуз, опускаясь на корточки, чтобы Бейли не пришлось задирать голову, общаясь с ним.

— Говори за себя, брат. Я тут с прекрасной Лидией, — проворковал Бинс, не сводя глаз со своей спутницы.

Лидия была милой, но любила выставлять все свои прелести напоказ,

и Бейли подумал, что ей немного недостает скромности Риты, чтобы выглядеть по-настоящему привлекательно. Рита оставляла на виду лишь маленькую «подсказку». Глядя же на Лидию, парни гадали, зачем ей вообще одежда. Бинсу, похоже, именно это и нравилось.

— Марли чудесно выглядит. — Бейли сделал комплимент девушке Джесси, и тот в ответ поиграл бровями.

— Еще как, Шин. Еще как.

Марли тоже надела довольно откровенное платье, но выглядела не так роскошно, как Рита или Лидия. Она была стройной, как Ферн, но с длинными черными волосами, восточным разрезом глаз и высокими скулами. Они с Джесси встречались с десятого класса и хорошо смотрелись вместе.

— Я насчет Ферн. — Бейли решил сразу перейти к делу, не желая, чтобы сестра, вернувшись, стала свидетелем того, как он пытается уговорить ребят провести с ней вечер.

Эмброуз тут же поднялся, и Бейли немного огорчился. Янг вел себя так, будто Ферн была шпионкой, вынудившей его раскрыть государственную тайну, а не девушкой, писавшей ему любовные письма. Может, он на самом деле испытывает к ней какие-то чувства? Люди не реагируют так остро на того, до кого им совершенно нет дела.

Бейли взглянул на Поли и Гранта и подался чуть ближе, надеясь, что Эмброуз все же услышит его.

— Раз уж вы, ребята, пришли без пары, может, пригласите ее на танец? Было бы здорово, если бы она потанцевала на выпускном с кем-то, кроме брата.

Эмброуз отступил на пару шагов, а потом и вовсе ушел. Грант и Поли проводили его удивленными взглядами, Бинс расхохотался, а Джесси присвистнул и покачал головой.

— Почему он ведет себя так всякий раз, когда кто-нибудь упоминает Ферн? — спросил Грант, по-прежнему глядя в спину другу.

Бейли почувствовал, как покраснел, ворот рубашки внезапно слишком туго сдавил его шею. Вообще-то его сложно было смутить. Гордость была одним из тех удовольствий, которые он не мог себе позволить. Но, увидев реакцию Эмброуза, он растерялся.

— Что это с ним? — удивленно спросил Бейли.

— Мне кажется, он просто запал на Ферн, — сказал Бинс так, будто, случись такое, это была бы сенсация номер один.

Бейли посмотрел на него, и тот сразу смущенно умолк и закашлялся.

— Я буду вам очень признателен, парни, если потанцуете с ней. Если

считаете, что слишком хороши для нее, не заморачивайтесь. Это ваша потеря, не ее. — Смушение перешло в раздражение.

— Без проблем, старина. Я приглашу ее. — Грант похлопал его по плечу.

— Я за. Мне нравится Ферн. Я с удовольствием с ней потанцую, — кивнул Поли.

— И я. Я просто обожаю Ферн, — вклинился Бинс, задорно ухмыляясь. Бейли решил пропустить эту фразу мимо ушей. Это же Бинс, он по-другому не умеет.

— Ты всегда можешь рассчитывать на меня, Шин. Но если я приглашу ее, она поймет, что дело нечисто, — виновато отозвался Джесси. — Я ведь встречаюсь с Марли, все об этом знают.

— Ничего, Джесси. Ты прав. Я не хочу, чтобы это было слишком очевидно, — облегченно вздохнул Бейли.

— Ну а чем же займешься ты, пока мы развлекаем Ферн? — поддразнил его Бинс.

— Я потанцую с Ритой, — ни секунды не медля ответил Бейли.

Друзья засвистели и засмеялись, а Бейли лишь усмехнулся и развернул коляску. Ферн только что вернулась и искала его взглядом.

— Присмотрите за ней, ребята. А я позабочусь о Рите, — кинул он им, обернувшись.

— Не волнуйся, — помахал ему Грант.

— Присмотрим, — подтвердил Поли. — А еще я найду Эмброуза. Кто-то должен присмотреть и за ним.

* * *

— Я могу остаться? — робко спросил Эмброуз.

Об этом трудно было просить, но он не мог уйти. Не сегодня. Они не спали почти всю ночь, до рассвета оставался всего час. Эллиот ушел в пекарню, а Джошуа и Рейчел примчались за дочерью, как только им позвонили. Прошло всего две недели с той ночи, когда они ездили в больницу к Бейли. По их испуганным лицам и слезам было видно: они готовились к худшему.

Ферн и Эмброуза допросили прибывшие на место офицеры полиции. Беккера Гарта увезли в больницу, а потом доставили в участок. Ферн отказалась ехать с врачами, но позволила полицейским сфотографировать ее ушибы. Она была в синяках и царапинах, и утром она будет от них

страдать. Но сейчас она мирно спала, а Эмброуз стоял у их входной двери, держась за ручку и прося у Джошуа Тейлора позволения остаться на ночь.

— Я не хочу ее покидать. Когда закрываю глаза, вижу, как этот ублюдок тащит ее... Простите, сэр. — Эмброуз извинился — он не знал, каким еще словом обозвать Беккера Гарта.

— Ничего, Эмброуз. Я понимаю. — Джошуа Тейлор слабо улыбнулся, изучая его лицо. Эмброуз знал, что отца Ферн не интересовали шрамы. Он хотел понять намерения парня, очевидно влюбленного в его дочь.

— Я постелю тебе внизу.

Кивком он пригласил Эмброуза следовать за ним. Пастор двигался так, словно за последнюю неделю постарел лет на десять, и вдруг Янг вспомнил, сколько лет мистеру Тейлору. Он был на двадцать пять лет старше Эллиота, а значит, ему семьдесят. Эмброуз никогда прежде не вспоминал о родителях Ферн, не смотрел на них по-настоящему, как и на нее саму до той ночи на озере.

Ферн родилась у них поздно. Каково это — осознать, что станешь родителем, когда уже и не надеешься? Как непредсказуема порой судьба! Сколь неопишимо счастье от того, что в мире появилось это маленькое чудо, столь же безутешно горе, когда ребенок уходит из жизни. Сегодня Джошуа Тейлор едва не лишился своего чуда, а Эмброуз стал свидетелем чуда совсем иного.

Пастор достал из комода простыню, подушку и старый розовый плед, прошел в гостиную и начал стелить на диване так, словно делал это уже сотню раз.

— Не нужно, сэр. Пожалуйста. Я могу сам. — Эмброуз хотел избавить его от хлопот, но отец Ферн отмахнулся и продолжил подтыкать сложенную вдвое простыню.

— Вот. Тебе тут будет удобно. Иногда, когда мне не дают покоя мысли и я не хочу будить Рейчел, я спускаюсь сюда. Я много ночей провел на этом диване. Ты повыше меня, но, думаю, поместишься.

— Спасибо, сэр.

Мистер Тейлор кивнул и похлопал Эмброуза по плечу. Он уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился, уставившись на коврик у дивана.

— Спасибо, Эмброуз, — сказал он взволнованно. — Я часто переживал, что после смерти Бейли что-нибудь случится и с Ферн. Совершенно нелогичный страх, я понимаю, но их жизни всегда были так тесно переплетены. Энджи и Рейчел даже о беременности узнали в один и тот же день. Я беспокоился, что Господь послал нам Ферн с особой целью,

с миссией и, когда она будет завершена, он ее заберет.

— Господь дал, Господь и взял?^[69]

— Да... вроде того.

— Никогда не любил эти слова.

Пастор удивился, но продолжил:

— Сегодня, когда ты позвонил... даже прежде, чем ты заговорил, я знал: что-то стряслось. Готовился услышать худшее. Я никогда не говорил об этом Рейчел. Не хотел, чтобы она тоже боялась. — Джошуа посмотрел на Эмброуза большими карими, как у Ферн, глазами, полными слез. — Ты подарил мне надежду, Эмброуз. Может, даже сильнее укрепил мою веру.

— И свою, — признался Эмброуз.

Пастор вновь удивился, но на сей раз решил уточнить:

— Каким же образом?

— Я бы не услышал ее крика. Радио работало на полной громкости, был включен миксер. К тому же я теперь вообще не очень-то хорошо слышу. — Он криво улыбнулся, но через мгновение взгляд его стал серьезным. — Я слышал Поли, своего друга. Помните Пола Кимбэлла?

Мистер Тейлор кивнул.

— Он словно стоял рядом со мной и шептал на ухо. Поли предупредил меня — велел прислушаться. Он всегда говорил, что мы должны лучше прислушиваться.

Губы пастора задрожали, и он прикрыл рот рукой, явно тронутый признанием Эмброуза.

— После Ирака мне было... трудно... поверить, что впереди меня что-то ждет. Я даже усомнился, что в жизни есть смысл. Мы появляемся на свет, страдаем, наблюдаем за страданиями близких, а потом умираем. Все казалось таким... бессмысленным. Жестоким. Необратимым. — Эмброуз замолчал, позволив воспоминанию о голосе Поли согреть его изнутри, и, почерпнув в нем сил, продолжил: — Но теперь... я больше не могу говорить так однозначно. Я многого не понимаю... но лучше не понимать, чем не верить. — Эмброуз потер переносицу и посмотрел на Джошуа, предполагая, что тот ему возразит. — В моих словах есть хоть какой-то смысл?

Джошуа оперся о подлокотник и опустился в кресло, словно ноги ему внезапно отказали.

— Да. Да. Еще какой смысл, — тихо ответил он, кивая. — Еще какой. Эмброуз тоже сел, утопая в старом диване.

— Ты хороший человек, Эмброуз. Моя дочь любит тебя. Я это вижу.

— А я люблю ее, — ответил Эмброуз и осекся.

— Но? — спросил пастор. Помогая людям много лет, он научился угадывать, когда кто-то не договаривал мысль.

— Ферн любит опекать. Я беспокоюсь, что мое... моя... — Эмброуз не мог подобрать слово.

— Потребность? — мягко подсказал Джошуа Тейлор.

— Мое уродство, — поспешно исправил его Эмброуз, — я беспокоюсь, что оно пробуждает в ней желание заботиться обо мне. Я отнюдь не красавец, пастор. Вдруг в один прекрасный день она увидит меня таким, каков я есть, и решит, что одной моей потребности в ней для нее мало?

— Однажды ко мне приходил твой отец. Его беспокоило то же, что и тебя. Эллиот думал, что, выгляди он иначе, твоя мать не оставила бы его.

Эмброузу стало больно за отца, в нем вспыхнула злость на женщину, которая списала его со счетов ради пустышки из рекламы нижнего белья.

— Могу я дать тебе тот же совет, что тогда дал и ему? — мягко спросил Джошуа Тейлор. — Порой красота или ее недостаток не позволяет нам по-настоящему узнать человека. Вот ты, например, любишь Ферн, потому что она красива?

Эмброузу нравилось смотреть на нее. Но он любил и ее смех, то, как она танцует или рассуждает об облаках, лежа на глади озера. Он любит ее самоотверженность, чувство юмора и искренность. Именно эти вещи делали Ферн красивой в его глазах.

— Полагаю, на свете много девушек, которые внешне гораздо привлекательнее Ферн. Но любишь ты ее.

— Ее, — с уверенностью ответил Эмброуз.

— Полно мужчин, более нуждающихся в заботе или более уродливых, чем ты. И все же ты первый, кто ей понравился. — Пастор Тейлор рассмеялся. — Если все дело в альтруизме, почему она еще не открыла приют для обезображенных и сбившихся с пути?

Эмброуз усмехнулся, и на мгновение мистер Тейлор посмотрел на него по-отцовски нежно. Благодаря позднему часу и общему страху за близкого человека разговор получился очень искренним.

— Эмброуз, Ферн уже знает, каков ты на самом деле. Вот почему она тебя любит.

Ферн молча помогала Эмброузу собирать вещи. Она мало говорила всю неделю — смерть Бейли все еще мучила ее, нападение Беккера лишь усугубило ситуацию. Теперь, когда Эмброуз уезжал, она не могла себе представить, как будет просыпаться по утрам — впервые в жизни совершенно одна во всем городе. Эмброуз помогал ей справиться с утратой Бейли, но кто поможет ей пережить разлуку с ним? Она поймала себя на том, что снова и снова складывает уже сложенные рубашки, скручивает носки, перекладывает вещи с одного места на другое — Эмброуз не мог ничего найти.

— Прости, — извинилась Ферн в десятый раз за последние полчаса.

Она отошла подальше от чемоданов, боясь снова все перепутать, и начала заправлять кровать, просто потому что ей нечем было себя занять.

— Ферн?

Она продолжала разглаживать складки на одеяле и даже не взглянула на Эмброуза, когда тот окликнул ее.

— Ферн. Прекрати. Оставь. Мне все равно через пару часов снова ложиться, — сказал Эмброуз.

Но Ферн не могла остановиться. Ей нужно было что-то делать. Она вышла в коридор в поисках пылесоса. Эллиот работал в пекарне, заменяя Эмброуза, и в доме царила тишина. Ферн быстро отыскала пылесос, тряпки, чистящее средство. Она летала по почти опустевшей комнате, охотясь за пылью и протирая все вокруг. Эмброуз тяжело вздохнул, закрывая последний чемодан, и повернулся к ней, уперев руки в бока:

— Ферн.

— Да? — Она уставилась на стену, часть которой стала подозрительно светлой — Ферн слишком сильно ее терла.

— Брось тряпку и медленно отойди от нее, — скомандовал Эмброуз.

Ферн закатила глаза, но остановилась. Положив тряпку и банку с чистящим средством на стол, она, передразнивая Эмброуза, встала точно так же.

— Подними руки, чтобы я их видел.

Ферн подняла и заткнула пальцами уши, потом скосила глаза, надула щеки и высунула язык. Эмброуз захохотал и, подхватив ее на руки, бросил

на кровать. Сам забрался следом, устраиваясь так, чтобы она не смогла из-под него выбраться.

— Вечно ты корчишь рожи, — улыбнулся он, проводя пальцем по ее переносице, губам и подбородку.

Когда он дотронулся до губ, от улыбки, за которой Ферн прятала свое отчаяние, не осталось и следа.

— Погоди-ка... а это что за лицо? — мягко спросил Эмброуз.

— Я очень стараюсь быть храброй, — тихо ответила Ферн, закрывая глаза, чтобы спрятаться от его внимательного взгляда. — Так что это мое храброе, но грустное лицо.

— Слишком грустное лицо, — вздохнул Эмброуз.

Он легко поцеловал ее, но тут из-под опущенных ресниц Ферн потекли слезы. Она оттолкнула Эмброуза и бросилась к двери. Не хотела, чтобы он чувствовал себя неуютно, не хотела, чтобы он уезжал с тяжелым сердцем. Она знала, ему нужно ехать. Но все в ней противилось этому.

— Ферн! Стой.

Все это походило на ту ночь на озере: Ферн убегала, чтобы скрыть слезы. Но в этот раз Эмброуз оказался быстрее: захлопнул дверь прежде, чем Ферн успела выбежать. Он обхватил ее сзади, крепко прижал к себе — и она зарыдала, спрятав лицо в ладонях.

— Тише, милая, тише, — успокаивал он. — Это ведь не навсегда.

— Знаю, — всхлипнула она, и Эмброуз почувствовал, как Ферн, успокаиваясь, делает глубокий вдох.

— Я хотела тебе кое-что показать. — Она вдруг вытерла щеки, повернулась к нему и начала расстегивать белые пуговицы на своей рубашке.

У Эмброуза пересохло во рту. Он бесчисленное количество раз представлял себе этот момент, но они все еще ходили по краю пропасти, словно боясь сорваться. Им было довольно трудно остаться наедине — оба жили с родителями, и уединение, такое, какого он хотел с ней, было им недоступно. Им приходилось довольствоваться объятиями и страстными поцелуями, хотя с каждым днем Эмброузу становилось все сложнее себя сдерживать.

Ферн расстегнула не больше пяти пуговиц и отодвинула рубашку над левой грудью — чуть выше бюстгальтера. Эмброуз увидел имя, набитое маленькими буквами прямо над сердцем: *Бейли*. Он протянул руку, дотронулся до татуировки, и от его легкого прикосновения по ее телу побежали мурашки. Надпись сделали недавно — кожа вокруг нее была розовой. Ширина — всего пара сантиметров. Маленькая дань дорогому

человеку.

Ферн, похоже, смутила его реакция.

— Я чувствовала себя такой крутой, когда сидела в тату-салоне. Но я сделала это не ради хард-кора. Я сделала это, чтобы... он всегда был рядом. Мне кажется, я — та, кто должен был запечатлеть его на сердце.

— У тебя татушка, синяк под глазом, и я только что видел твой лифчик. Да ты ходячий хард-кор, Ферн, — усмехнулся Эмброуз, хотя вид синяка все еще будил в нем ярость. — Надо было сказать мне. Я бы пошел с тобой за компанию.

Он стянул светло-серую футболку. Теперь на него уставилась Ферн.

— Кажется, мы оба хотели удивить друг друга, — добавил он.

Имена на его груди расположились в ряд, как белые надгробия на вершине мемориального холма. Хотя Бейли и не был похоронен с солдатами, но его имя теперь тоже было в этом списке.

— Что это? — спросила Ферн, проводя пальцами по длинной зеленой ветви с аккуратными листьями, очерчивавшими все пять имен.

— Папоротник.

— Ты набил... папоротник? — Нижняя губа Ферн задрожала, и, если бы Эмброуз не был тронут ее эмоциями, он бы рассмеялся от умиления — таким простодушным было выражение ее лица.

— Но... это ведь на всю жизнь, — ошеломленно прошептала она.

— Да. Как и ты, — медленно ответил Эмброуз, дожидаясь, пока смысл его слов дойдет до нее.

Их взгляды встретились: в ее глазах боролись печаль, недоверие и радость. Она так хотела ему верить, но не была уверена, что можно.

— Я не Бейли, Ферн. И никогда его не заменю. Вы были не разлей вода. Это немного меня беспокоит, потому что в твоей жизни еще долго будет зиять дыра... может быть, всегда. Я понимаю, каково это. Весь последний год я чувствовал себя снежинкой — помнишь, как те, которые мы делали в школе? Складываешь бумагу и режешь ее до тех пор, пока она не превращается в решето. Так выглядел и я, и каждая дыра была именем. Никто — ни ты, ни я — не сможет их заклеить. Но мы можем помочь друг другу в них не провалиться. Ты нужна мне, Ферн. Я не стану лгать. Ты нужна мне. Но не так, как ты нужна была Бейли. Мне больно, когда мы порознь, ведь ты даешь мне надежду. Делаешь меня счастливым. Но я не хочу, чтобы ты меня брила, расчесывала и вытирала мне нос.

Ферн снова помрачнела, погрузившись в воспоминания о Бейли. Она прикрыла глаза, чтобы спрятать боль. Ее плечи снова задрожали.

— Бейли нуждался в заботе, Ферн. И ты давала ему то, что было

нужно, потому что любила его. Ты думаешь, что я тоже нуждаюсь в тебе, но ты не уверена, люблю ли я тебя. Поэтому пытаешься заботиться обо мне, как о нем.

— Чего ты от меня хочешь, Эмброуз? — воскликнула Ферн, все еще прикрывая руками лицо.

Он потянул ее запястья, желая увидеть глаза, чтобы раз и навсегда ответить на ее вопрос.

— Я хочу твоё тело. Твои губы. Твои рыжие волосы. Я хочу слышать твой смех и видеть твои забавные рожицы. Я хочу твоей дружбы и твоих вдохновляющих мыслей. Стихи Шекспира, романы Эмбер Роуз и твои воспоминания о Бейли. И хочу, чтобы ты была со мной, куда бы я ни отправился.

Ферн опустила руки. И, хотя ее щеки все еще были влажными от слез, она улыбалась, закусив губу. Эмброуз наклонился и нежно поцеловал Ферн — она выглядела такой трогательной. Но потом он отстранился — разговор нужно было закончить.

— В последний раз, когда я попросил близких мне людей поехать со мной и они поехали, сами того не желая, я их потерял. — Эмброуз, нахмурившись, задумчиво накрутил на палец прядку волос Ферн.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой в университет?

— Вроде того.

— Вроде того?

— Я люблю тебя, Ферн. Я хочу, чтобы ты вышла за меня.

— Правда? — тоненьким голосом спросила она.

— Правда. Лучше Ферн Тейлор нет никого.

— Нет никого? — воскликнула она.

— Нет. — Эмброуз не смог сдержать смех, глядя на ее недоверчивую мину. — И если ты станешь моей, всю оставшуюся жизнь я изо всех сил буду стараться сделать тебя счастливой. А когда тебе надоест на меня смотреть, обещаю — я буду петь.

Ферн засмеялась.

— Да или нет? — серьезно спросил Эмброуз на манер их любимой игры в вопросы, и ожидание повисло в воздухе.

— Да.

Трибуны были забиты фанатами в белом и голубом. Обычно Ферн приходилось договариваться о том, чтобы поставить кресло Бейли с торца ряда, и сидела она всегда с краю, но не сегодня, отчего она чувствовала себя не в своей тарелке. Хотя им достались хорошие места — Эмброуз позаботился об этом. Слева от нее сидел дядя Майк, справа — Эллиот Янг, а рядом с ним — Джейми Кимбэлл, мама Поли. Она уже несколько лет работала кассиром в пекарне, и Эллиот наконец-то решился пригласить ее на свидание. Пока все шло хорошо. Они были нужны друг другу, но что еще важнее — они заслуживали друг друга.

Шел последний турнир сезона для «Пенн-Стейт Ниттани Лайонс»,^[70] и Ферн так волновалась, что была вынуждена засунуть руки под попу, чтобы не грызть ногти. Она переживала всякий раз, когда Эмброуз выходил на мат, хоть побеждал он гораздо чаще, чем проигрывал. Интересно, как мистер Шин из года в год терпит эту пытку. Если ты любил кого-то из борцов, их поединки ужасно изматывали.

Эмброуз победил не во всех боях. Этот год был очень напряженным, учитывая долгий перерыв в спорте и то, в каком состоянии он начал сезон. Ферн взяла с него обещание, что он будет наслаждаться тем, каков он есть, и Эмброуз искренне старался. Больше никаких попыток стать покорителем Вселенной, Гераклом или Железным Человеком — да кем угодно, кроме Эмброуза Янга, сына Эллиота Янга и жениха Ферн Тейлор. Она глубоко вздохнула и попыталась последовать собственному совету. Она — дочь Джошуа и Рейчел, двоюродная сестра Бейли и невеста Эмброуза. Ни с кем на свете она бы не поменялась местами.

Ферн не поехала с ним в университет. Оба понимали, что это будет неправильно. Она наконец-то подписала контракт на три книги с крупным издательством, и ей нужно было соблюдать сроки. Первый роман готовили к выходу весной. А Эмброузу предстояло расправиться со своими драконами — без волшебных щитов и верных союзников.

Он испытывал страх и признавал это. Любопытные взгляды, сплетни за спиной, попытки объяснить свои увечья — все это терзало его, но он смирился, убедив себя, что вопросы дают ему возможность вынести все на свет божий. Вскоре ребята в команде уже не обращали внимания на шрамы,

как Ферн никогда не замечала инвалидную коляску Бейли. Как сам Эмброуз перестал вдруг видеть невзрачную восемнадцатилетнюю девчонку и впервые увидел настоящую Ферн.

Главный тренер Пенн-Стейт ничего не обещал Эмброузу, стипендию он не получил. Ему разрешили прийти потренироваться с командой. Янг приехал в октябре, посреди семестра — на месяц позже остальных. Но уже через несколько недель он впечатлил и тренеров, и товарищей по команде.

Ферн и Эмброуз снова начали писать друг другу письма — длинные имейлы с их любимыми вопросами «или-или». Нежные и странные послания словно сокращали расстояние между ними. Ферн всегда заканчивала письма подписью ФЕРН, чтобы он наверняка знал, от кого они. Эти послания заставляли их смеяться и плакать, с нетерпением ждать выходных, когда кто-нибудь из них отправлялся в путь из Ханна-Лейк в Пенн-Стейт или обратно. Иногда они встречались где-нибудь между городами и терялись друг в друге на несколько дней. Секунды складывались в минуты, а каждая минута обретает ценность, когда понимаешь, что жизнь может оборваться быстрее, чем успеешь сделать вдох.

Когда Эмброуз с командой выбежал на мат, сердце Ферн бешено заколотилось, и она замахала руками. Он быстро отыскал ее взглядом и криво улыбнулся: Ферн обожала эту улыбку. Вдруг Эмброуз показал ей язык и скосил глаза. Она повторила за ним и увидела, как он смеется.

А потом Эмброуз положил руку на грудь, туда, где были набиты имена, и Ферн, почувствовав, как к горлу подкатил комок, дотронулась до того места, где написано имя брата. Бейли был бы счастлив, окажись он здесь. Если Бог и жизнь после смерти существовали, так оно и было, Ферн в этом не сомневалась. Он катался бы вокруг матов, анализируя матчи, делая пометки и записывая имена. Поли, Джесси, Бинс и Грант тоже сидели бы здесь, на матах, наблюдая за тем, как их лучший друг изо всех сил старается жить без них. Они поддержали бы его — как всегда. Даже Джесси.

* * *

Ферн и Эмброуз поженились летом две тысячи шестого. Маленькая церквушка, служению в которой Джошуа и Рейчел Тейлор посвятили всю свою жизнь, была забита людьми. Рита была подружкой невесты. Ее жизнь в Ханна-Лейк наладилась: Беккер сидел в тюрьме, ожидая суда. Ему

грозили три срока по трем разным делам.

Рита получила развод и с головой ушла в подготовку свадьбы, которую запомнят на много-много лет. Она превзошла себя. Все было идеально, лучше, чем Ферн могла себе представить. Но не о цветах, не о торте, даже не о красоте невесты или благородстве жениха говорили гости. В воздухе витало что-то особое. Сладкое ощущение, заставившее некоторых пришедших на секунду остановиться и восхищенно спросить: «Вы это чувствуете?»

Здесь была семья Гранта, были Марли и Джесси-младший. Вместе с Ферн Эмброуз наконец обошел всех родственников своих погибших друзей. Всем им пришлось нелегко, но так началось исцеление, несмотря на то что Луиза О'Тул, по-прежнему винившая Эмброуза, отказалась открыть ему дверь и не появилась на свадьбе. Каждый по-своему справляется с утратой, и придет время, когда она смирится со своей. Джейми Кимбэлл и Эллиот пришли вместе, по их сплетенным рукам и теплым взглядам было понятно, что город в скором времени ждет еще одна свадьба.

Малыш Тай быстро рос, правда, иногда по-прежнему забирался в кресло Бейли и просил его покатать. Но на свадьбе никто не сидел в кресле Бейли. Оно стояло на почетном месте — в первом ряду с краю, и когда Ферн под руку с матерью шла к алтарю, она не сводила с него глаз и очнулась лишь тогда, когда Эмброуз взял ее под руку.

Пастор Тейлор поцеловал дочь и прикоснулся к изрытой оспинами щеке парня, который пообещал любить Ферн и оставаться ей верным всю жизнь. Клятвы были произнесены и скреплены поцелуем, глядя на который гости невольно усомнились, что молодожены задержатся на праздничном ужине. Джошуа Тейлор, расчувствовавшись, обратился к гостям, восхищаясь красотой пары, которой пришлось преодолеть столько преград.

— Чтобы понять истинную красоту, которая не увядает, нужно время. Нужны испытания. Нужна невероятная стойкость. Красота — как те капли, что постепенно образуют сталактит, как дрожь Земли, возводящая горы, как удары волн, стачивающие скалы. Из неистовства, из гнева, из бушующих ветров и бурлящих вод рождается что-то прекрасное — то, чего иначе бы не существовало. И потому мы держимся. Мы знаем: есть высший замысел. Мы надеемся на того, кого невозможно узреть. Мы верим: потери дают нам опыт, а любовь — силу. В каждом из нас можно отыскать внутреннюю красоту — столь величественную, что внешняя красота никогда с ней не сравнится.

ЭПИЛОГ

— «...и Геракл, страдая от ужасной боли, взмолился, чтобы друзья его зажгли огромный костер, который достал бы до небес. Он бросился в тот огонь, надеясь избавиться от боли, которую причинял яд, впитавшийся в кожу. С высоты Олимпа могущественный Зевс посмотрел на своего сына и, видя, как он мучается, сказал мстительной жене: „Он довольно страдал и доказал свою верность“. Гера взглянула на Геракла и сжалилась. Она отправила за ним сверкающую колесницу, чтобы та подняла его на Олимп, к богам. Там наш герой живет и по сей день», — закончил Эмброуз, закрывая книгу и надеясь, что его не заставят продолжать.

Реакцией на столь триумфальный конец была тишина. Янг посмотрел на шестилетнего сына, решив, что тот уснул где-то между двенадцатым подвигом и финалом. Ярко-рыжие кудряшки разметались вокруг лица, а в больших, широко распахнутых темных глазах читалась глубокая задумчивость.

— Папа, а ты такой же сильный, как Геракл?

Эмброуз сдержал улыбку, затем, подхватив маленького мечтателя на руки, уложил его в кровать и подоткнул одеяло. Время вечерних историй давно истекло. В соседней комнате Ферн сочиняла свою историю, и он намеревался ее прервать.

— Пап, как думаешь, я когда-нибудь стану таким же героем, как Геракл?

— Не обязательно быть таким же, как он, дружок. — Эмброуз выключил свет и остановился у двери. — Есть много других героев.

— Да. Наверное. Спокойной ночи, пап!

— Спокойной ночи, Бейли.

БЛАГОДАРНОСТИ

С каждой моей книгой список людей, которые заслуживают благодарности и почестей, растет в геометрической прогрессии. В первую очередь я должна поблагодарить своего мужа Трэвиса. Трэвис — борец, и я уверена, что этот спорт воспитывает отличных мужчин. Спасибо за твою поддержку, Т. Спасибо, что даешь мне возможность быть матерью и писательницей.

Спасибо моим детям: Полу, Ханне, Чарли и малютке Сэму. Я знаю, что вам приходится непросто, когда я ухожу в свои мысли, к книжным героям. Спасибо, что все равно любите меня. Моей большой семье — Суториусам и Хармонам — спасибо. Мама и папа, спасибо, что разрешали мне прятаться в вашем подвале и писать там каждый выходной. Люблю вас обоих сильно-сильно.

Особая благодарность Аарону Русу, кузену моего мужа, страдающему от мышечной дистрофии Дюшенна. Аарону совсем недавно исполнилось двадцать четыре, и он по-прежнему полон сил! Спасибо, Аарон, за твою искренность, оптимизм и за то, что провел в разговорах со мной столько времени. Бейли появился благодаря тебе. Дэвиду и Энджи (Хармон) Русам, родителям Аарона, — вы оба бесконечно меня вдохновляете, и я очень вас уважаю. Спасибо за вашу силу и пример.

Эрик Шепард, спасибо за твою службу в армии и за то, что присматривал за моим младшим братом в Ираке. За то, что позволил мне заглянуть в жизнь солдат, которые уходят на войну и возвращаются оттуда.

Энди Эспиноза, сержант полиции на пенсии, спасибо за разъяснение полицейских процедур. Вы здорово помогли мне с двумя последними книгами. Спасибо!

Я благодарна книжным блогам Кристины и Вильмы! Девчонки, вы мои Тельма и Луиза.^[71] Спасибо, что забрались вместе со мной на эту гору и с таким энтузиазмом рекламируете мое творение. Дженни и Гитти из Totally Booked Blog — вы помогли моему роману A Different Blue взять все вершины, и я навечно благодарна вам за веру в меня и ваше честное мнение.

У меня столько преданных читателей и блогеров, что всех и не упомянешь, но знайте, я вам признательна за поддержку. Спасибо.

Джанет Суторис, Элис Лэндвер, Шэннон МакФерсон и Эмме Оркоран — спасибо, что первыми читаете мои книги. Кэри Уайт, невероятному

автору и редактору (прочтите «Мой собственный мистер Дарси»), — за редактирование. Джули Титус, наставнику и подруге, — за то, что всегда находишь для меня время. Моему агенту Крису Парку — за то, что веришь в меня и ведешь вперед.

И, наконец, моему Отцу Небесному — за то, что даже уродливые вещи наделены красотой.

---

notes

Примечания

Вид броска в баскетболе при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз. — *Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.*

Поэтический перевод М. Наймеллера.

Родители Иоанна Крестителя.

Itsy Bitsy Spider — английская детская песенка про паучка.

Перевод С. Маршака. Дж. Г. Байрон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. С. 72.

Стихотворение 1784 г. из коллекции народного фольклора Джозефа Ритсона.

Университет штата Пенсильвания.

Брюс Баумгартнер — американский борец-супертяжеловес вольного стиля, трехкратный чемпион мира. — *Прим. ред.*

Танцы, на которые девушки приглашают молодых людей.

Строчка из песни американского рэпера Del Tha Funkee Homosapien. — *Примеч. ред.*

Джон Смит (р. 1965) — борец вольного стиля, двукратный олимпийский чемпион (1988, 1992). — *Примеч. ред.*

В Херши находится одна из крупнейших в мире кондитерских фабрик — Hershey's; знаменита своим шоколадом. — *Примеч. ред.*

«I Hope You Dance» — песня американской кантри-певицы Ли Энн Уомэк (2002).

Джастин Тимберлейк был лидером этой популярной группы в 1995–2002 годах. — *Примеч. ред.*

«Get Ur Freak on» — песня американской певицы Мисси Эллиот. —
Примеч. ред.

Героиня одноименного мюзикла, который был поставлен в 1977 году.

Перевод Елены Фельдман.

Саддам Хусейн — иракский государственный и политический деятель, президент Ирака с 1979 по 1991 год и с 1994 по 2003-й.

Американско-афганская война.

Международная программа Au pair позволяет юношам и девушкам, уехать в другую страну (ЕС или США), где они приглядывают за детьми, исполняют несложную работу по дому в принимающей семье в обмен на бесплатное проживание, питание и деньги на карманные расходы. Одновременно у них есть возможность учиться. — *Примеч. ред.*

«Бриолин-2» — фильм-мюзикл 1982 года. Ферн вспомнила песню «Reproduction», которую исполняет учитель биологии во время урока. — *Примеч. ред.*

«Хамви» — американский армейский вседорожник.

Отсылка к цитате из романа Л. Ф. Баума «Волшебник Страны Оз». —
Примеч. ред.

Бурка, или паранджа, — женская верхняя одежда в мусульманских странах, полностью укрывающая тело. — *Примеч. ред.*

Установка на крыше автомобиля для крепления пулемета. — *Примеч. ред.*

Опорный пункт ВВС США на территории Германии. — *Примеч. ред.*

Главный медицинский центр армии США в 1909–2011 годах. —
Примеч. ред.

Шекспир У. Сонет 116. Перевод М. Чайковского.

Там же.

Автор ошибся, указывая источник цитаты. Это пьеса «Два веронца». — *Примеч. пер.* См.: Два веронца. Пер. В. Левика и М. Морозова // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 305.

Гамлет, принц датский. Пер. М. Лозинского // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6. С. 50.

Там же. С. 89.

Мера за меру. Пер. М. Зенкевича // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.-Л.: Akademia, 1949. Т. 7. С. 398.

«Ветер под моими крыльями» — песня канадского музыкального дуэта RyanDan.

Британская рок-группа.

Переговорное устройство, по которому через громкую связь передаются голосовые сообщения.

Американский певец.

Tell me more, tell me more («Скажи мне больше», *англ.*).

Дуэт Билла Медли и Бобби Хэтфилда.

Огры — в кельтской мифологии: безобразные злые великаны.

Песня Луи Армстронга.

Британо-американская рок-группа.

Гамлет, принц датский. Пер. М. Лозинского // Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Искусство, 1960. Т. 6. С. 73.

Роман М. Митчелл.

«Остров Гиллигана» — американский ситком, выходивший в 1964–1967 годах. Мэри-Энн (героиня Доун Уэллс) в сериале — милая девушка с хвостиками. — *Примеч. ред.*

Книга Пророка Исайи.

«О благодать» (Amazing Grace) — самый знаменитый христианский гимн. — *Примеч. ред.*

Автор Л. М. Монтгомери (1874–1942).

Издательский дом в Торонто, который специализируется на публикации женских любовных романов.

Американский певец.

Дэн Гейбл выиграл золото в летних Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. — *Примеч. ред.*

Хью Хефнер — основатель и шеф-редактор журнала Playboy.

Мой сын, мое сердце (*исп.*).

«Рокки» (1976) — фильм Джона Эвилдсена, снятый по сценарию Сильвестра Сталлоне (с ним в главной роли). Рокки — профессиональный боксер; он тренируется, взбегая по лестнице Музея искусств в Филадельфии.

Речь идет о драме Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897).

«Чумовая пятница» (2003) — комедия Марка Уотерса; в главных ролях — Джейми Ли Кертис и Линдси Лохан. По сюжету мать и дочь меняются телами.

Штат не имеет выхода к морю. — *Примеч. ред.*

«Паутина Шарлотты» (1952) — детская повесть Элвина Брукса Уайта. — *Примеч. ред.*

«Эта прекрасная жизнь» (1946) — фильм Фрэнка Капры по рассказу Филипа ван Дорена Стерна «Величайший подарок». Джеймс Стюарт исполняет в нем главную роль. — *Примеч. ред.*

Перевод Елены Фельдман.

Перевод Елены Фельдман.

Криптонит — радиоактивное вещество, появившееся после разрушения планеты Криптон (Вселенная DC Comics). Единственное, что может лишить силы Супермена. — *Примеч. ред.*

Fern — «папоротник» (*англ.*).

«Саймон и Гарфанкел» (Simon and Garfunkel) — известный фолк-рок-дуэт 1960-х.

«Моя кухня» (исп.).

Популярный американский сериал, выходил в 1989–1998 годах. —
Примеч. ред.

Шекспир У. Отелло, венецианский мавр. Перевод П. Вейнберга.

Игра слов: rock'n'roll (англ.) — «качайся и катись». — *Примеч. ред.*

Книга Иова 1:21.

Сборная по борьбе Университета штата Пенсильвания.

«Тельма и Луиза» (1991) — американский фильм.